

1150 лет российской государственности

«Средневековая Русь в археологических исследованиях РАН»

Средневековая Русь в полевых исследованиях Института археологии РАН 2001–2011 г.

Н.А. Макаров,

Директор Института археологии РАН, акад. РАН, д.и.н.

Первое знакомство науки с археологическими древностями средневековой Руси состоялось почти два столетия назад, когда в руки любителей старины впервые попали драгоценные украшения из клада, найденного в Старой Рязани, а в Киеве были предприняты раскопки руин Десятинной церкви, – древнейшего каменного храма, построенного Владимиром после принятия крещения. Однако осознание важности археологических материалов как особых источников информации о средневековом обществе и культуре приходило постепенно, по мере расширения раскопок, формирования музейных коллекций и систематизации древностей, развития научных методов археологической науки и появления в поле зрения исследователей новых категорий памятников. Долгое время археологические материалы воспринимались лишь как иллюстрации летописных текстов, рассказывающих о событиях ранней русской истории. Широкие раскопки древнерусских курганов, проведенные в конце XIX – начале XX вв., впервые дали возможность оценить потенциал средневековых древностей для характеристики культурного своеобразия отдельных областей Древней Руси, поставив на повестку дня изучение этногеографии Повести временных лет и истории расселения восточнославянских племен.

1. Титульный лист альбома «Рисунки рязанских русских древностей» Ф. Солнцева 1823 г. 2. Лист из альбома рисунков рязанских древностей Ф. Солнцева 1823 года с изображениями княжеских барм. 3. Титульный лист «Обозрения могил, валов и городищ Киевской губернии» И. Фундукля. 1848 г.

Во второй половине XX века археология коренным образом изменила наше видение средневековой Руси, открыв ее для современной науки как подлинный мир материальных предметов и добавив к тому, что ранее было известно историкам о восточноевропейском средневековье, внушительный объем новых фактов. Археологические исследования дали ответы на многие поставленные историками вопросы, которые, казалось бы, не имели перспективы решения из-за бедности письменных источников или возможности различного их истолкования. На основании археологических данных была реконструирована история славянского расселения на Русской равнине во второй половине I тыс. н.э., идентифицированы дружинные могильники и раннегородские поселения X в., характеризующие социальные отношения и экономику времени становления русской государственности, раскрыто своеобразие культуры Руси домонгольского времени. Важнейшим достижением советской археологии стало открытие древнерусских городов как археологических памятников, исследование городской жизни и экономики. материалов, открытия боярских усадеб и берестяных грамот, вошел в сокровищницу культурного наследия как археологический памятник мирового класса.

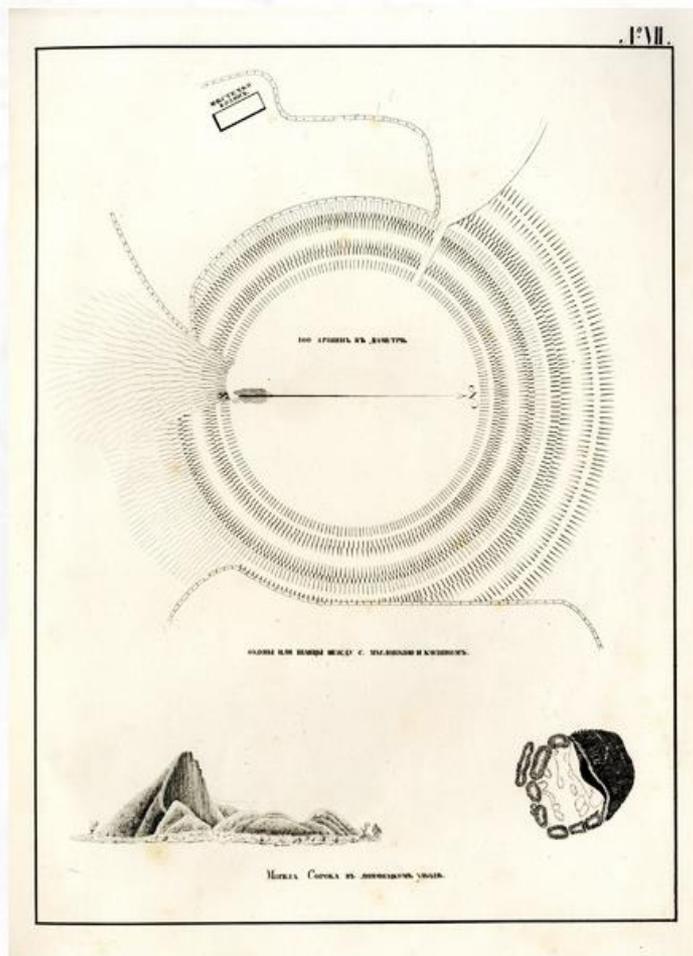
Неревский раскоп в Великом Новгороде. 1953 г.

Прорыв в этом направлении был сделан благодаря раскопкам в Великом Новгороде, который, после выявления влажного культурного слоя, сохраняющего деревянные постройки и предметы из органических культурного наследия как археологический памятник мирового класса.

Последнее десятилетие принесло много нового в изучение древностей средневековой Руси и в наше отношение к ее археологическому наследию. Современный критический взгляд на многие построения исторической науки XX в., свойственные нашему времени сомнения в том, что историки могут обеспечить объективное видение прошлого, сделал актуальной проверку достоверности многих «фактов» ранней истории Руси, которые долгое время воспринимались как аксиомы. Обозначилась потребность в более строгой оценке обоснованности сложившихся воззрений на общественный строй ранней Руси и этнокультурные процессы на Русской равнине, в мобилизации археологических источников для более глубокого изучения многих явлений, получивших слабое отражение в письменных источниках.

Раскопки поселения Крутик. 2011 г.

Лист № VII «Обозрения могил, валов и городищ Киевской губернии» И. Фундукля. 1848 г.

Ответом археологии на новые вызовы стало совершенствование методов полевых работ, внедрение новых приемов изучения культурного слоя, сбора находок и палеоэкологических материалов, привлечение естественных наук к анализу и интерпретации археологических данных и изучению палеосреды. Обновление методического арсенала российской археологии и практических приемов полевых и лабораторных работ началось в 1990-х гг., но его эффект в изучении средневекового прошлого в полной мере проявился в первое десятилетие XXI века. Одним из существенных аспектов этого обновления стало использование новых технических средств для фиксации процесса раскопок и их результатов, позволяющее точно передать особенности древних памятников, продлить их жизнь в архивной документации и проследить значимые для их понимания детали, которые не видны невооруженным глазом.

Изменения затронули и другие аспекты средневековой археологии. Археологическая галерея средневековой Руси постепенно пополнилась новыми типами и категориями памятников, которые ранее были малоизвестны науке. Долгие десятилетия основными объектами раскопок, воспринимавшимися как значимые источники новой информации о русском средневековье, оставались курганные могильники, культурный слой средневековых городов, городища и, в меньшей степени, селища (неукрепленные поселения). Но в конце XX в. в поле зрения археологии оказались и иные категории памятников: пахотные горизонты средневековых полей, производственные зоны поселений, участки влажного культурного слоя с хозяйственными объектами, многообразные типы погребальных памятников, включая трудноуловимые могильники с остатками кремаций, помещенными на поверхности земли, позднесредневековые монастырские некрополи, инженерные сооружения, места полей сражений.

Исследование этих объектов существенно обогатило наши представления о средневековой экономике, пространственной организации жизни, повседневных занятиях и религиозных обрядах. Существенно расширилась география полевых работ: наряду с раскопками классических памятников, ставших вечными спутниками средневековой археологии, таких как Новгород, Старая Ладога, Гнездово, работы были развернуты на ранее неизвестных объектах, выявленных разведками последних лет, в малоисследованных областях. Успехи в археологическом изучении средневековой Руси в эти десятилетия не в последнюю очередь определялись стремлением изменить традиционные маршруты экспедиций, выбором новых точек раскопок.

Среди новых веяний следует отметить рост интереса к древностям Московской Руси, поворот к исследованию археологических памятников позднего средневековья и раннего Нового времени (XV–XVII вв.), значение которых ранее недооценивалось академической наукой.

Раскоп на поселении Шекшово 2 в Суздальском ополье. 2011 г.

Троицкий раскоп в Великом Новгороде. 1994 г.

Широкие раскопки монастырей, развернутые в связи с проведением реставрационных работ, исследование значительных участков культурного слоя XIV–XVII вв. в исторических городах, в том числе в Москве, изучение городских и монастырских некрополей показало, что «поздние древности» могут быть источником не только для более точного воссоздания конкретных событий и отдельных аспектов повседневной жизни, но и для изучения крупных исторических явлений, которые не нашли полного отражения в письменных документах. Так, они позволяют восстановить общую динамику освоения территории крупных городов, представить первоначальный облик монастырей, оценить масштабы поступления восточных и западных импортов в русские города в различные периоды и их влияние на культурные традиции Московской Руси.

Наконец, еще один существенный новый момент – значительная часть материалов по археологии средневековой Руси и Московского царства в последнее десятилетие была получена в результате спасательных раскопок на участках строительства.

Охранная археология становится сегодня важнейшим каналом притока новых данных о древнерусских городах, сельских поселениях и монастырях даже в тех географических точках, где археологические исследования до последнего времени проводились, преимущественно, как чисто научные проекты, например, в Новгороде.

Разумеется, получение новых археологических материалов, в том числе представляющих значительную научную ценность, далеко не всегда оправдывает вторжение современной цивилизации в историческую среду древних городов и сельских ландшафтов и не во всех случаях может рассматриваться как оптимальный путь сохранения археологического наследия. Тем не менее, совершенно очевидно, что именно благодаря охранным раскопкам археологам в последние годы удалось получить исключительно значимые материалы, которые мы не могли бы собрать иным путем. Спасательные раскопки дали уникальную возможность исследовать средневековые городские кварталы широкими площадями, выявить остатки ранних некрополей, сnivelированных городскими усадьбами, провести раскопки в ключевых точках городов, в обычных условиях недоступных для ученых (Московский Кремль, Стрелка Ярославля), полностью исследовать средневековые сельские поселения.

Институт археологии РАН является сегодня крупнейшим археологическим учреждением, ведущим исследования древностей средневековья и раннего нового времени в Европейской России. 18 статей, составляющих настоящую подборку, содержат информацию о наиболее значимых открытиях в этой области, сделанных исследователями Института в новом тысячелетии. Собранные статьи излагают новейшие результаты изучения древнерусских городов (Великого Новгорода, Изборска, Ростова, Ярославля, Владимира, Старой Рязани, Ростиславля), сельских поселений некоторых исторических областей (Суздальское Ополье, Белоозеро, Кубенское озеро, Москворецкий бассейн), известнейших архитектурных памятников ранней поры (церковь Бориса и Глеба в Кидекше, церкви Пантелеймонова и Благовещенского монастырей в Новгороде), древнерусских курганных могильников (Новоселки), монастырей Московской Руси (Зачатьевский монастырь в Москве, Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь), исторических некрополей (усыпальница Пожарских в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре), культурного слоя Москвы (Романов двор). Это своеобразная археологическая мозаика русских древностей, раскрывающая их научную ценность, неизвестные грани средневековой истории и культуры и возможности современной науки в их изучении.

Великий Новгород

An aerial photograph of the Veliky Novgorod Kremlin, showing the red brick walls and towers, the central cathedral complex, and the surrounding city built on a hillside overlooking the Volga River.

Основные результаты новейших археологических исследований в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода

В 2008–2011 гг. хоздоговорным отрядом Новгородской археологической экспедиции Института археологии РАН на Софийской стороне Великого Новгорода к юго-западу от кремля в нескольких местах, отведенных под строительство жилых домов, были проведены масштабные исследования, предваряющие застройку этих участков. Благодаря проведенным археологическим работам получены новые материалы, важные не только для истории Великого Новгорода, но и средневековой Руси в целом. Ниже приводятся основные итоги проделанной работы.

Десятинные раскопы в Великом Новгороде

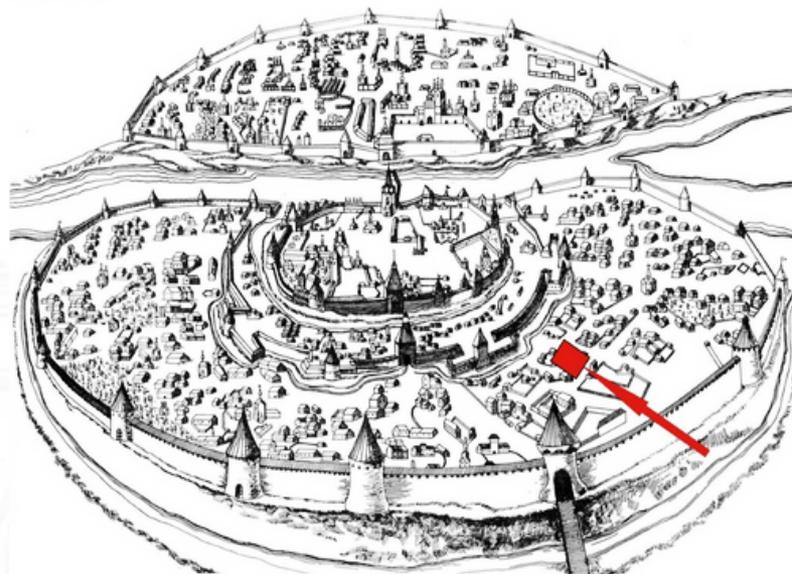

В 2008–2010 гг. археологические работы проводились на углу современных ул. Добрыня и Десятинная, неподалеку от Рождественского Десятинного монастыря. На четырех раскопах общей площадью 4500 кв. м. изучался слой X–XVII вв.

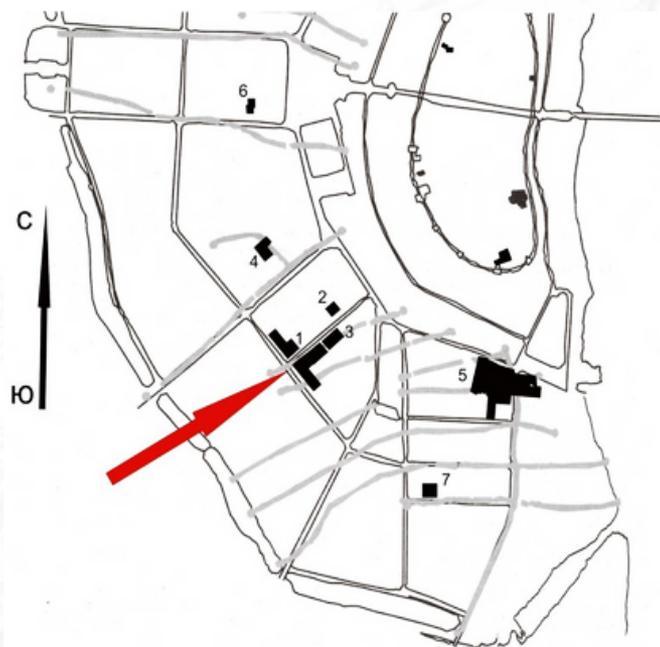
При относительно небольшой по масштабам Новгорода мощности культурного слоя Десятинного раскопа, составляющей 2–2,5 м, он дал богатый материал для изучения времени первоначального освоения и заселения этой части города в конце X–XI в., а также топографии и планировки усадеб и особенностей их материальной культуры в XII–XIV вв.

Точная дата основания монастыря неизвестна. Летопись Авраамки (конец XV в.) упоминает его под 998 г. В ней говорится, что монастырь был основан первым епископом Новгорода Иоакимом Корсунянином. Запись гласит: «*В лето 6506. В Новегороде владыка Акимъ уряди себе монастырь Десятинный...*» (ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 40). Следующее сообщение о монастыре отмечено в Новгородской первой летописи лишь под 1327 г.: «*... постави церковь святой богородици Рожество архиепископ Моисии въ Десятине*» (НПЛ, 2000. С.98). Из Десятинного монастыря происходит икона «Успение» начала XIII в., которая сейчас находится в Третьяковской Галерее.

Не совсем ясно, что послужило причиной названия монастыря. Термин «десятина» в древнерусском языке был многозначен.

План Новгорода со Знаменской иконы XVII в. Стрелкой отмечена исследуемая территория по ул. Добрыня и Десятинная

Фрагмент опорного историко-археологического плана Великого Новгорода с указанием местоположения важнейших археологических исследований в южной части Софийской стороны города: 1) Десятинный I–IV раскопы (2008–2010 гг.); 2) Добрынин II раскоп (2011 г.); 3) Добрынин I раскоп (1999 г.); 4) Михайлоархангельский раскоп (1990–1991 гг.); 5) Троицкий раскоп; 6) Чудинцевский раскоп (1947 г.); 7) Власьевский II раскоп (2011 г.). Стрелкой отмечено местоположение раскопов по ул. Добрыня и Десятинная

Десятая часть дохода – церковная десятина – по уставу Владимира Святославича отделялась в пользу церкви. Десятиной называли также княжеские имения, и это, скорее всего, могло дать имя монастырю. Возникший на бывшем княжеском участке земли монастырь стали называть «на Десятине», а позднее – Десятинским или Десятинным (Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А., 2000. С.5-6).

На исследуемой территории были обнаружены деревянные мостовые Волосовой и Добрыни улиц. Волосова улица впервые упоминается в летописи под 1165 г. На ней находилась церковь Власия (НПЛ, 2000. С.37). Западная оконечность улицы подходила к церкви Рождества Богородицы в Десятинном монастыре.

Добрыня улица впервые упоминается в грамоте князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю, датируемой В.Л. Яниным 1134 г. (Янин В.Л., 1991. С.136-137). Описание землевладения монастыря содержит следующие ориентиры – «...и Мячином вниз по вешнюю воду к Добрыне улицы к Образу святому; и от Добрыне улице Мячином вверх...» (Корецкий В.И., 1955. С.204-207).

Трасса средневековой улицы Добрыни замыкалась церквями: со стороны Волхова это был храм Нерукотворного Образа, а в западном направлении улица доходила до церкви Якова (Подвигина Н.Л., 1966. С.73-74). В системе административного деления города, сложившейся к XIV–XV вв., улица Добрыня занимала пограничное положение между Людиным и Загородским концами, о чем, в частности, свидетельствует «Семисоборная роспись» Новгорода.

1. Находки из пахотного слоя X в.: 1-2 – фрагменты лепных горшков; 3-4 – керамические пряслица; 5) фрагмент серебряного дирхема; Аббасиды, вторая половина VIII в. (определение А.А. Гомзина).
2. Находки из слоя конца X – начала XI в.: 1-7 – бронзовые нательные кресты; 8 – оловянная подвеска-луница; 9 – оловянная накладка

Из ее текста следует, что во второй половине XV в. храм Образа входил в соборный участок церкви Власия, а церковь Якова относилась к участку церкви Михаила Архангела на Прусской улице. Сама по себе ситуация, при которой стоящие на одной улице храмы относятся к разным соборным участкам, кажется довольно странной.

Вещевая коллекция, полученная на Десятинных раскопах, насчитывает около 5000 индивидуальных находок из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины. Собрано более 345 000 массовых находок: фрагментов керамики, костей животных и птиц (исследуются д.б.н. А.В. Зиновьевым), фрагментов кожи и кожаной обуви (исследуются д.и.н. Д.О. Осиповым) и др. Анализ древесины показал, что при строительстве жилых и хозяйственных сооружений на изучаемой части Людина конца в основном использовалась ель, реже – сосна (настилы улицы и доски). Многие детали построек (подкладки, настилы и др.) изготовлялись из лиственных пород – березы, дуба и др. (определения к.и.н. О.А. Тарабардиной). Выполнены физико-химические анализы образцов грунта (определения к.г.н. А.В. Долгих). Отобраны образцы зерен культурных и дикорастущих растений.

Проведенные исследования дали новые сведения по исторической топографии Людина конца.

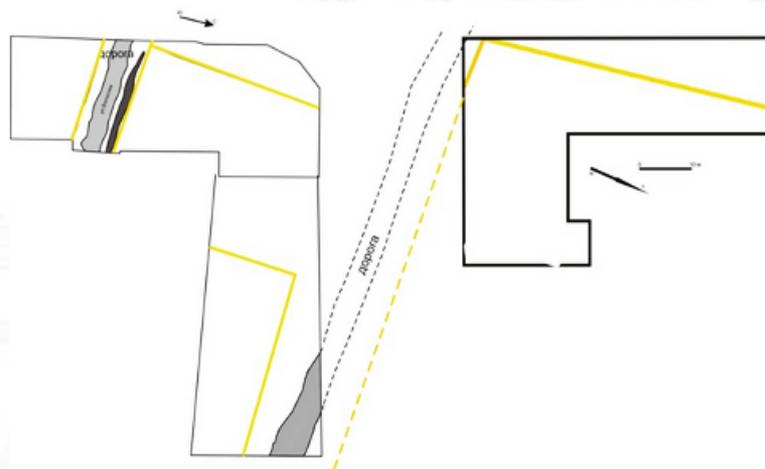
В первой половине X в. произошло деление территории на прямоугольные наделы канавками шириной и глубиной в штык лопаты. Они располагались вдоль грунтовых дорог (прогонов), идущих от древнейшего поселка на берегу Волхова (ядра будущего Людина конца города) к западу.

Ширина древнейших грунтовых дорог составляла 5–6 м. Можно предположить, что первоначальное межевание по каким-то причинам не было востребовано, и здесь в течение нескольких лет было пахотное поле. Следы борозд в материке и пахотный слой прослежены на всей исследуемой территории. В нем обнаружена лепная и раннекруговая керамика, глиняные пряслица, металлический наконечник рала, арабские монеты, стеклянные бусы, поясные бляшки.

Размытая нижняя граница пахотного горизонта и некоторая ее волнистость свидетельствуют о существовании некоторого промежутка времени между распашкой и началом накопления культурного слоя. Вероятно, на данном месте после распашки в течение около 50 лет в условиях запустения возобновилась естественная растительность – были сенокосы (исследования А.Л. Александровского и А.В. Долгих).

Во второй половине X в. на изучаемой территории Новгорода было проведено новое межевание канавками, в которые был поставлен легкий частокол.

В конце X – начале XI в. произошло деление изучаемой территории плетнем на участки, на которых располагались постройки с печами-каменками. Прослежено несколько хозяйственных ям, относящихся к этому времени. В слое этого периода обнаружены арабские и западноевропейские монеты, стеклянные бусы, накладки, обломки овальных скандинавских фибул, кресты и круговая керамика X – начала XI в.

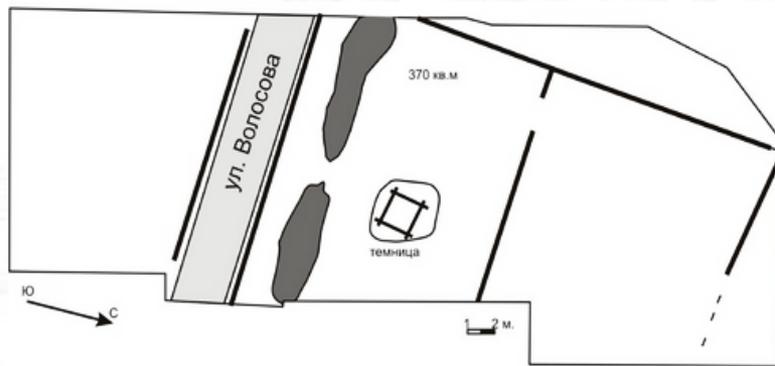

1. Десятинные раскопы. План-схема межевания второй половины X в.
2. Десятинные I, III–IV раскопы. План-схема сооружений конца X – начала XI в.

В некоторых местах культурный слой конца X – первой половины XI в. был довольно значительным – до 40 см, что говорит об интенсивной хозяйственной деятельности в этот период. Здесь было налажено изготовление крестов (ранних типов), подвесок и накладок.

На Десятинном I раскопе слои начала XI в. пререзает сложное сооружение, которое можно соотнести с тюрьмой («темницей», «порубом»). Оно располагалось вблизи Волосовой улицы в центральной части двора (размеры ок. 24 x 24 м), огороженного легким частоколом. От этой постройки сохранилась только подземная часть в виде ямы диаметром 5 м и глубиной 3 м. Между улицей и темницей во всю длину огороженного участка был вырыт ров с двухметровым проходом в центральной части. Ширина рва около 2 м, глубина – до 0,4 м, стенки пологие, дно выгнутое. Назначение этого рва не оборонительное, а, вероятно, водоотводящее (дренажное).

Первоначальные стены заглубленного в грунт сооружения были изготовлены из вертикальных еловых досок шириной до 30 см и толщиной до 7 см. Между собой они были скреплены перекладиной, вставленной в пазы столбов, расположенных по углам сооружения. Перекладины располагались в один ряд с внутренней стороны досок на высоте 2 м от пола. В результате стены внутри «поруба» были гладкие, без выступов, за которые можно было бы зацепиться. Доски имели длину более 3 м, их нижняя заостренная сторона была вбита в дно ямы на 10 см.

1. Десятинный I раскоп.

План-схема сооружений 40-х годов XI в.

2. Тюрьма («поруб») 40-х годов XI в.

Стрелкой показана восточная стена «поруба» 1041 г., набранная из досок

С внутренней стороны доски были закреплены слоем уплотненной глины мощностью до 25 см, служившим своеобразным водонепроницаемым глиняным замком. Датировка сооружения по дендроанализу столбов и досок – 1041 г., что очень близко к дате первого упоминания «поруба» в летописях.

В 1044 г. сооружение перестроили. Вместо вертикальных досок был поставлен сруб, высота которого достигала около 3,5 м (размеры 230 x 240 см). На дне располагались две лавки, от которых сохранились копылообразные столбы. Глиняный пол подвергался регулярной чистке (на нем не обнаружено культурных наслоений). В центральной части пола располагалось отхожее место в виде овальной ямы (110 x 75 см), глубиной 40 см. Данное сооружение просуществовало около 15 лет. Позже его верхняя часть из-за ветхости была разобрана, а яма заполнена навозом.

На других огороженных участках середины XI в. примыкающих к ул. Добрыня прослежены постройки с подпольями в виде прямоугольных ям, стены которых были выложены бревнами.

Во второй половине XI в. на изученной территории высадили яблоневый сад, огороженный плетнем. Между яблонями возделывался огород. В этом слое обнаружены западноевропейские монеты, лопаты, косы, ременные накладки, нательные кресты и пр.

В конце XI в. пространство к востоку от Десятинного монастыря делится на участки под усадьбы (прослежен 21 надел). Обнаружено до 5 ярусов сооружений, верхние из которых сильно повреждены огородом XIII в.

1. Десятинный I раскоп. Дно «поруба» 1044 г.
2. Десятинный IV раскоп. Подполье постройки серед. XI в.
3. Десятинный I раскоп. План-схема на уровне вт. пол. XI в. (огород с яблоневым садом).
4. Десятинный I раскоп. Пень яблони (вт. пол. XI в.).
5. Десятинный IV раскоп. Нагрудный крест-реликварий XI в. (бронза, чернь).
6. Десятинные раскопы. План-схема сооружений кон. XI – нач. XII в.

1. Нагрудные кресты-реликварии (бронза, чернь).

2. Оловянные подвески-иконки: 1 - круглая иконка с изображением конного Георгия-змееборца; 2 - монетовидная подвеска, копирующая монету с надписью «Ярославле съребро»

На этой территории в слоях XII в. обнаружено множество находок, характеризующих хозяйство и быт новгородцев, предметы вооружения, культа, украшения, свинцовые печати и пломбы. Выделяется своим количеством коллекция предметов личного благочестия. Здесь обнаружено более 100 крестов различных типов, включая черневые кресты-реликварии с различными изображениями, металлические нагрудные иконки и другие предметы культа. Все это указывает на возможное наличие поблизости церковных владений, что косвенно свидетельствует о ранней дате возникновения Десятинного монастыря в Великом Новгороде.

Прослеженные усадьбы на изучаемом месте имели площадь от 370 до 750 кв. м. Дома располагались по одной стороне усадьбы. Обнаружены остатки столбовых опечков в углах домов и полы из досок. Вдоль столбовых оград усадеб обнаружены водоотводные канавки, вырытые в указанный период.

Во всех усадьбах XII в. прослежены следы литейного производства с применением различных металлов и сплавов (медь, бронза, латунь, олово, свинец, золото и др.) в виде выплесков и отломанных металлических литников, тиглей (один тигель был изготовлен из железа), льячек, литейных формочек, готовых предметов с остатками литейного брака и др. Анализы показали сильную загрязненность почвы тяжелыми металлами (определение к.г.н. А.В. Долгих).

Ювелирное производство представлено пинцетами, ювелирным молоточком и напильником.

1. Подвески-амулеты.

2. Накладки, подвески, височные кольца, перстень, браслеты.

3. Пряжки, фибулы, ременной крючок.

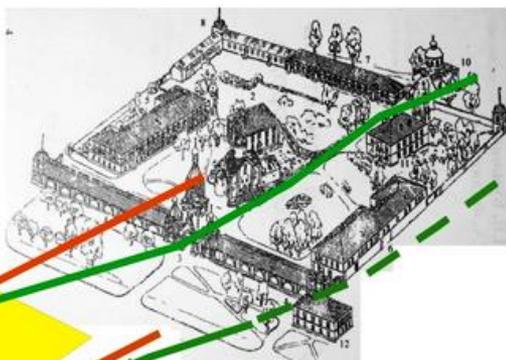
4. Складные весы для малых взвешиваний и весовые гирьки.

5. Вид профиля одного из раскопов; стрелками показан огородный слой XIII в. (период запустения)

Обнаруженные на территории усадеб обрезки кожи говорят о существовавшем здесь производстве или ремонте обуви. Большое количество обрезков кости и рога указывает на наличие косторезного производства.

Значительным количеством и разнообразием форм представлены украшения и детали костюма. Это ромбоцитковые и многобусинные височные кольца (золотые с зернью, цельнолитые из олова), колты, браслеты, перстни, стеклянные, каменные и металлические бусины, подковообразные фибулы, нашивные бляшки, металлические пуговицы, грузики, цепочки, бубенчики, привески и амулеты. Многочисленны ременные кольца, разделители, наконечники, накладки, бляшки, пряжки, крючки.

Предметы быта представлены практически всеми известными категориями: крюками, ушками и фрагментами бронзовых котлов, иглами, проколками, кочедыками, рыболовными крючками, грузилами и поплавками сетей, веслами, металлическими накладками поясных сумок, книжными застежками, ножами, кресалами, фитильными трубками, топорами, косами, лопатами, оселками и точильными каменными кругами, ключами, замками, каменными жерновами, железными цепями и дверными пробоями, костяными гребнями и наверхиями, копоушками, шахматными фигурками из кости и пр. Обнаружено большое количество свинцовых пломб и вислых печатей, несколько складных весов для взвешивания мелких предметов, разнообразные гирьки. Все это также говорит о высоком статусе и активности жителей усадеб.

1. Изменение направления улиц Волосовой и Добрыни после запустения XIII в. (красные линии – улицы XII в.; зеленые линии – улицы XIV–XVII вв.)
2. Раскопы Десятинные I–IV и Добрынин II. План-схема сооружений конца XIII–XV вв.
3. Сооружения XIV в. на Десятинных раскопах: жилой сруб на раскопе I;
4. Мостовая Волосовой улицы на раскопе I.
5. Амулеты-змеевики: 1) с изображением святых Бориса и Глеба; 2) с изображением Богоматери «Умиление»

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел и сулиц, боевыми топорами, железными втоками, бронзовым кистенем со знаком (двузубец), кольчужными кольцами, гардой меча.

В слое этого периода обнаружены фрагменты плитки, половые керамические плитки, смальта, свинцовые витражные рамки.

В начале XIII в. изучаемая территория запустела и была занята огородами. Это можно связать с голодом и мором 1216 г. и сокращением в последующее время площади города (НПЛ, 2000. С.253). Улицы Волосова и Добрыня прекратили свое существование. Лишь в конце XIII в. по бывшим трассам этих улиц были проложены деревянные мостовые, имевшие по сравнению с предыдущими небольшое отклонение на север. Вдоль улиц возникли большие усадьбы (прослежено 20 наделов площадью от 410 до 950 кв. м); некоторые дворы были вымощены плахами. Срубы размещались вдоль одной ограды, выходящей на улицу. В углу каждого дома обнаружена печь на столбовом опечке. Полы вымощены досками, уложенными на переводины. Прослежено 7 строительных ярусов, датируемых XIV–XV вв.

В этих слоях обнаружено множество вещей, характеризующих хозяйство и быт проживавших здесь новгородцев. Собрана довольно представительная коллекция печатей, а также две редкие находки – амулеты-змеевики. Один из них изготовлен из свинцово-оловянистого сплава и несет изображение святых Бориса и Глеба (тип 12 по сводке Т.В. Николаевой).

Десятинный IV раскоп. Медный кумган XIII в.

Он датируется не ранее XIII в. и связан с Южной Русью (Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. С.31, 80, 110). На сегодняшний день это четвертый змеевик с подобным изображением. Второй изготовлен из бронзы и содержит рельефное изображение Богоматери «Умиление». Он относится к наиболее распространенному типу подобных украшений. Змеевики с изображением Богоматери были очень популярны в средние века, поскольку по народным представлениям только в ее образе не мог являться дьявол, и она всегда почиталась как помощница и защитница от дьявольских сил. В центре амулета поясное изображение Богоматери с младенцем на руках (тип 2 по сводке Т.В. Николаевой, датируется XII–XV вв.) (Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. С.30-31, 60, 99).

В заполнении ямы конца XIII в. обнаружен медный кумган. Новгородский кумган по своим размерам, технологии сборки и особенностям формы аналогичен медным восточным сосудам второй половины XIII – начала XV в. Он входит в круг бытовой медной посуды, изготовлявшейся в Восточной Европе в эпоху Золотой Орды в Булгарском улусе, а в предшествующее время в Волжской Булгарии.

Слои XV–XVIII вв. на исследуемой территории Людина конца оказались сильно перемешанными позднейшей деятельностью, но содержали богатый вещевой материал – монеты, кресты, предметы быта, украшения, керамику.

Нумизматическая и сфрагистическая коллекции Десятинных раскопов как нельзя лучше характеризуют особую статусность жителей усадеб изучаемой территории средневекового Новгорода.

В нижних отложениях культурного слоя Десятинных раскопов обнаружена 71 раннесредневековая монета: 12 дирхемов VIII–X вв., 58 западноевропейских денариев X–XI вв. и древнейшая русская монета – сребреник киевского князя Владимира Святославича. Сребреник относится к 4 типу монет этого князя, которые чеканились в Киеве в начале XI в. Сребреник имеет плохую сохранность, изготовлен из низкопробного серебра, сильно потерт и пробит. Значение находки велико, поскольку это первый сребреник не только в Новгороде, но и в Новгородской области. До этой находки на Северо-Западе был зарегистрирован лишь один сребреник Владимира типа I. Он входил в состав клада обломков серебряных монет X – первой четверти XI в., обнаруженного в 1878 г. у д. Молоди Псковской области. Нельзя не упомянуть о трех находках привесок из свинцово-оловянистого сплава, копирующих знаменитый сребреник с надписью «Ярославле съребро». Серебряные монеты с такой надписью и изображением святого Георгия чеканились в Новгороде князем Ярославом Владимировичем около 1014 г. Они, по всей видимости, были хорошо известны и очень популярны в Новгороде. Не случайно новгородские мастера наладили изготовление дешевых привесок, копирующих эти монеты. В настоящее время известно уже около двух десятков таких привесок, большинство из которых происходят из Новгорода и его округи.

Западноевропейские монеты разделяются на три небольших клада, насчитывающих соответственно 23 монеты и два по 4 монеты, а также 27 единичных денариев.

Клад из 23 западноевропейских монет залегал небольшой кучкой без следов упаковки под полом сооружения № 20 раскопа Десятинный II. В его состав входят 22 германских денария различных областей чеканки (в основном Саксонии и Фризии) и 1 денарий датского короля Свена Эстридсена (1047–1075). Нумизматические и археологические данные позволяют датировать комплекс концом XI в.

1. Монеты из слоя вт. пол. XI в. Десятинных раскопов:

1 – сребреник Владимира Святославича;
2-9 – западноевропейские денарии XI в.

2. Монеты из слоя второй половины XI в.

Десятинных раскопов:
западноевропейский денарий XI в.

Два клада, по 4 монеты в каждом, обнаруженные на Десятинном IV раскопе к северу от Добрыни улицы, состояли из германских денариев различных областей чеканки: Фризии, Саксонии и Нижней Лотарингии. Датируются серединой XI в.

Единичные западноевропейские монеты представляют собой яркий спектр европейской валюты. В их числе денарии различных германских государств второй-третьей четверти XI в. и подражания им, а также английские пенни королей Этельреда II (979–1016), Эдуарда Исповедника (1042–1066) и скандинавские (?) подражания английским монетам.

Особо следует отметить находку чешского денария князя Болеслава II, датирующегося концом X в. Для Северо-Запада Руси это редкая находка, а в Новгороде она найдена впервые.

Среди монет Арабского Халифата самой ранней является половинка аббасидского дирхема второй половины VIII в. Все остальные датируются X в. Среди них саманидский дирхем Насра б. Ахмада, отчеканенный в Самарканде в 932–936 гг., обрезанный по кругу дирхем 922–932 гг. и бувейхидский дирхем 973–977 гг. (определения А.А. Гомзина).

На Десятинных раскопах найдено 498 предметов средневековой сфрагистики: 66 древнерусских вислых печатей XI–XV вв. и 10 свинцовых заготовок вислых печатей, 3 византийские вислые печати, 9 западноевропейских товарных пломб XV–XVI вв., 405 русских товарных домонгольских пломб и 5 свинцовых заготовок для них.

Свинцовые пломбы XII в.

Вислые свинцовые печати:

- 1) князя Владимира Мономаха (1053–1125) раннего периода правления;
- 2) протопроедра Евстафия (1088–1094)

Среди домонгольских печатей имеется целая серия булл XI в.: второй экземпляр печати раннего периода правления Владимира Мономаха, печать Святополка Изяславича, княжившего в Новгороде в 1078–1088 гг., печать Ярополка Изяславича, княжившего в Вышгороде и Владимире Волынском в 1077–1086 гг., печать Олега Святославича (1094–1115 гг.), две печати с именем протопроедра Ефстафия, которые В.Л. Янин отождествляет с новгородским посадником Завидом, присланным в 1088 г. из Киева в Новгород для помощи малолетнему князю Мстиславу, сыну Владимира Мономаха и будущему известному князю Мстиславу Великому.

Среди других домонгольских печатей в коллекции есть княжеские и церковные буллы. Печатей XIII в. нет вообще. Это логично вписывается в общую картину жизни этого участка. Среди булл XIV–XV вв. присутствуют княжеские, церковные, монастырские печати, а также печати Великого Новгорода, как государственные, так и отдельных чиновников административного аппарата. В их числе печать посадника Кирилла Дмитриевича (1412–1414), печать с надписью ЗАХАРЬИНА ПЕЧАТЬ – МИХАИЛОВИЧА (вероятно, посадника первой трети XIV в.), печать новоторжского владычного наместника времени архиепископа Василия (1331–1352), анонимная булла новгородского архиепископа XIV в. и пока неатрибутированная печать новгородского владычного круга XIV–XV вв. Кроме того обнаружена уникальная печать, вероятно псковского происхождения, с надписью на обеих сторонах: ПЕЧАТЬ ПРИГОРОДСКАЯ – ДМИТРИЯ ИЛЬИНИЧА.

Западноевропейские торговые пломбы датируются XV–XVI вв. Это свидетельства торговли Новгорода со странами Северной Европы. Одна западноевропейская торговая пломба относится к фландрскому городу Ипр – крупному средневековому центру сукноделия. На ней изображены крест и лев в геральдической позе.

*Заместитель директора ИА РАН, чл.-корр. РАН, д.и.н. П.Г. Гайдуков,
н.с. Отдела охранных раскопок, к.и.н. О.М. Олейников,
н.с. Отдела полевых исследований, к.и.н. Н.Н. Фараджева*

Новгородский буллотирий XIV века из Добрынина II раскопа

1. Буллотирий XIV в. из Добрынина II раскопа

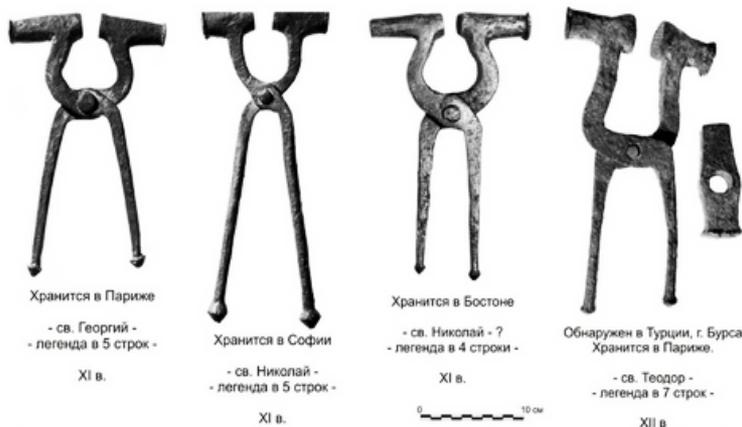
2. Раскопы Десятинные I–IV и Добрынин II.
План-схема сооружений конца XIII–XV вв.
Отмечено место находки буллотирия

Лето 2011 г. войдет в историю отечественной археологии как сезон находки первого древнерусского буллотирия – инструмента для изготовления вислых печатей. Покрытый слоем ржавчины железный предмет был найден в Великом Новгороде 6 августа 2011 г. на раскопе Добрынин II, расположенном к юго-западу от Новгородского кремля, неподалеку от Десятинных раскопов. Он стал первым в России и пятым в мире подобным инструментом.

Практика удостоверения официальных документов металлическими привесными печатями пришла на Русь из Византии в конце X в. Печати свидетельствовали о подлинности скрепленного документа, защищали его от дополнительных несанкционированных приписок и подтверждали личность владельца печати.

Право удостоверения документов на Руси принадлежало лишь представителям высшей светской и церковной власти – князьям, митрополитам, епископам, посадникам или чиновникам их административного аппарата. Когда представитель власти сходил с политической сцены или умирал, инструмент для изготовления его печати немедленно уничтожался во избежание фальсификаций. Именно поэтому находки буллотириев так редки.

В древности инструмент был выброшен в колодец, расположенный на задворках одной из средневековых усадеб улицы Добрыни. Колодец представлял собой сруб, размерами 1,3 x 1,3 м, сложенный из бревен березы и осины. По обнаруженной в его заполнении керамике было установлено, что колодец функционировал в XIV в.

Византийские буллотирии XI–XII вв.

Древнерусский буллотирый очень похож на византийские образцы, датируемые XI–XII вв. Конструктивно это железные шарнирные клещи с удлиненными ручками и цилиндрической рабочей поверхностью – «губами». Отличие состоит лишь в том, что у всех четырех византийских буллотириев «губы» имеют форму удлиненных цилиндров, а у древнерусского – укороченных. На внешних торцевых поверхностях новгородского буллотирья хорошо видны следы ударов. Это может свидетельствовать о том, что инструмент использовался по назначению. Буллотирый выкован из железа и хорошо сохранился. Его длина составляет 20,5 см, диаметр «губ» – 2,5 см. Вес инструмента после реставрации – 446 г.

Находка древнерусского буллотирья свидетельствует, что техника изготовления древнерусских печатей была аналогична византийской традиции. Инструментом плотно зажимали свинцовую (крайне редко – золотую или серебряную) заготовку, в которую заранее через продольный канал был продет шнур, прикрепленный к документу. Торец одного из цилиндров рабочей поверхности опирался на твердую неподвижную поверхность, а по второму сверху наносился сильный удар молотком. Металлическая заготовка расплющивалась и превращалась из заготовки в печать, прочно закрепленную на шнуре.

После проведения реставрационных работ удалось реконструировать зеркальные надписи, вырезанные на рабочей поверхности буллотирья. Одна сторона сохранилась хорошо, и трехстрочная надпись легко читается: АЧЕП|НСЕЪТ|АВОФ (ПЕЧАТЬ ЕСИФОВА).

- 1-2. Раскоп Добрынин II. Вид колодца, в котором обнаружен буллотирий.
3. Рабочая поверхность новгородского буллотирия в зеркальном отображении

Поверхность другой стороны сохранилась хуже. В древности она была испещрена ударами острого предмета, а в одном месте образовалась глубокая коррозионная каверна. Нанесенная на эту поверхность четырехстрочная надпись видна гораздо хуже, но прочесть ее удалось: [АЧ]ЕП|Х[А]ЗЪТ|ИНЬРА|А (ПЕЧАТЬ ЗАХАРЬИНА).

Печать, которая могла быть оттиснута новгородским буллотирием, пока не обнаружена. По предложенной академиком В.Л. Яниным классификации, она относится к сфрагистическому разряду печатей двойной принадлежности – известных, но крайне редких. В трехтомной серии «Актовые печати Древней Руси X–XV вв.», включающей в себя сведения о 2673 древнерусских буллах, насчитывается лишь три подобных печати с именами двух соправителей, широко датирующихся от третьей четверти XIII в. до середины XV в. Из шести владельцев этих печатей по письменным источникам известны лишь два, имевших различные должности. Это новгородский тысяцкий Кондрат, упоминаемый в грамотах 1264 и 1266 гг., и Иван Прокшинич, названный в новгородской летописи под 1376 г. наместником великого князя Дмитрия Ивановича. Назначение документов, скреплявшихся печатями с именами двух соправителей, не выяснено. Новгородский буллотирий, безусловно, относится к кругу этих редких печатей.

Перекличка имен «Есиф» и «Захария» позволяет высказать предположение, что этим буллотирием владел семейный клан новгородских плотницких бояр, бывших постоянными представителями в посадничестве с конца XIII в. по 1409 г. Речь идет о Захарии Михайловиче (сыне Михаила Павшинича) и его сыновьях – Андрее и Захарьиновиче и Есифе Захарьиновиче (Еске).

Новгород, Новгородское городище, окрестности Новгорода и Новгородская земля в целом являются важнейшими сфрагистическими кладовыми средневековой Руси, ежегодно пополняя коллекции новыми свинцовыми печатями, пломбами, а также их заготовками.

В середине 1980-х гг. на Новгородском городище археологической экспедицией под руководством Е.Н. Носова была обнаружена створка каменной литейной формы для отливки из свинца заготовок печатей XIV–XV вв. (Носов, Плохов, 2002. С. 252. Рис. 2). В 1997 г. к ней добавилась бронзовая матрица XIV в. для оттискивания печатей (Гайдуков, Янин, 2010. С.62). Теперь обнаружен и сам буллотирий. Эта замечательная находка завершила формирование корпуса материальных свидетельств о важнейших инструментах для изготовления древнерусских свинцовых вислых печатей.

*Заместитель директора ИА РАН, чл.-корр. РАН, д.и.н. П.Г. Гайдуков,
н.с. Отдела охранных раскопок, к.и.н. О.М. Олейников,*

Литература

- Гайдуков П.Г., Янин В.Л., 2010. Матрица печати новгородского владычного наместника XIV в. с Новгородского городища // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию Е.Н. Носова. СПб.
- Корецкий В.И., 1955. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. № 5.
- Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А., 2000. Десятинный монастырь в Великом Новгороде. Великий Новгород.
- Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М. НПЛ, 2000 – Новгородская первая летопись. ПСРЛ. Т.III. М., 2000.
- Носов Е.Н., Плохов А.В., 2002. Некоторые сфрагистические находки 1985–1988 гг. с Рюрикова городища // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб. ПСРЛ. Т.XVI – Полное собрание русских летописей. Т.XVI: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000.
- Подвигина Н.Л., 1966. К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник МГУ. № 1.
- Янин В.Л., 1991. Новгородские акты XII–XV вв. М.

Исследование Благовещенского и Пантелеймонова монастырей близ Новгорода

Южная стена собора
Пантелеймонова монастыря. 1207 г.

Позднесредневековые монастыри Средней России, с их неповторимым силуэтом, скоплением храмов, башен, палат и колоколен, хорошо известны и являют собой гордость русской культуры. В то же время, их более ранние предшественники практически не изучены. О них сохранились лишь отрывочные летописные сведения и сообщения монастырских актов; не дошли до нас и изображения этих ранних обителей. Сами древнерусские монастыри XI–XV вв. дошли до нашего времени лишь «отрывочно», фрагментарно, как, например, ставший «одиноким» собор Юрьева монастыря в Новгороде или собор Мирожского монастыря в Пскове, столь же одинокий в более позднем архитектурном ансамбле.

Восполнить этот пробел, получив сведения о ранних зданиях, погребениях, в том числе статусных, о культурном слое и микротопографии монастырей XII–XV вв., – цель раскопок, уже более 7 лет проводимых в двух расположенных по соседству монастырях на южной окраине Великого Новгорода – Благовещенском на Мячине и Пантелеймонове. Это были мужские монастыри на южной окраине древнего Новгорода, они расположены выше города, на невысоких холмах посреди болотистой поймы реки Волхов, а также озера и ручья Мячино.

Оба монастыря известны с XII в., оба были связаны с лежащим напротив них Людиным концом, юго-западным районом средневекового Новгорода, процветавшим в XII и XIV–XV вв. После присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. у обоих монастырей была отнята большая часть земель, после этого монастыри продолжали существовать, хотя и не имели прежнего значения.

Серьезный удар по хозяйству монастырей и состоянию их зданий нанесла шведская оккупация начала XVII в., но жизнь здесь еще теплилась до 1764 г., когда монастыри были закрыты, а их церкви превращены в приходские.

В Благовещенском монастыре к моменту закрытия сохранялся один каменный храм, который существует и поныне. В этом храме, сооруженном в 1179 г., сохраняются фрагменты фресок 1189 г. Храм принадлежит Новгородскому музею-заповеднику. Он одиноко стоит на самой окраине города, уже в полях. Территория вокруг него не музеефицирована.

И сам монастырь Благовещения, и сохранившийся (с перестройками) каменный храм Благовещения, и украшающие его фрески были созданы по заказу новгородского архиепископа Ильи (Иоанна) и его брата Григория (Гавриила), ставшего первым игуменом обители. По заказу братьев в 1180–1182 гг. в монастыре была построена вторая каменная церковь, Богоявления, поставленная над монастырскими воротами. Этот храм домонгольского времени исчез еще в позднем средневековье, как и третий каменный храм, Воскресения, сооруженный в 1421 г. и не существовавший уже в XVII в. Остальные здания монастыря были деревянными.

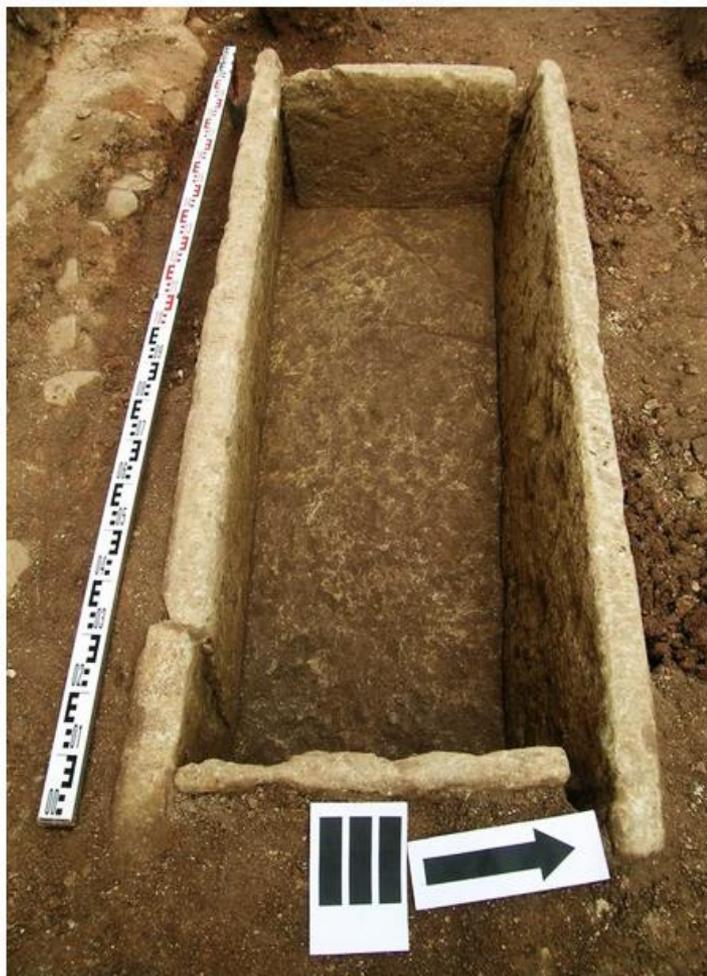
В Благовещенском монастыре раскопки ведутся с 2004 г. Они производятся Новгородским архитектурно-археологическим отрядом Новгородской археологической экспедиции на средства грантов Российского Гуманитарного научного фонда.

1. Церковь Благовещения на Мячине – собор Благовещенского монастыря. Вид с северо-запада. 1179 г. с перестройками XVII в.;

2. Интерьер церкви Благовещения;

3. Фреска в проходе между абсидами. 1189 г.

1. Саркофаг из плит у западной стены церкви Благовещения;
2. Ладьевидный саркофаг у стен церкви Благовещения;
3. Саркофаг из плинфы в притворе церкви Благовещения

Вокруг собора XII в. открыты погребения XII–XVIII вв., как рядовые, в деревянных гробах, от которых сохранился только древесный тлен по краю ямы, так и исключительные, статусные погребения в каменных саркофагах. Эти саркофаги делятся на два основных типа: они бывают сборные, из 6 плит (XII–XIII вв.), и «ладьевидные» – из выдолбленного камня и долбленной крышки (XIV–XV вв.). Открыто 3 сборных саркофага и 2 ладьевидных; известно еще об одном ладьевидном саркофаге, изученном в 1960-е годы.

В одновременном храму 1179 г. притворе, о котором ничего не было известно до его археологического открытия в 2006–2008 гг., были расчищены два погребения в саркофагах из плинфы – редкость в Новгороде. Притвор был небольшим, он занимал только среднюю часть фасада, его узкие стены замыкали собой тесное пространство, но в этом тамбуре под полом или в уровне пола были сделаны исключительные погребения в каменных ящиках, сложенных из плинфы на известково-цемяночном растворе.

Такие погребения в Новгороде до этого были известны только в соборе Юрьева монастыря. Теперь мы можем утверждать, что в Новгороде существовала традиция сооружения третьего типа саркофагов, названных нами подпольными плинфяными саркофагами. Они перекрывались каменными плитами; фрагмент такой плиты мы обнаружили *in situ* при исследовании одного из саркофагов в притворе. Можно говорить о существовании вокруг собора и в его притворе элитарного некрополя, включавшего погребения как монахов из боярской среды, так и захоронения представителей боярских семей – вероятнее всего, ктиторов монастыря из бояр Людина конца.

Внутри собора раскопками исследована значительная площадь храма: до наших работ в восточной части реставраторами уже был понижен уровень пола – до уровня XII века. Наши работы в средней и западной части церкви продолжили снятие поздних напластований, обнажив уровень пола времени постройки храма в 1179 г. Под поздним полом на подсыпке была открыта известково-цемяночная подготовка под древний, первоначальный пол. Она имеет розоватый окрас – как раз из-за примеси толченой плинфы, называемой цемянкой.

В северо-западной части храма обнаружена парная плинфяная гробница, сооруженная, вероятно, для основателей монастыря, братьев Ильи и Гавриила, ставших новгородскими архиепископами и похороненных в Новгородской Софии (именно там хоронились новгородские владыки). Оставшиеся пустыми саркофаги послужили, вероятно, для погребения игуменов монастыря в XIII в. – в их заполнении найдена свинцовая печать князя Даниила Александровича Московского, рубежа XIII–XIV вв., она датирует не гробницы, а погребения, и, кроме того, свидетельствует о кратковременном и номинальном пребывании московского князя на новгородском престоле.

В юго-западном углу была найдена гробница новгородского архиепископа Феоктиста, умершего в 1309 г. в этом монастыре, куда он удалился с кафедры на покой. Эта гробница оставалась пустой с 1786 г., когда мощи святителя были перенесены в Юрьев монастырь. После этого место гробницы почиталось, но в XX веке оно было забыто.

1. Основание притвора XII в. у церкви Благовещения
2. Парный саркофаг в северо-западном углу храма
3. Гробница архиепископа Феоктиста. Начало XIV века
4. Свинцовая печать князя Даниила Александровича (avers с изображением Даниила Столпника)
5. Свинцовая печать князя Даниила Александровича (реверс)

Исследования показали, что владыка Феоктист был погребен в саркофаге из мелких плит, подражавшем подпольным плинфяным саркофагам домонгольского времени.

Это было именно подражание послемонгольского времени, показывающее некоторое понижение уровня ремесла. В 40 метрах к северу от Благовещенского собора нашим отрядом была обнаружена упомянутая в летописи каменная надвратная церковь Богоявления 1180–1182 гг., доселе неизвестная. От этого уникального памятника домонгольской архитектуры Новгорода сохранилось прямоугольное основание воротной башни, на которой стоял храм, кроме того, уцелели плиты замощения проезда. На стенах здания XII в. в 1447 г. было поставлено новое здание, повторявшее основные габариты более раннего, но смещенное на 50 сантиметров к северу. При раскопках найдены фрагменты фресок, свидетельствующих о том, что храм был расписан, причем как в XII столетии, так и в XV в.. Рядом со зданием обнаружена половина серебряной гривны новгородского типа, датирующейся XIV веком.

В 20 метрах к юго-западу от храма Благовещения был обнаружен храм Воскресения 1421 г.: это был небольшой объем, квадратный в плане, вероятнее всего – трапезная церковь. В XVI столетии к этому объему пристроили продолговатую абсиду.

В Пантелеймонове монастыре, основанном в середине XII в. киевским князем Изяславом Мстиславичем, поначалу был только деревянный храм. Каменная церковь здесь была построена в 1207 г. по заказу некоего Феодора Пинещинича, вероятно – боярина Людина конца.

1. Надвратная церковь Богоявления 1180–1182 гг. Восточный пилон;
2. Надвратная церковь Богоявления 1180–1182 гг. Западный пилон;
3. Церковь Воскресения. 1422 г. Юго-западный угол изнутри;
4. Северо-западный угол церкви Воскресения;
5. Южная стена церкви Воскресения;
6. Основание печи в юго-западном углу церкви Воскресения;
7. Южная стена печи, сложенная на глине;
8. Дверь, превращенная позднее в нишу;
9. Окончание южной стены

1. Южная боковая абсида собора Пантелеймонова монастыря; 2. Древний пол собора и основание алтарной преграды; 3. Пол собора и средняя абсида;
4. Средняя абсида и фундамент северной абсиды; 5. Фрески собора Пантелеймонова монастыря. Начало XIII в.; 6. Общий вид раскрытых конструкций собора. Вид с юго-запада; 7. Северная стена собора и основание северной абсиды;
8. Ладьевидный саркофаг и плита над плинфяным саркофагом

После этого храм перестраивался в 1370-е гг. К XVII в. он разрушился, а потому его выстроили из дерева. Новый храм на том же месте, уже вместо деревянного, был сооружен в начале XIX столетия. Он простоял до 1930-х гг., когда был разобран. Еще почти полвека спустя ленинградский археолог Павел Александрович Раппопорт открыл часть здания 1207 г.; результаты этих раскопок были опубликованы. После этих раскопок место монастыря и древнего каменного храма было практически забыто, так что пришлось заново разыскивать развал древних строительных материалов, обозначающий местоположение средневековой обители.

В Пантелеймонове монастыре раскопками открыты основания монастырского собора 1207 г. Это был небольшой четырехстолпный одноглавый трехабсидный храм, стены и столбы которого были сложены из плитняка и плинфы на известково-цемяночном растворе. Западная стена храма была утолщена для устройства в ее пространстве внутристенной лестницы. Перед западной стеной выдавался небольшой притвор. Полы храма были устроены в виде заливки известково-цемяночного раствора. Храм был расписан, собрано огромное количество фрагментов фресок, один участок росписи уцелел в нижней части стены.

После перестройки храма в 1370-е гг. он стал одноабсидным, столбы и стены нового здания были поставлены на стены старого храма. С запада вместо старого притвора был построен новый, широкий притвор.

1. Ладьевидный саркофаг и плита его основания

2. Погребение в ладьевидном саркофаге

3. Бронзовая подвеска из слоя, предшествующего сооружению собора

4. Янтарный амулет из слоя, предшествующего сооружению собора

5. Половина серебряной гривны, полтина

Кроме того, в Пантелеймонове монастыре открыто несколько захоронений времени существования монастыря. К наиболее значительным из них следует отнести погребение в плинфяном саркофаге, устроенном в западном притворе.

Этот саркофаг похож на те, которые мы открыли в западном притворе собора соседнего Благовещенского монастыря, он по формату плинфы датируется тем же временем, началом XIII в. По всей вероятности, в этом саркофаге был погребен вкладчик храма, может быть, сам ктитор каменного храма 1207 г., Феодор Пинецинич.

Другое выдающее погребение было совершено в хорошо обработанном ладьевидном саркофаге, оно тоже было устроено в притворе. Возможно, это погребение заключало в себе останки ктиторов, осуществивших перестройку храма в 1370-е гг. В каменном гробу ладьевидной формы содержались останки двух индивидов, вероятнее всего – отца и сына.

Помимо погребений в саркофагах, наверняка принадлежащих выходцам из боярства, исследованы также грунтовые погребения, накрытые массивными каменными плитами, тщательно обработанными с лицевой стороны (чаще всего это вогнутые бороздки, так называемые «каннелюры»). Эти погребения относятся к XIV–XV вв., они, судя по всему, были достаточно дорогостоящими, так что их тоже можно предположительно отнести к погребениям знати или это были погребения монахов из знати.

*Вед.н.с. Отдела славяно-русской археологии, чл.-корр. РАН,
доктор искусствоведения Вл.В. Седов*

Изборск

Уникальное известие Летописи об Изборске под 862 годом ставит его в ряд древнейших городов Руси. Более того, согласно авторитетной реконструкции первоначального вида Сказания о призвании варягов А.А. Шахматовым, Изборск находится в тройке старейших и важнейших центров северной Руси.

В целом летописцы не уделяли большого внимания Изборску: первое и второе (1233 г.) упоминания разделены громадным отрезком времени – 371 год. Скучность письменных источников, освещающих раннюю историю русских городов, выдвигает на первый план в изучении этого периода данные археологии.

С древнейшим Изборском связывается известный археологический памятник – «Труворово городище» в поселке Старый Изборск, в 30 км к западу от Пскова. Название памятника восходит, вероятно, к трудам митрополита Евгения Болховитинова, посетившего Изборск в 1818 г. и указавшего, что здесь, возможно, находился «замок Трувора с дружиной». В документах XVI–XVII вв. место это называлось «Старым городищем».

Археологическое изучение Труворова городища эпизодически проводилось в 1924 г. (Б. Нерман, профессор Тартуского университета), 1946 г. (С.А. Тараканова), 1953 г. (Г.П. Гроздилов). С 1971 по 1992 г. памятник планомерно и почти полностью раскопан экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Валентина Васильевича Седова при участии П.Г. Гайдукова, А.Р. Артемьева и Н.В. Лопатина.

1. Труворово городище.

Вид с северо-востока. Фото Г.Н. Лебедева 2006 г.

2. План памятников Изборска.

А – Труворово городище; Б – крепость XIV–XVI вв.

Основные итоги изучения памятника обобщены в опубликованной посмертно монографии В.В. Седова «Изборск в раннем Средневековье» (2007 г.)

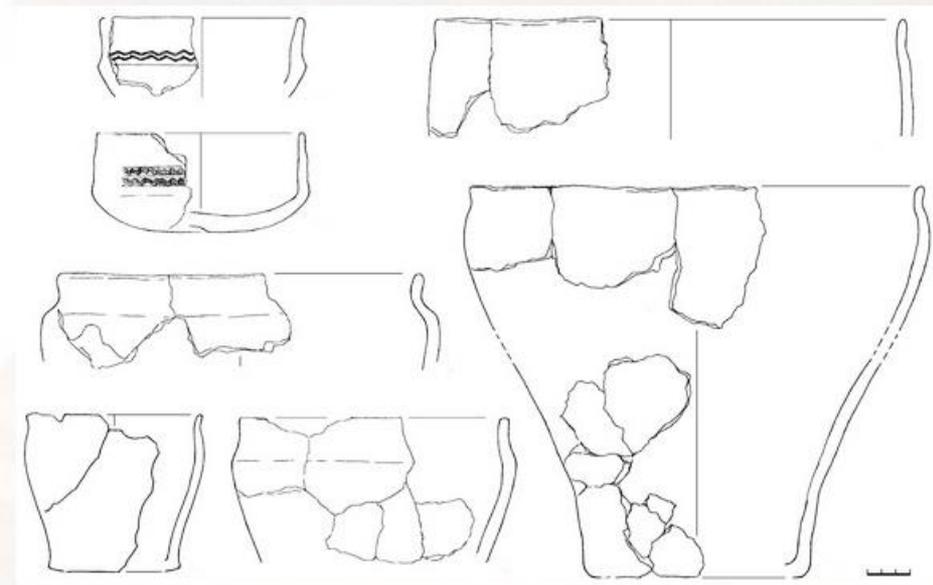
Согласно выводам В.В. Седова, укрепленное поселение на Труворовом городище в раннее время имело догородской («протогородской») характер. Состав вещевой коллекции и разнообразные признаки домостроительства свидетельствуют, что среди жителей поселка уже в начальный период были, наряду со славянами, представители балтских и прибалтийско-финских племен. Полиэтничный характер населения, следы ремесел, торговли и престижной воинской культуры, наличие оборонительных сооружений – укрепленного каменной кладкой вала и рва, уличной застройки и «вечевой» площади говорят о том, что в VIII–X вв. поселение являлось протогородом – административно-ремесленным центром округа.

Догородской период заканчивается в конце X – начале XI в., когда в пределах поселения строится деревянный детинец, выделивший мысовую часть, и в обиходе появляется круговая керамика.

Фортификации Изборска догородского периода были повреждены в ходе позднейших перестроек, но в разрезе вала и рва с напольной стороны, а также в раскопе на участке въезда выявлены многочисленные горизонты строительства укреплений, возобновлявшихся здесь вплоть до начала XIV в.

Труворово городище.
Реконструкция облика укреплений в районе въездных ворот
(строительный период 1).
Рисунок Н.С. Сафроновой по эскизу автора

1. Лепная керамика Изборска.
2. Круговая (1-3) и лепная (4-6) керамика Изборска. Фото.
3. Ранние формы круговой керамики Изборска

Самый нижний горизонт – глиняный вал, который позднее был подрезан и укреплен каменными (известняковыми) кладками. Въездные ворота были оформлены двумя прямоугольными пилонами, облицовка которых сложена из известняковых блоков насухо. На их поверхности была установлена деревянная стена с проездной башней.

Лепная керамика, характерная для догородского периода Изборска, имеет грубую выделку, высокое расположение наибольшего расширения тулова сосудов, заметную профилированность верхней части, единичность случаев орнаментации. Преобладают горшки с закругленным (плавным) плечом, находящие прямые аналогии в материалах из городов, сельских поселений и курганов многих регионов Древней Руси раннего периода (VIII–XI вв.). Меньшим количеством представлены сосуды с ребристым плечом, сопоставимые с вариантами керамики «ладожского типа», и лощеные чаши.

Ранние формы круговой (гончарной) керамики, соответствующие времени третьего периода строительства каменных фортификаций, делятся на преобладающие «эсовидные» (в виде латинской буквы S), и сосуды с цилиндрическим горлом. В Пскове, Новгороде и других памятниках Северо-Запада они относятся к первой половине XI в. Первоначальное строительство крепостных сооружений с применением камня, таким образом, должно быть отнесено ко времени ранее конца X в.

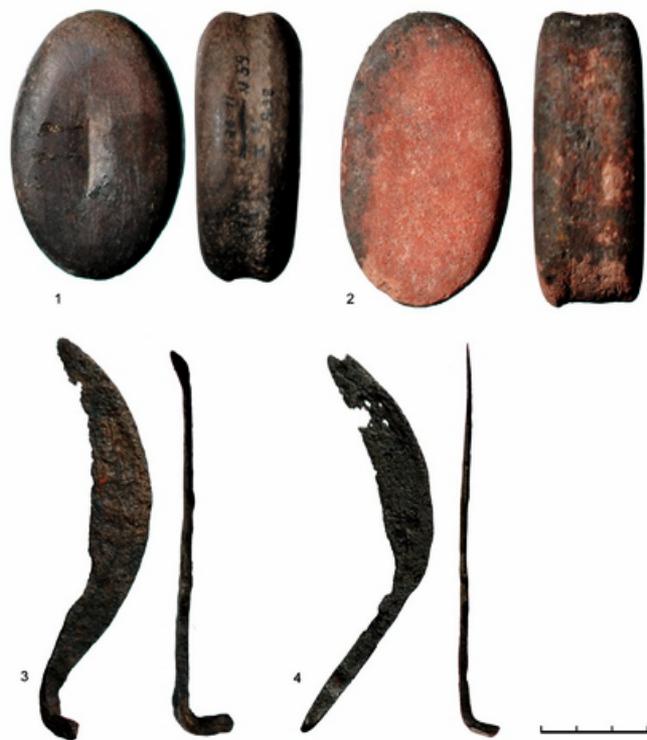
На Труворовом городище найдено восемь арабских серебряных монет – (дирхемов) конца VIII–X вв. и западноевропейский денарий конца X–начала XI в.

В коллекции многочисленны литейные формочки из известняка, относящиеся, судя по типам отливавшихся в них вещей, к разным горизонтам слоя Труворова городища. В ранних формочках отливались: трапециевидные подвески с головкой-колечком, круглые нашивки с крестообразным орнаментом, веретенообразные колодочки с кольцами, цепедержатели из соединенных в ряд полуколечек. По находкам таких формочек Изборское городище входит в круг памятников Северо-Запада (Камно, Рыуге, Псков, Ладога и др.), где в VIII–IX вв. произошло возрождение моды на подобные украшения, выработанные в пражской культуре ранних славян на рубеже VI–VII вв. Этот же круг памятников объединяется находками костяных гребней-подвесок VIII–X вв. разнообразных форм, связанных с финно-угорским культурным миром.

Блоковидные кресала (или огнива) в закрытых комплексах погребений встречаются не позднее VII в., однако представленность этой категории в Изборске хорошей серией (не менее 5) свидетельствует о том, что в ранний период они были здесь употребительными в быту.

1. Дирхемы и фибула.
2. Ранние литейные формочки Труворова городища. Известняк.
3. Роговые гребни-подвески

Кварцитовые блоковидные кресала (1, 2)
и железные серпы (3, 4)

Несколькими экземплярами в изборской коллекции представлены небольшие серпы с отогнутой под прямым углом пяткой. Подобно косам-горбушам, эти орудия имели длинную деревянную рукоять с изгибом-коленом. Они принадлежат к архаичным формам, предшествовавшим распространению в лесной зоне в древнерусское время серпов с высокой дугой клинка и отогнутым черенком.

Одним из загадочных вопросов истории раннего Изборска является этническая (или «племенная») принадлежность его жителей. Этот вопрос в значительной мере относится также к псковичам, поскольку древнейшие русские летописи не сообщают ничего конкретного о населении Псковской земли в контексте расселения славянских племен. Обычно считается, что этнические традиции проявляются в элементах материальной культуры – формах лепной керамики, металлических женских украшений, остатках домостроительства. Все эти категории материалов в той или иной степени представлены в раннем горизонте Изборска. Выше уже упоминалось, что наиболее значительная группа лепной керамики Изборска находит наилучшие аналогии в глиняной посуде коренных кривичских земель в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье. На то же самое направление связей указывают две находки специфических кривичских височных колец – серповидных с ребром.

1. Бронзовые женские украшения протогородского периода из Изборска.
2. Наконечники стрел. Железо.
3. Железные удила с роговыми псалями

Серия проволочных височных колец с завитком имеет аналогии в разных регионах славянского мира. Многие предметы из цветных металлов находят параллели в землях различных балтских и прибалтийско-финских племен – жемайтов, земгалов, латгалов, куршей, эстов: булавки с конусообразной головкой, с плоской треугольной головкой, с треугольным навершием и двумя грибовидными головками, с крестовидной головкой; привеска в виде кленового семени. Отдельные вещи имеют параллели в скандинавских странах: равноплечая фибула, трехслойный роговой гребень. Ланцетовидные наконечники стрел и копий широко использовались варягами, однако не являются специфически скандинавскими предметами, а характерны для североευропейского вооружения в целом. Выдающегося уровня изделие – конские удила типа I в по А.Н. Кирпичникову – с восьмеркообразными окончаниями грызел и роговыми псалями. Конструкция удила этого типа, хотя и восходит к степным образцам, известна в разных регионах Восточной Европы.

Вышеуказанные элементы культуры Изборска с этнической окраской (славянской, балтской, финской) нельзя считать прямым указанием на этническую принадлежность их владельцев.

Навершия булав. 1 – железо; 2 – бронза

Сходные, а подчас и идентичные вещи находят в Новгороде и других древнерусских центрах. Эти признаки указывают на разнообразие тех традиций, из которых сложилась культура Руси, и в том числе Новгородско-Псковской земли.

Соседство с Псковом неизбежно порождает вопрос об историческом соотношении двух городов. Многие историки, следуя за Летописью, полагали, что Изборск древнее Пскова и лишь со временем утратил превосходство, которое перешло к Пскову при княгине Ольге. Археологические материалы показали, что это не так. Предыстория Псковского городища заметно глубже, чем Изборского. Хотя планировка Пскова X в. с трудом поддается реконструкции, известно, что его детинец (кром) уже тогда превосходил Труворово городище по площади, а с учетом неукрепленного посада лепная керамика распространена на площади около 4 га (в 5 раз больше, чем в Изборске).

Археологические раскопки, прояснив многие вопросы ранней истории Изборска, оставили открытыми и обострили некоторые из них. Результаты раскопок не дали прямого подтверждения сюжета о Труворе. Автор раскопок В.В. Седов пришел к выводу, что культурный слой Изборска не содержит заметных следов присутствия варягов и не обнаруживает признаков одной из столиц призванного на княжение варяжского клана.

1. Наконечник ножен меча. Бронза.
2. Наносник шлема. Железо.
3. Шпора. Железо.
4. Конек «смоленского» типа и подковообразная фибула. Бронза.
5. Подковообразные фибулы. Бронза.
6. Скорлупообразная фибула «карельского» типа

Сомнения в соответствии реальности летописному рассказу приводят к предположению о том, что его упоминание в тексте «Варяжского сказания» отражает реалии несколько более позднего времени, когда Изборск стал важным стратегическим пунктом на западном рубеже Новгородской земли, и система его оборонительных сооружений претерпела перестройку (рубеж X–XI вв.).

Следующие три столетия истории Изборска также связаны главным образом с Труворовым городищем. Раскопки показали, что культура горожан Изборска этого времени в значительной мере сходна с культурой столяного города Псковской земли. Здесь строили такие же бревенчатые жилища с печами-каменками в углу, производили такую же керамику. В большом количестве встречены орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения, женские украшения из цветных металлов. Как и в Пскове, относительно немногочисленны стеклянные украшения (браслеты и бусы). Фортификации этого периода были сооружены из плит известняка и деревянных бревен, но их остатки почти не сохранились, поскольку были разобраны после переноса крепости на новое место.

В условиях частых и упорных боевых действий XIII в. на русско-ливонском пограничье потребовалось увеличение и усиление крепости. В начале XIV в. для нее было избрано более удобное место, в 1 км от прежнего, на Жеравьей горе. Построенная здесь около 1330 г. крепость была дополнена в конце XIV–XV вв. новыми башнями. Вскоре в крепости был поставлен и каменный Никольский собор – один из наиболее значительных памятников архитектуры Северо-Западной Руси первой половины XIV в. Несмотря на то, что в XVII в. Изборская крепость утратила оборонительное значение, она хорошо сохранилась до наших дней. Археологическим изучением крепости в 1980-е гг. занимался А.Р. Артемьев. В последние годы весьма результативные археолого-архитектурные работы на этом памятнике, связанные с его планомерной реставрацией, проводят псковские археологи Т.Ю. Закурина и С.В. Степанов.

*Заведующий информационно-издательской группой,
к.и.н. Н.В. Лопатин*

1. Никольский собор.
2. Реставрация Изборской крепости.
3. Раскопки в Никольском захабе Изборской крепости.
2011 г.

Новые исследования средневековых памятников центрального Белозерья

Вопрос о том "откуда есть пошла Русская земля", поставленный еще древнерусским летописцем, до сих пор привлекает внимание ученых и всех людей, интересующихся историей нашей страны. Для ответа на него накоплено уже немало данных, основу которых составляют два вида источников – письменные и археологические. Первые из них к настоящему времени уже достаточно хорошо изучены, лаконичны и практически не пополняются. Вторые характеризуются ежегодным приростом данных, постепенно увеличивающих значимость археологического материала в прояснении многих туманных или спорных моментов ранней истории. Осмысление результатов археологических исследований позволяет нарисовать достаточно сложную картину начальных этапов развития Руси, далеко не всегда совпадающую с летописным вариантом.

Одним из регионов, где в ходе масштабных археологических работ были выявлены существенные расхождения между летописными сведениями и фактическим материалом, является район Белого озера. Итоги многолетних работ, начатых здесь еще в 1860 г., позволили установить, что вопреки сведениям Повести временных лет, город Белоозеро возникает не в IX, а в X столетии (Голубева, 1973; Захаров, 2004). Такое противоречие вызывало необходимость продолжения раскопок в регионе, нацеленных, в первую очередь, на изучение поселений, предшествовавших Белоозеру. Учитывая всю важность этой задачи, Онежско-Сухонская Сухонская экспедиция ИА РАН в 2006 г. начала новый цикл полевых исследований в центральном Белозерье.

Поселение Крутик. Раскопки на западном склоне гряды. Фото 2009 г.

Город Белоозеро и памятники центрального Белозерья, исследовавшиеся в 2006–2011 гг.

Отличительной чертой новых работ стало широкое использование современных методов раскопок, включая промывку всего культурного слоя на мелкоячеистых ситах для обеспечения полного сбора содержащихся в нем находок. Основная цель такого подхода – раскапывая небольшие участки памятников, получать максимум информации для детальной реконструкции различных аспектов жизни средневекового общества. Ведение раскопок на новом методическом уровне требует значительных затрат времени и их результативность во многом зависит от правильного выбора опорных памятников. Поэтому раскопки были организованы на двух существенно различающихся поселениях, способных дать разностороннее представление о начальной истории региона. Одно из них – это очень небольшое по размерам селище Никольское V на р. Кеме, датированное первой половиной X – началом XI вв., второе – широко известное в археологической литературе поселение Крутик, существовавшее в верхнем течении р. Шексны во второй половине IX – начале XI в. На обоих памятниках уже проводились раскопки (Макаров и др., 2001; Голубева, Кочкуркина, 1991), но применение новых методов исследований позволило получить качественно новую информацию об особенностях их развития.

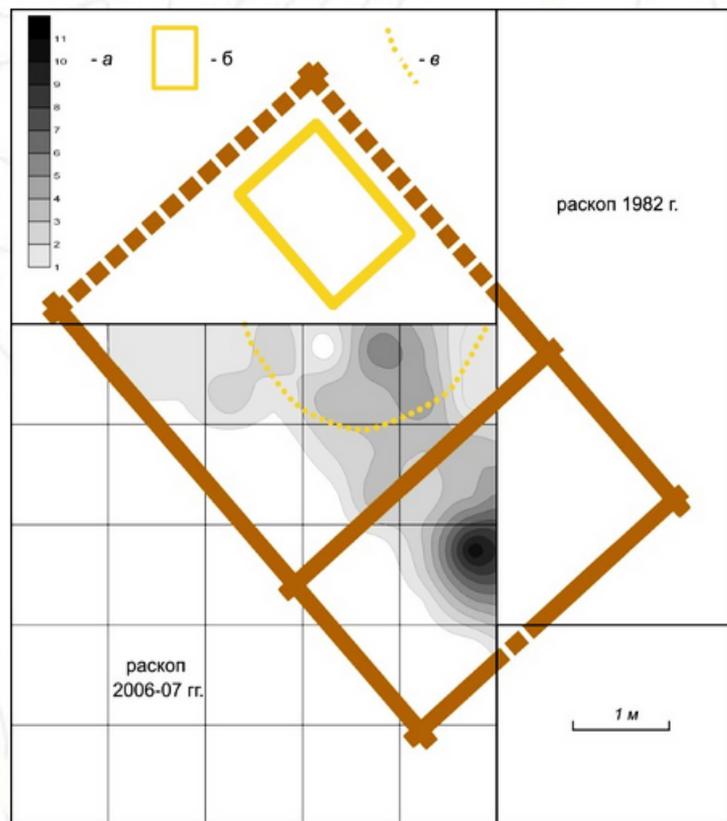

Селище Никольское V. 1. Часть стеклянных бус.

2. Дирхемы. 3. Вещевой материал из жилого дома в раннем горизонте.
 1 – скандинавские амулеты; 2 – железные гривны; 3 – наконечник стрелы;
 4 – стеклянные бусы; 5 – каменные бусы; 6 – пуговица из цветного металла.
 Из раскопок 2006-2007 гг.

На селище Никольское V в 2006–2007 гг. удалось исследовать участок площадью 35 кв. м, на котором было собрано свыше 830 индивидуальных находок. Более половины из них составили стеклянные бусы – яркий индикатор вовлечения жителей в масштабную пушную торговлю. Важным результатом полной промывки напластований стало обнаружение 10 фрагментов дирхемов. Подобная концентрация монет на рядовом поселении позволяет не только расширить зону массового распространения дирхема до низовьев Кемы, но и по-иному оценивать масштабы присутствия арабского серебра в Белозерье. Наиболее интересные находки связаны с древнейшим горизонтом, где удалось расчистить остатки жилого дома. Часть его попала в раскоп 1982 г., и в связанном с ним слое были обнаружены два редчайших для Белозерья предмета. Это железный молоточек Тора и серебряный амулет в виде колечка с надетыми на него стерженьками. Новым раскопом большая часть постройки была доследована, а в ее заполнении удалось обнаружить фрагменты двух железных гривен. Кроме того, в раскопе, но в переотложенном состоянии, найдена еще одна подвеска-стерженек, сделанная из железа.

Наличие на селище столь ярких находок, особенно скандинавских железных амулетов, которые в силу простоты формы и материала изготовления не представляли интереса для людей, не понимающих их сакрального для скандинавов смысла, выглядит примечательно.

1. Селище Никольское V. Реконструкция жилого дома на основе результатов раскопок 1982 и 2006-2007 гг. Фоновой заливкой показано распределение индивидуальных находок в заполнении постройки (штук на 0,25 кв. м): а – количество индивидуальных находок; б – местоположение печи; в – границы развала камней от печи.
2. Селище Никольское V. Остатки жилого дома в раннем горизонте. Вид с юго-востока.
3. План поселения Крутик: а – раскопки 1974-1981 гг. и примерная площадь поселения, определенная по результатам этих раскопок; б – раскопки 2008-2011 гг.; поселение Крутик. Раскопки на западном склоне гряды. Фото 2009 г.

С учетом тяготения амулетов к одной постройке, в которой были обнаружены и железные гривны, являющиеся весьма редкой находкой на селищах, факт присутствия здесь выходцев из Скандинавии представляется очевидным. Вместе с тем нельзя не отметить и другие факты. Самые яркие в центральном Белозерье скандинавские находки происходят с небольшого по размерам селища, где одновременно могло стоять всего 3 - 4 жилых дома. Детальный планиграфический анализ материалов, связанных с исследованным домом, позволяет реконструировать его в виде типичной для славян срубной двухкамерной постройки с печью-каменкой в дальнем от входа углу. При этом в наборе посуды этого дома, как и всего селища, преобладает белозерская лепная керамика, которую можно считать одним из наиболее характерных признаков материальной культуры белозерской веси.

В 2008 г. экспедиция возобновила исследования древнейшего в регионе памятника – поселения Крутик. Этому предшествовали разведочные работы, выявившие новые пятна культурного слоя. На двух из них, расположенных на склонах поселенческого холма, были начаты стационарные раскопки. Всего за четыре года исследований удалось вскрыть 95 кв. м. Раскопки еще раз продемонстрировали уникальность культурного слоя Крутика. Несмотря на небольшую исследованную площадь, полная промывка слоя позволила собрать свыше 4400 индивидуальных находок. По общей структуре полученная коллекция близка набору вещей с кемского селища. Около половины ее приходится на долю стеклянных бус.

Из новых раскопок происходит 53 фрагмента дирхемов, большая часть которых чеканена в X в. Кроме того, обнаружена бочонковидная гирька необычных размеров, весом около 100 г.

Вместе с тем на Крутике отмечена существенно более высокая концентрация находок, связанных с ремеслом. В одном из раскопок были зафиксированы три последовательно сменявших друг друга производственных комплекса – косторезный, бронзолитейный и железообрабатывающий. Общие хронологические рамки их существования охватывают около столетия, начиная с конца IX в., что подтверждается результатами датировок по С14. Наиболее яркие и многочисленные находки связаны с бронзолитейным ремеслом. Для понимания принципов обучения ювелирному мастерству важно отметить наличие в коллекции не только обычных тиглей и льячек, но и игрушечных орудий труда литейщика. В другом раскопе, исследования которого еще не завершены, выявлена серия сменявших друг друга горнов, врезанных в крутой склон холма.

Первоначально эта ситуация казалась типичной, поскольку в ходе предшествующих раскопок фиксировались многочисленные следы ремесленного производства, тяготеющего к жилым домам. Однако в новых раскопах не удалось обнаружить каких-либо признаков существования стационарных построек. И такое положение вполне объяснимо: значительная крутизна исследованных склонов делала их малопригодными для возведения любых капитальных сооружений. Учитывая это, можно полагать, что деятельность на выявленных участках носила сезонный характер и велась только в летнее время.

Существование на Крутике специальной зоны, где в течение длительного времени были сосредоточены разные производственные объекты, может расцениваться как свидетельство достижения определенного уровня в развитии ремесла, приобретающего характер специализированного производства.

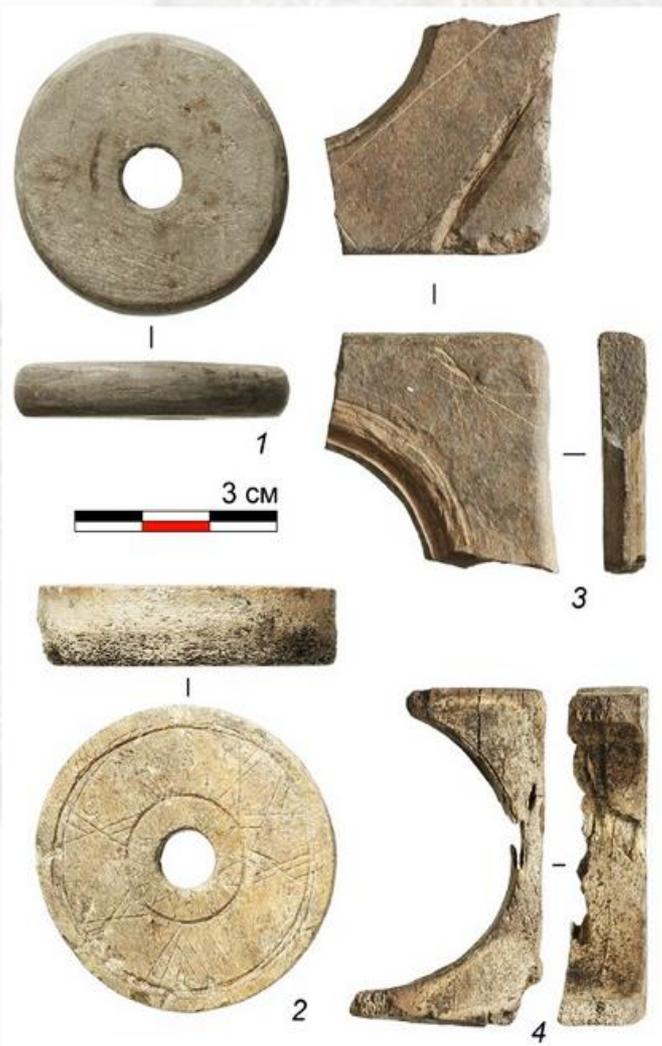
Поселение Крутик. 1. Монеты из раскопок 2008-2009 гг.;

2. Гирька весом 97,05 г.;

3. Результаты радиоуглеродного датирования образцов из раскопа на западном склоне гряды.

4. Тигель и льячка из раскопок 2008 г.

5. Глиняные игрушечные литейные формы (1-2) и льячка (3) из раскопок 2008 г.

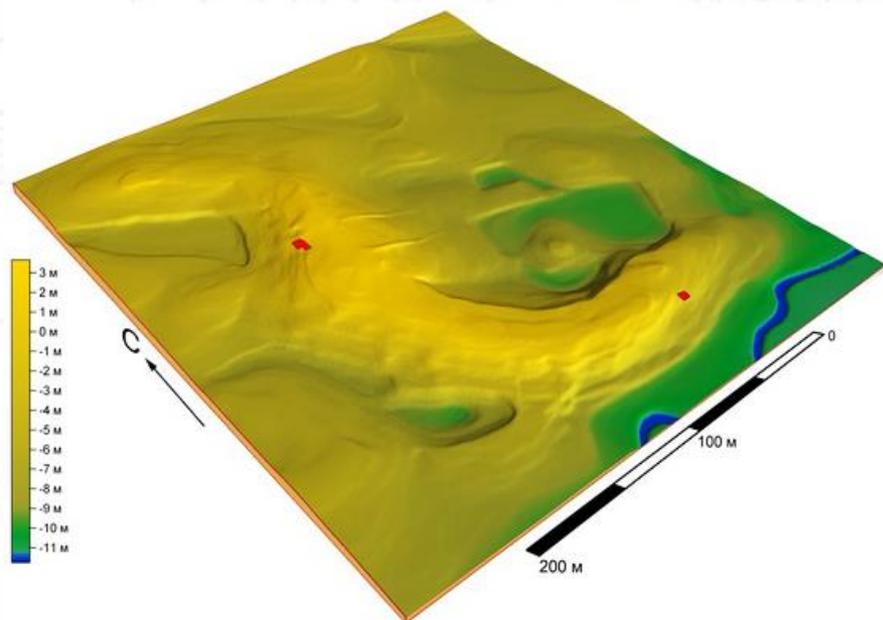

Поселение Крутик. Каменное (1) и роговое (2) пряслица и заготовки из которых вырезаны такие пряслица (3-4). Раскопки 2008 г.

Интересные наблюдения связаны и с изучением отходов производства, в частности изготовления пряслиц. Еще в ходе предшествующих раскопок выяснилось, что для выделки роговых пряслиц помимо бесформенных пластин использовались квадратные заготовки. В новых раскопах кроме фрагмента роговой квадратной заготовки, из которой было выточено пряслице, удалось обнаружить уголок аналогичной заготовки для изготовления каменного пряслица. Такие пряслица, сделанные из местных пород камня, присутствуют как в материалах старых раскопок, так и в новом собрании. Детальное изучение находок показало, что по набору и последовательности выполнения операций процесс вытачивания пряслиц полностью соответствовал технологии производства известных шиферных пряслиц – одного из наиболее массовых видов продукции эпохи средневековья. Использование на Крутике одинаковых заготовок свидетельствует не только о разделении процесса изготовления на отдельные операции, но и о наличии определенной стандартизации, которая может указывать на переход от создания единичных изделий к серийному производству.

Собранные на Крутике яркие и многочисленные находки, связанные с ремеслом и торговлей, свидетельствуют о нерядовом характере этого поселения. Эти материалы позволили некоторым исследователям считать Крутик важнейшим торгово-ремесленным раннегородским центром, аналогичным Ладоге, Рюрикову городищу и Гнездово, и даже городом эпохи Синеуса, предшествовавшим Белоозеру.

Однако в свете столь выразительных черт другие особенности Крутика, имеющие не меньшее значение для его характеристики, осталась в тени. В первую очередь следует указать на весьма скромные размеры поселения, на котором в период расцвета могло одновременно разместиться лишь 6 – 10 жилых домов и практически полное отсутствие здесь предметов вооружения.

Поселение Крутик. 3D-план поверхности памятника (с элементами реконструкции) с указанием местоположения новых раскопов

Но еще важнее отметить другое обстоятельство. Материалы Крутика, благодаря прекрасной сохранности костных останков и тщательной обработке остеологических коллекций из раскопок Л.А. Голубевой, впервые дали прямое и надежное документальное подтверждение наличия и добычи огромного количества пушнины на северных окраинах Руси. На фоне синхронных памятников Крутик резко выделялся высокой долей костей диких млекопитающих, составляющей более 72% от определяемых остатков. При этом отмечалось значительное преобладание среди них пушных зверей, в первую очередь, бобра, на долю которого приходилось 94% от всех костей диких животных. Новые материалы, среди которых благодаря полной промывке культурного слоя существенно возросло количество костей мелких животных, сделали эту картину еще более очевидной (*). Здесь на долю диких видов приходится свыше 89% от всех определяемых костей. В списке пушных животных, добывавшихся жителями Крутика, помимо бобра присутствуют белка, куница, лиса, выдра, горноста́й, барсук и заяц. Столь многочисленные и выразительные находки свидетельствуют об активном участии жителей Крутика в масштабном пушном промысле и торговле пушниной, что дает возможность четко установить источник их материального благополучия, отраженного в богатейшей вещевой коллекции этого памятника.

* Анализ новых материалов проведен кандидатом биологических наук, старшим научным сотрудником Палеонтологического института РАН Н.В. Сердюк.

Поселение Крутик.
Миниатюрная роговая подвеска,
изображающая бобра. Раскопки 2008 г.

Всесторонний анализ полученных данных заставляет признать, что Крутик, несомненно, входивший в систему ранних торгово-ремесленных поселений, существенно уступал важнейшим центрам по наличию и выраженности целого ряда признаков и не может считаться одним из них. Это далеко не центральное, а, вероятно, одно из начальных звеньев всей цепочки торгово-ремесленных поселений. Тех звеньев, благодаря которым на международные рынки поступали разнообразные продукты лесного промысла, в первую очередь меха. При этом жители Крутика изначально являлись непосредственными добытчиками пушнины, что наглядно отразилось не только в составе остеологической коллекции, но и в еще одной необычной находке – миниатюрной роговой подвеске, изображающей бобра.

Полевые работы ведутся при финансовой поддержке РГНФ, исследовательская работа осуществлялась в рамках программы ОИФН РАН "Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей".

*Ст.н.с. Отдела славяно-русской археологии,
к.и.н. С.Д. Захаров*

Литература

- Голубева Л.А., 1973. Вель и славяне на Белом озере. М.
Голубева Л.А., Кочуркина С.И., 1991. Белозерская вель (по материалам поселения Крутик IX – X вв.). Петрозаводск.

Средневековые поселения на Кубенском озере

Селище Минино I. Площадка поселения
и заложенные на ней раскопы

Исследование Мининского археологического комплекса на Кубенском озере, в 70 км от Вологды, проведенное в 1996–2004 гг., стало одним из наиболее масштабных проектов по изучению древнерусской деревни домонгольского времени. Выбор Мининской группы памятников для многолетних стационарных исследований определился как необычной для северных поселений сохранностью культурного слоя, погребальных сооружений и ландшафтного контекста, так и географическим положением этого гнезда поселений, находящегося на важнейшем водном пути из Белозерья в Заволочье, на пограничье области распространения крупных долговременных сельских поселений.

Раскопки комплекса памятников, включающего три селища общей площадью не менее 4,5 га, грунтовый могильник и остатки железодельного производства, раскрыли историю колонизации одного из сельских микрорегионов на северных окраинах Руси в X–XIII вв. Параллельное исследование поселений, некрополя и хозяйственной зоны, принадлежащих одному микрорегиону, дало возможность получить многогранное представление о жизни одного средневекового коллектива по разным группам материалов. Благодаря тонким приемам разборки культурного слоя на двух селищах в раскопах общей площадью около 1000 кв. м собрано более семи с половиной тысяч средневековых предметов. Это наиболее крупная коллекция вещей, когда-либо полученная при раскопках древнерусского селища домонгольского времени. В ее составе около 1800 стеклянных бус, более 1700 предметов из цветного металла, 15 западноевропейских денариев, чеканенных во Фризии и Германии.

Печь из постройки № 6 (XII – начала XIII вв.)
на селище Минино I. Вид с юга

Из культурного слоя происходят 25 крестов-тельников. В раскопах выявлены остатки семи двухкамерных наземных жилых сооружений, прослежены производственные комплексы, связанные с обработкой цветных металлов, под культурным слоем обнаружены горизонты средневековой пахоты. Целенаправленный сбор палинологических материалов в раскопах и в естественных разрезах в пойме р. Дмитриевки позволил реконструировать палеосреду мининского микрорегиона на различных хронологических срезах. В могильнике исследовано более 80 погребений, характеризующих различные этапы трансформации погребального обряда от языческих кремаций к безынвентарным погребениям по обряду ингумации начала XIII в. (Археология севернорусской деревни. Т.I, 2007; т.II, 2008; т.III, 2009)

По материалам раскопок в Минино восстанавливается картина длительного и широкомасштабного пушного промысла, осуществлявшегося жителями кубенозерских поселений на протяжении двух с половиной столетий. Главными объектами промысла были бобр, белка и куница, кости которых в общей сложности составляют более 56% всех остеологических остатков из средневековых напластований. В культурном слое мининских поселений найдено 10 томаров, еще 3 происходят из погребальных комплексов. Присутствие наконечников стрел с тупым бойком в инвентаре древнейших мужских погребений в могильниках Минино и Владышнево, как и в ранее исследованном могильнике Нефедьево на Волоке Славенском (Макаров Н.А., 1997, с.159), при общей бедности инвентаря в захоронениях мужчин, свидетельствует, что пушная охота изначально была одним из главных хозяйственных занятий средневековых колонистов, требовавшим символического обозначения в погребальном обряде.

Находки серии амулетов, изготовленных из таранных костей бобра, возможно, отражают, существование особых магических представлений, связанных с этим животным.

Обнаружение новых свидетельств пушной охоты в Минино не стало неожиданностью, если учесть проведенные ранее раскопки территориально близких белозерских памятников, поселения Крутик и могильника Нефедьево, в материалах которых представлены значительные массивы костей бобра и наконечники стрел с тупым бойком. Неожиданным оказался общий историко-археологический контекст, данные о сочетании промысла с сельским хозяйством на крупном средневековом поселении, о стабильности промысла в течение длительного времени, наконец, о непосредственном участии жителей поселка в торговле мехами. Последнее наблюдение, документированное находками серебряных монет, бус и других импортов заслуживает особых комментариев.

В историографии прочно укоренилась точка зрения, что основным способом накопления мехов на новгородском пушном рынке в XIII–XV вв. был сбор дани, собиравшейся боярами как с окраинных северных волостей, в том числе с финно-угорского населения, для которого охота была традиционным занятием, так и с крестьянского населения центральных районов Новгородской земли (Хорошеквич А.Л., 1963, с.47-72). Действительно, письменные источники XV в. содержат многочисленные сведения об уплате населением новгородских пятин части повинностей пушниной.

Вид Кубенского озера. На переднем плане –
устье р. Дмитровки
и Мининский археологический комплекс

Стеклянные бусы Мининского археологического комплекса. 1 – бусы X – начала XI в.; 2 – бусы X – середины XI в.; 3 – бусы X – XI вв.; 4 – бусы XI – начала XII в.; 5 – бусы XI – середины XII в.; 6 – бусы XI – XII вв.; 7 – бусы XI – XIII вв.; 8 – бусы XII – XIII вв.; 9 – недатированные бусы

Цилиндры-бирки из Новгородских раскопок, документирующие сбор государственных податей пушниной с отдаленных административных округов в Поонежье и Северодвинском бассейне в XI – первой четверти XII вв. (Янин В.Л., 2001, с.48-57) не оставляют сомнения в том, что подобная практика сложилась в древнейший период новгородской истории и имела жизненную важность для экономического благосостояния новгородского боярства.

Однако раскопки в Минино открывают иные механизмы сбора пушных ценностей. Археологические материалы, полученные на Кубенском озере, свидетельствуют, что существенная часть импортов, ввозившихся на Русь в X–XII вв., оседала в руках жителей периферии. Отсюда следует, что пушнина попадала на рынок не только в результате принудительного изъятия ее в качестве дани, но в не меньшей степени в результате цепочки торговых операций, непосредственными участниками которых были обитатели лесных поселений. Очевидно, экспортеры пушнины были не в состоянии получить весь необходимый им объем меховых ценностей используя систему фиска. Участие в торговле и включенность в систему дальних торговых связей во многом определили облик культуры и характер потребления северной деревни X–XII вв.

Раскопки в Мининском микрорегионе с большой надежностью документируют известный цикл жизни средневековых сельских поселений, охватывающий два с половиной или три столетия, с X до середины XIII в. Как показывают наблюдения палинологов, устройство крупных поселений на Кубенском озере стало возможно в условиях климатического оптимума, при общем потеплении климата, благоприятствовавшем земеделию и сделавшим возможным устройство полей на низких приозерных террасах, где риск вымерзания посевов был особенно велик.

Дмитриевский Карачевский погост и его округа.
Сводный план дач Генерального межевания. РГАДА,
Ф.1354. Оп.68, ч. 1 [610] – Д. Г-76 с;
Д. Д-128 с; Д. Д-129 с.

Длительное сохранения ячменя, культуры с коротким вегетационным периодом, устойчивой к низким температурам, как основной земледельческой культуры, безусловно отражает сложные условия ведения сельского хозяйства. В этой ситуации стабильное жизнеобеспечение достигалось путем сочетания земледелия, скотоводства, рыболовства (с употреблением в пищу малоценных сортов рыбы) и охоты на крупных копытных, использования в пищу мяса бобров и вероятно, белок. Обеспечение пропитания крупного по северным меркам поселения требовало значительных усилий, о недостатке пищевых ресурсов в отдельные периоды свидетельствуют следы заболевания цингой на костных останках из могильника и общая высокая детская смертность. После запустения центрального поселения Мининского региона в начале XIII в. в условиях неблагоприятных климатических изменений и кризиса пушной торговли развитие не было полностью оборвано. Выявленная связь между Мининским археологическим комплексом X–XIII вв. и Карачевским погостом позднего средневековья и раннего нового времени показывает, что при всех трансформациях и переменах в организации расселения, произошедших в XIII в., многие древнейшие очаги колонизации не были полностью заброшены, а стали основой для развития локальных центров, погостов и волостей.

Наконец, раскопки в Монино выявили характер региональной культуры, формировавшейся в процессе колонизации Севера. В мининских древностях отчетливо выражены культурные элементы, связанные по своему происхождению с древнерусской метрополией и в то же время – яркие черты своеобразия, в которых естественно видеть финские традиции.

Иконки с изображением святого воина
из могильника Минино II

Специфические условия развития экономики, при значительном удельном весе в ней торговли и лесных промыслов, и накопление значительных материальных ресурсов на северных окраинах Руси создавали почву, с одной стороны, для сохранения у периферийных общин прочных связей с метрополией, культурные достижения которой приобретали особую ценность, с другой стороны, для выработки особых форм местной репрезентативной культуры, выразительными проявлениями которой являются парадный женский костюм и погребальный обряд Мининского микрорегиона. Для этих групп было важно, с одной стороны, ощущать свою принадлежность к древнерусской цивилизации и включенность в общую сеть культурного и торгового обмена, открывавшую доступ к разнообразным достижениям метрополии, с другой стороны, обозначить собственную консолидированность, отличия от других региональных групп, продемонстрировать высокие материальные возможности и социальную полноценность жителей окраин, в реальности занимавших подчиненное положение в иерархии древнерусских территориальных образований. Формирование на рубеже XI–XII вв. нового парадного женского убора, в котором существенное место занимали украшения местных северных типов – свидетельство консолидации новых областных групп населения, осознававших свое особое положение среди прочих этнических и территориальных образований, формирования особой региональной идентичности.

Раскопки в Минино дали представление о реальных механизмах становления и развития древнерусских поселений на Севере, о многообразных торговых и культурных связях, соединявших северные окраины и древнерусскую метрополию, о яркой и своеобразной областной культуре Белозерско-Кубенского края, соединившей в себе славянские и финские традиции.

Подвеска-конек мерянского типа
из раскопа 3 на селище Минино I

Полевые исследования на Кубенском озере, вместе с раскопками селищ на Белом озере и Шексне, раскрыли многие неожиданные для нас черты средневековой экономики, жизнеобеспечения и культуры, характеризующие общее состояние севернорусской деревни домонгольского времени. Речь идет о таких явлениях, как товарность сельской экономики, сочетание в экономическом базисе поселений сельского хозяйства и промыслов, в том числе добычи пушнины, высокое благосостояние сельского населения, восприимчивость сельских территорий к культурным и технологическим инновациям, продуцировавшимся в городских центрах. Новые материалы во многом изменили традиционное видение сельского общества и колониционных процессов.

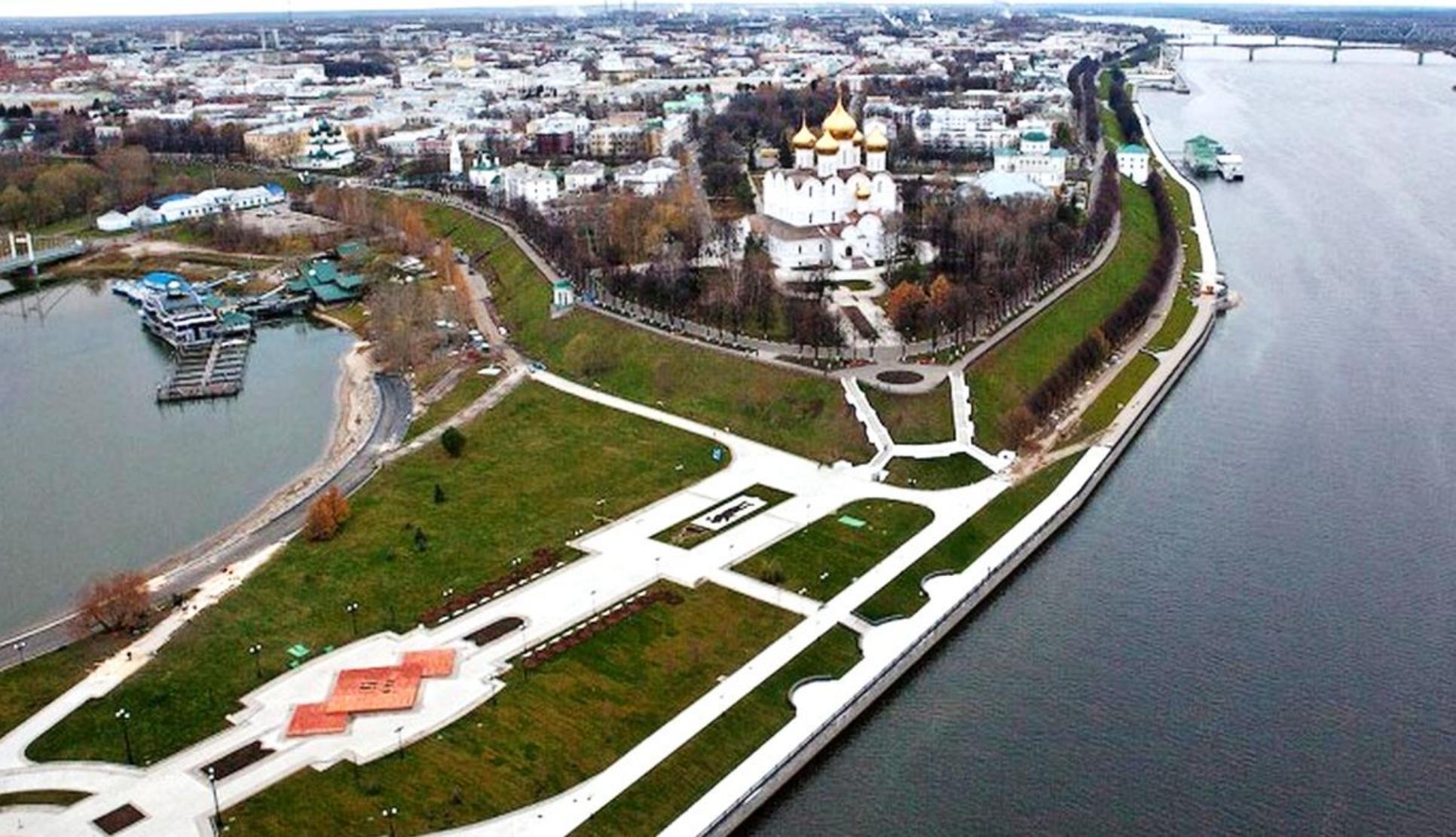
*Директор Института археологии РАН, акад. РАН,
д.и.н.Н.А. Макаров
ст.н.с. Отдела славяно-русской археологии,
к.и.н. С.Д. Захаров*

Литература

Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т.1. Средневековые поселения и могильники. Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2007.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т.2. Материальная культура и хронология. Отв. ред.

Древний Ярославль

1. М.К. Каргер; 2. П.Н. Третьяков; 3. Разбивка шурфов на Стрелке Ярославля. Руководитель работ Н.Н. Воронин.
 4. 1992 г.; 5. История археологического изучения Стрелки Ярославля; 6. Культурный слой и городские укрепления XI в.;
 7. Фортификационные сооружения Ярославля

Начало археологическому изучению Рубленого города – Ярославского кремля было положено в 1937 г. П.Н. Третьяковым и М.К. Каргером и продолжено в 1940 г. Н.Н. Ворониным. Одной из важнейших проблем, сформулированных в те годы, было определение времени возникновения Ярославля. Древнейшее упоминание ярославской крепости в летописи связано с ее осадой булгарами в 1152 г. Н.Н. Воронин определял время возникновения города как XI в., однако культурный слой этого времени ни им, ни в ходе последующих работ, проводившихся И.В. Дубовым, О.И. Иоаннисяном, В.В. Праздниковым и другими археологами, обнаружен не был.

В 2004–2011 гг. охранные археологические исследования на территории Ярославля проводил Институт археологии РАН. Это были самые крупномасштабные работы в истории изучения города. Общая площадь раскопок на месте строительства нового Успенского собора, у дома № 1 на Волжской набережной и к северо-востоку от церкви Николы Рубленого, составила около 9000 кв.м.

В ходе работ были исследованы сотни археологических объектов, относящихся к разным этапам существования Ярославля. На раскопах «Рубленый город» и «Волжская набережная, д. 1», впервые удалось зафиксировать культурный слой, сооружения и городские укрепления XI в.

На раскопе «Рубленый город» обнаружены остатки фортификационных сооружений XI в.: вала, ширина которого достигала в основании 18 м, и рва, глубиной шесть метров. Деревянные внутривальные конструкции были представлены тремя рядами городен.

Сохранившиеся нижние венцы среднего ряда дали представление о конструкции, типичной для конца X – первой половины XI в. На всей площади под валом зафиксирована тонкая прослойка, содержащая мелкие угли и лепную керамику, а ниже, по заключению почвоведов, располагался слой пахоты. Результаты радиоуглеродного датирования деревянных конструкций вала и слоя под ним позволили отнести создание фортификационных сооружений к периоду не позднее первой половины XI в.

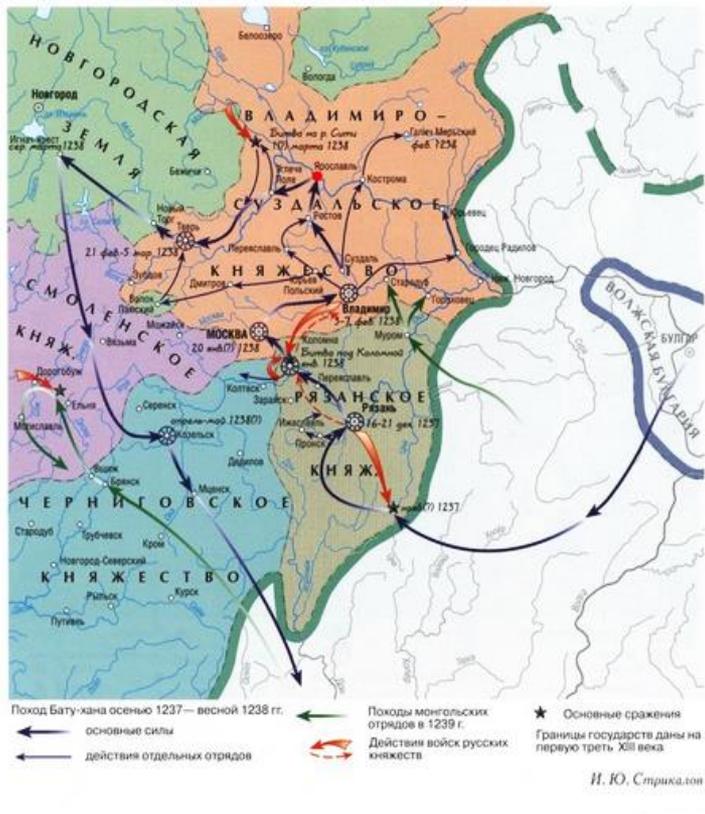
В раскопе на Волжской набережной, где был также обнаружен ранний культурный слой, исследованы деревянные, возможно, жилые конструкции, остатки частоколов, хозяйственные ямы, фортификационные сооружения. На основе данных радиоуглеродного анализа они отнесены к XI в. Эта дата хорошо согласуется с датировкой вещевого материала, происходящего из культурного слоя – подковообразных фибул, серебро- и золотостеклянных бус и бус-«лимонки», дирхема, а также многочисленных фрагментов лепных сосудов, которые позволяют вести отсчет существования города Ярославля с первой половины XI в.

При жизни Всеволода Большое Гнездо (1154–1212 гг.) Ярославль входит в состав ростовского удела, выделенного великим князем своему сыну Константину. Новый владелец по праву оценил блестящие перспективы города, располагавшегося на более выгодном, нежели стольный Ростов, месте. Возможно, Константин Всеволодович задумывался о перенесении центра княжества в Ярославль, о чем свидетельствует летописное известие о реконструкции им городских укреплений в 1209 г.

1. Фибулы; 2. Золоченые и серебряные бусы;
3. Бусина-лимонка; 4. Дирхем; 5. Лепные горшки

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ РУСЬ В 1237–1239 ГГ.

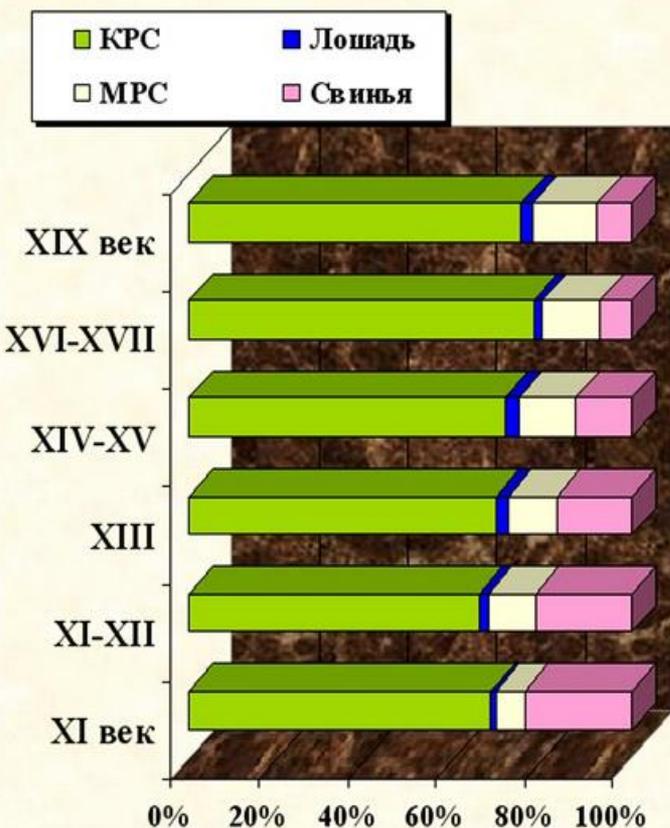

Именно тогда Рубленый город сформировался в границах, известных по документам первой половины XVII в. Во вновь отстроенном и расширенном кремле князь устраивает резиденцию – княжеский двор, упоминаемый под 1215 г., а в следующем году на левом берегу Которосли им основывается Спасо-Преображенский монастырь.

Уникальными можно назвать результаты археологических работ в Ярославле, в ходе которых были открыты неизвестные подробности похода монголов на Русь зимой 1238/39 гг. Среди городов, покоренных монголо-татарами в конце 1237 – начале 1238 г., в письменных источниках назван и Ярославль. Но пал ли он в результате штурма, или открыл ворота захватчикам, летопись не сообщает. Открытые в ходе работ слои XIII в. содержали многочисленные свидетельства разорения города. В частности, остатки трех построек первой половины XIII в., их ямы-подклеты содержали массовые захоронения, предположительно связанные с захватом Ярославля одним из отрядов войска Батыя. По заключению антропологов, смерть найденных здесь людей была насильственной: на костях фиксируются следы ударов в области шеи, лица, конечностей.

В ходе проведенных исследований 2004–2011 гг. в Ярославле был вскрыт культурный слой, который содержит бесценную информацию о быте средневекового города. Благодаря его сохранности можно представить, как выглядели его жители, какую одежду носили, в каких домах жили, чем болели, что выращивали и чем питались, с кем торговали, каков был уровень развития производства. Для реконструкции жизни средневекового города ставилась задача комплексного изучения культурных отложений.

1. Поход Бату-хана осенью 1237-зимой 1238 гг.;
2. Скопление челловеческих костей в постройке № 9;
3. Рубленый сабельный удар;
4. Рубленые раны костей предплечья (по несколько ранений на одной руке)

1. Хронологическое распределение видов домашних животных;

2. Соотношение видов домашних и диких животных;

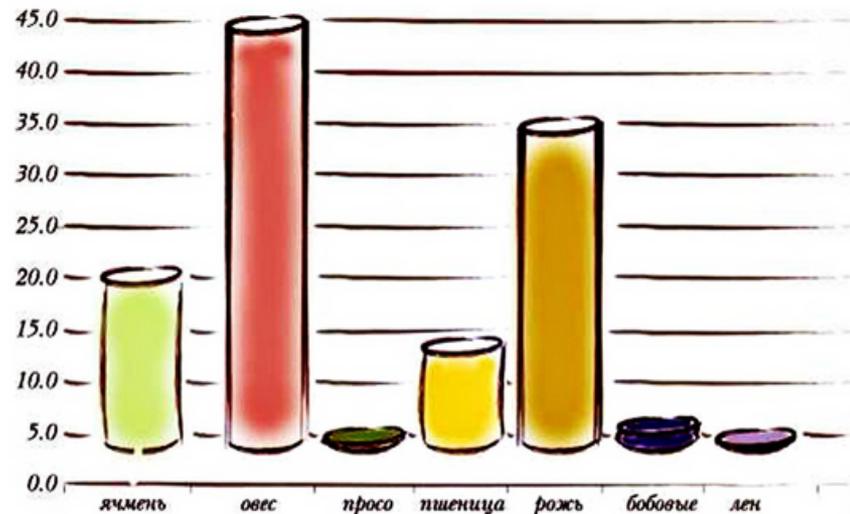
3. Соотношение костей млекопитающих, птиц и рыб

Поэтому работы в Ярославле сопровождались широким спектром естественнонаучных исследований с участием палеоботаников, палеозоологов, почвоведов, антропологов и многих других специалистов. В частности, археозоологические исследования показали, что наиболее многочисленными по костным остаткам были домашние животные, и, прежде всего, крупный рогатый скот. Обнаруживается, что у обитателей Ярославля первое место по потреблению занимала говядина (до 90%), затем — свинина и (или) баранина, козлятина (не больше 10%). Интересно, что кости свиньи демонстрируют постоянную тенденцию уменьшения их числа, начиная с древнейшего периода истории Ярославля (XI в.) и вплоть до XIX в. А костей лошади в кухонных остатках оказалось в Ярославле ничтожно мало. Мизерную долю в ярославской коллекции занимают остатки диких животных. Тем не менее, их видовое разнообразие превышает число видов домашних млекопитающих: из восемнадцати 12 отнесены к диким животным. Это и крупные — лось, благородный олень, северный олень, кабан, медведь, и относительно небольшие по размерам — волк, рысь, лиса, куница, выдра, заяц и бобр. Все они — обычные обитатели лесной зоны Восточной Европы, несомненно, были охотничьей добычей для человека. Таким образом, среди найденных в Ярославле костных остатков (более 160 тыс.) отмечено абсолютное преобладание костей млекопитающих (не менее 96%). Оставшуюся долю (не более 4%) представляют остатки птиц и рыб. Среди птиц есть гуси, утки, глухари, которые являлись охотничьей добычей, и ловчие птицы — ястребы и соколы. Из всех видов рыб (осетра, стерляди, судака, белорыбицы, сома, окуня и щуки) более половины костей составляют остатки осетровых. Реконструируемые размеры осетров и стерлядей образуют группы довольно крупных особей — соответственно с общей длиной 120-140 см и 80-90 см.

Древний Ярославль

В археоботаническом спектре раннего периода истории Ярославля (XI – первая половина XIII вв.) выделяются две главные сельскохозяйственные культуры: овёс (40,6%) и рожь (30,8%). Далее в порядке убывания их значимости следуют ячмень (16,2%), пшеница (9,4%), горох (1,7%), просо (0,8%) и лён (0,6%). Коллекция археоботанических образцов конца XIII–XVII вв. показала иную картину: на протяжении нескольких столетий наблюдается постоянный рост удельного веса овса за счет сокращения доли всех остальных культурных растений. Кроме того, из спектра совершенно исчезают пшеница-двухзернянка и горох. Возможно, изменения в спектрах разных хронологических периодов связаны с нерепрезентативностью выборки археоботанических материалов конца XIII–XVII вв. Однако в целом, можно говорить о том, что основу питания горожан во все времена составлял ржаной хлеб. Пшеничный хлеб или печеные пшеничные изделия были более редкими и может быть даже изысканными продуктами.

Начиная с самых первых исследований в Ярославле, важным вопросом истории города была локализация домонгольского Успенского собора. Охранные работы, проводимые ИА РАН на раскопе «Успенский», в совокупности с архитектурными изысканиями и анализом архивных материалов позволили выстроить хронологическую схему основных этапов существования Успенского собора. Церковь 1215 г. была разобрана в начале XVI в., а вместо неё на прежнем месте был возведен новый храм. Его, в свою очередь, сменил собор 1642–1646 гг., заложенный вблизи предшествующего.

Археоботанический спектр Ярославля 11- ½ 13 вв.

Новый храм, строительство которого было завершено в 1663 г., был возведен на новом месте.

Таким образом, на территории Рубленого города с XIII по XVII в. последовательно существовало четыре каменных храма, три из которых располагались на разных местах. Видимо, строительство велось не на «намоленном месте», а там, где это было удобнее, учитывая геологические условия

Рубленого города и скученную застройку XVI–XVII вв., или просто на месте, освободившемся после пожара. Такая ситуация весьма необычна для городов средневековой Руси.

Исследования Института археологии, проведенные в историческом центре Ярославля, позволили лучше и полнее изучить тысячелетнюю историю города, приоткрыть ее неизвестные страницы и получить ответы на многие нерешенные до недавнего времени вопросы.

*Заместитель директора ИА РАН, заведующая
Отделом охранных раскопок, к.и.н. А.В. Энговатова*

Литература

Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН, 2012.

*Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н.,
Бужилова А.П., Гончарова Н.Н., 2009. Массовые
средневековые захоронения в Ярославле: анализ
археологических и антропологических*

Фрагменты стеновой кладки 1215 г.
в засыпке фундаментного рва собора начала XVI в.

Ростов Великий

1. Приозерная часть современного Ростова, вид с юга. Выделено местоположение первоначального мерянского поселка.

2. Постройки нач. XIV в. в процессе раскопок

Летописной вехой начала истории Ростова является 862 г., под которым в «Повести временных лет» в числе народов и городов державы Рюрика названы меря, финноязычное население района озер Неро и Плещеево, и Ростов. При всей условности летописной даты и легендарности сказания о призвании варягов, сам факт вхождения северо-восточных земель в состав древнерусского государства во второй половине IX в. у историков сомнения не вызывает, так же как и роль Ростова как старейшего города, первой столицы княжества и крупнейшего города Северо-Восточной Руси. Но летопись в своих сообщениях кратка, другие письменные источники немногочисленны. Пополнять знания об истории средневекового города позволяет археология.

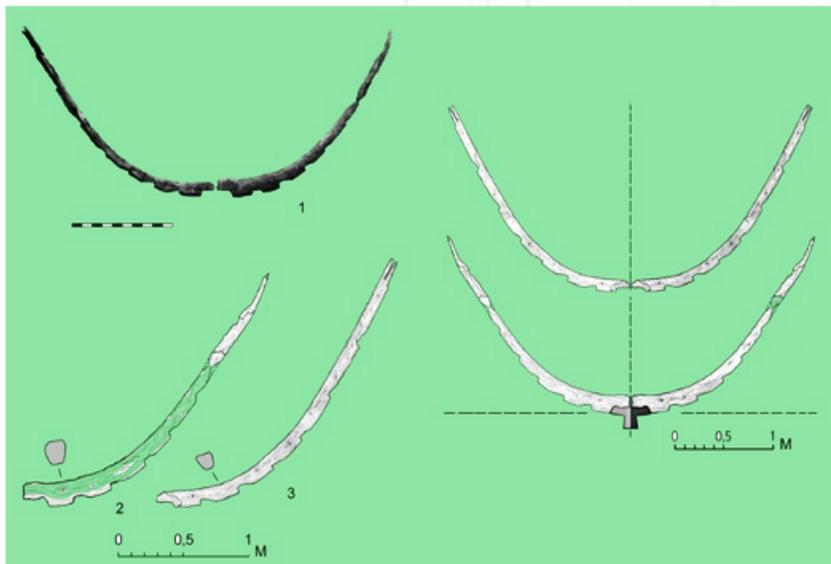
Ростов сохранил влажный культурный слой, сопоставимый по своим информационным возможностям с новгородским. В сравнении с другими древнерусскими городами степень его археологической изученности невелика, но результаты проводимых исследований позволяют более определенно судить об истории Ростова в первые века его существования, и получать интересную информацию о городской жизни не столь далеких XVI–XVIII вв.

Благодаря раскопкам удалось обнаружить следы первоначального мерянского поселка и тем самым подтвердить летописное сообщение о мере как о первом населении Ростова. Первоначальное поселение возникло в VII в. и занимало низкую береговую террасу в устье небольшого озерного притока, р. Пижермы. В настоящее время эта территория частично занята ростовским кремлем и прибрежной застройкой центра города.

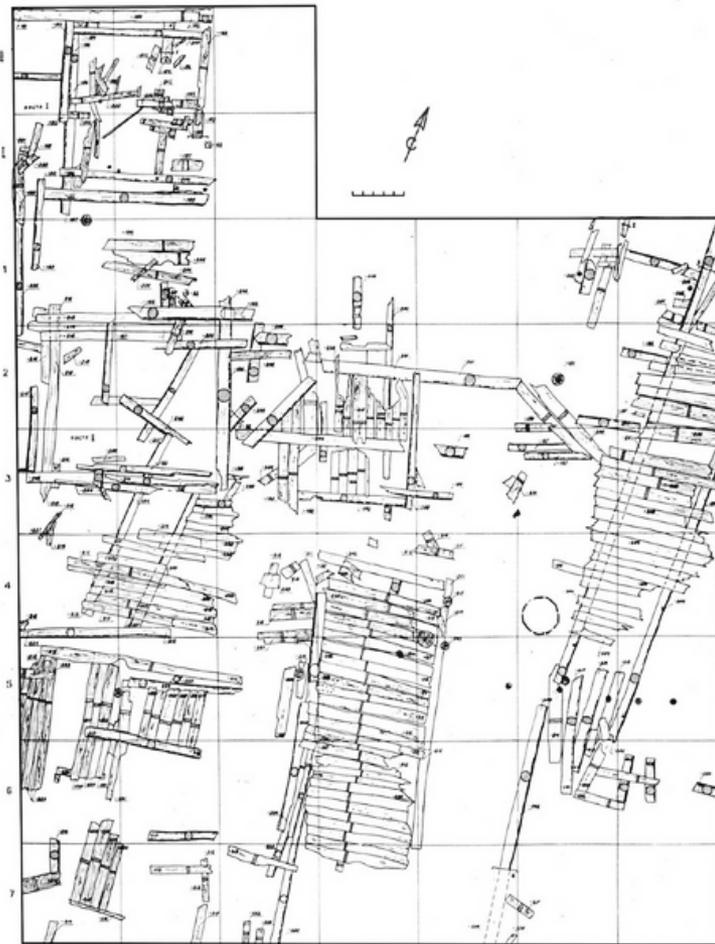
Найденная в раскопках керамика и разного рода металлические изделия представлены формами, традиционными для мери и других финно-угорских народов Поволжья. Вместе с ними встречены разнообразные явно привозные предметы, в полном соответствии с летописью характеризующие внешние связи мери.

Местоположение, наличие импортов позволяет предполагать, что ростовский участок побережья в общей системе мерянских поселений мог быть неким торговым местом. Возможно, именно этим обстоятельством, сложившейся традицией, объясняется появление древнерусского города на низкой озерной террасе. Подтверждением такой возможности служит находка двух шпангоутов крупной ладьи конца X в. Это единственная на территории древней Руси находка частей судна, построенного в традиции характерной для Скандинавии и стран Балтийского побережья, которая является прямым свидетельством существования водного пути к Ростову со стороны Ладоги и Новгорода.

По данным раскопок, городская территория с присущими ей особенностями начинает формироваться в 60–80-е гг. X в. Наиболее ранняя дендродата образца из культурного слоя города указывает 963 г., первые археологически зафиксированные постройки появились после 980 г. С этого времени наблюдается свойственное городам долговременное постоянство планировки. Столь же постоянным был рост городской территории, что позволило Ростову в XII в. считаться одним из крупнейших древнерусских городов и в первый и последний раз в своей истории удостоиться в летописи определения «Великий».

Ладейные шпангоуты X в. 1 – фотография находок;
2 – рисунок; 3 – графическая реконструкция
полных шпангоутов

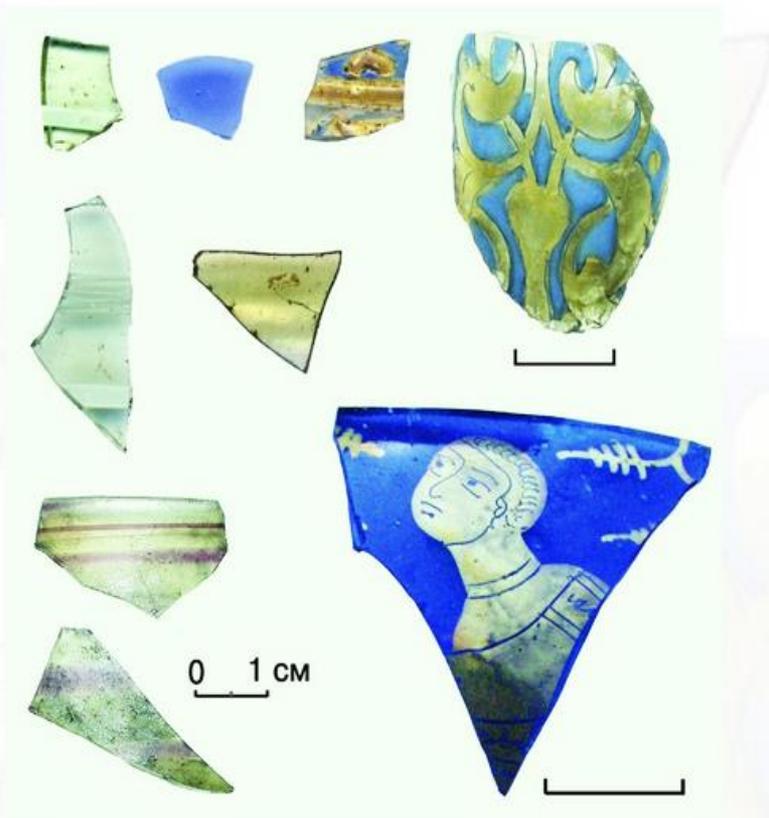

1. Пример усадебной застройки первой половины XII в. по материалам раскопок.
2. Бусы XII–XIII вв. 1–11, 14–22, 24–28, 30 – стекло; 12, 13 – хрусталь; 23, 29 – янтарь

Материальная культура ростовцев в X–XI вв. еще сохраняла некоторые региональные черты. К ним относится сохранение мерянских традиций в изготовлении керамики и кузнечных изделий. Среди найденных в культурном слое предметов имеются детали характерных мерянских украшений. Общей для Северо-Восточной Руси особенностью было долгое бытование лепной керамики, изготовленной с преобладанием славянских традиций и не вышедшей из употребления вплоть до начала XII в.

В дальнейшем домостроительство, хозяйственные занятия, бытовая культура населения средневекового Ростова имели общий для Северной Руси облик. Городские усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками имели постоянные, зачастую столетиями неизменяемые границы, отмеченные частоколами, реже плетневыми оградами, выходившие на улицы и проулки. Археологическое подтверждение находят разнообразные ремесленные занятия горожан: от кузнечного и ювелирного до сапожного и косторезного при обязательном в деревянном городе плотницком занятии. Обычным было содержание домашнего скота, для XII в. отмечено пользование огородом. Находки того, что осталось от яблок, вишневых косточек говорят о садоводстве. Постоянным было рыболовство, вплоть до XIII в. В остеологической коллекции устойчиво представлены кости бобра, что указывает на существование традиционного промысла.

Столь же очевидны свидетельства торговой жизни и внешних связей города. Привозные изделия постоянно встречаются в культурном слое, начиная с X в.

В закономерной хронологической последовательности появляются и исчезают характерные для определенных периодов стеклянные, хрустальные, сердоликовые и янтарные бусы из стран Востока и Прибалтики, шиферные пряслица и стеклянные браслеты, европейская и азиатская стеклянная посуда, привозимые из Южнорусского Поднепровья, причерноморские амфоры из Византии и лощеная посуда из Волжской Болгарии. На территории усадьбы первой трети XIII в. найдено 11 свинцовых торговых пломб.

После монгольского нашествия 1238 г. в изменившихся исторических условиях Ростов постепенно теряет значение политического и экономического центра. Археологические данные показывают, что территория города перестает расти, пустеют некоторые прежние освоенные участки, население сокращается и уже к XV в. он превращается в не последний, но провинциальный город, каким является и сегодня. Но городская жизнь никогда не прерывалась. Раскопки в Конюшенном дворе поблизости от стен кремля дали возможность проследить историю участка городской территории на протяжении XIII–XVI вв. После 1250 г. здесь возникла усадьба, просуществовавшая более 200 лет с периодически обновляемыми постройками и линиями ограды. Богатая коллекция находок этого периода отражает все стороны жизни средневековых горожан. Обнаружены разнообразные изделия из железа, бронзы, серебра, фрагменты глиняной и стеклянной посуды, части и детали обуви и одежды из кожи, льна, шерсти, деревянная утварь и предметы обихода, и даже непонятно как попавшая в такой контекст вислая печать Александра Невского. Специфика золотоордынского периода отразилась в появлении некоторых изделий и украшений восточного облика, поливной керамики, встречены также характерные для степняков наконечники стрел.

1. Фрагменты стеклянных сосудов XII–XIV вв.

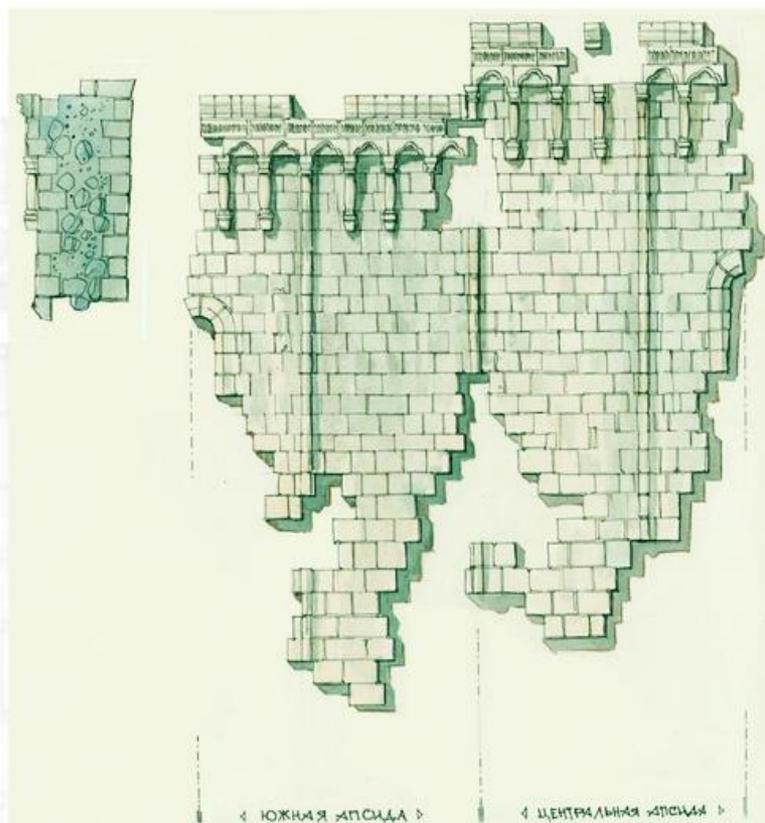
2. Ковш из березового капа. XIII в.

3. Свинцовая печать Александра Невского. 4. Украшения и детали костюма вт. пол. XIII–XIV вв. 1 – височное кольцо; 2, 3, 7- подвески; 4, 8-10 - браслеты; 5, 6 - пуговицы. 5. Предметы быта XIII–XVI вв. 1-3 - наконечники стрел; 4 - костяной гребень; 5 - ювелирный пинцет; 6 - ключ; 7,8 – ножи; 9 - ножницы, 10 - шерстяная рукавица (варежка); 11- замок; 12 - свечеч; 13 - скребница; 14 - горшок; 15 - топор

Водоотвод рубежа XVI–XVII вв.
При строительстве колодец и трубы затронули залегавшие
в земле остатки построек XV в. Вид сверху

Усадьба исчезает на рубеже XV–XVI вв. В начале XVI в. здесь находилась мастерская по изготовлению терракотовых половых плиток, что было, вероятно, связано с нуждами хозяйства ростовских архиепископов, а затем существовали отдельные хозяйственные строения. В самом начале XVII в. был сооружен дренажный колодец с отходящими от него долбленными деревянными трубами, обмотанными берестой. Учитывая сложившуюся на протяжении XVI–XVII вв. традицию хозяйственного использования исследованного участка, в дальнейшем продолженную строительством Конюшенного двора, можно полагать, что по крайней мере с начала XVI в. эта территория принадлежала Ростовскому архиерейскому дому, существование которого на протяжении столетий определяло значение города как крупного религиозного центра. Ростовская епархия являлась старейшей в Северо-Восточной Руси. По легенде, отраженной в летописных сводах XVI в., первая деревянная церковь Успения Богородицы, сгоревшая в пожаре 1160 г., была построена в 991 г. Археологические исследования в Успенском соборе показали, что время ее создания относится к середине XI в. Современный Успенский собор, построенный около 1510 г., единственный сохранившийся в Ростове памятник архитектуры своего времени, является также уникальным археологическим объектом. В основании периметра его стен сохранились остатки кладок двух предшествующих белокаменных храмов XII и XIII вв. и сохранились следы пожара, уничтожившего упомянутую первую церковь.

Фрагмент кладки восточного фасада Успенского собора 1231 г.
Графическая реконструкция П.Л. Зыкова (Гос. Эрмитаж)

Поблизости от собора в 30 м южнее были обнаружены самые ранние (не считая возможных в курганах) христианские погребения Северо-Восточной Руси, датируемые третьей четвертью XI в. Очевидно, археология зафиксировала эпизод периода миссионерской деятельности первого ростовского епископа св. Леонтия. Два детских захоронения покоились в обычном культурном слое и спустя какое-то время были забыты. Кладбище на этом месте возникло только в начале XIV в.

На площади около собора в земле до сих пор сохраняются фрагменты восточной и северной стен каменного храма 1231 г. Это следы не катастрофы, а специального обрушения перед новым строительством начала XVI в. Стеновые камни были частично использованы в новом здании, но все же значительные участки кладки верхних частей стен, уйдя при падении вглубь, остались на месте и были обнаружены в результате раскопок.

Современный Ростов славен своим кремлем – архитектурным ансамблем архиерейского двора, построенного в конце XVII в. ростовским митрополитом Ионой Сысоевичем. Археологические исследования, связанные с реставрацией архитектурных памятников, позволили выяснить, что монументальным постройкам ионинского времени предшествовали не менее замечательные здания. Со стороны Успенского собора в створе ныне стоящей Воскресенской надвратной церкви был обнаружен фундамент церкви Иоанна Предтечи, о существовании которой было известно только из летописных сообщений о событиях XIII в. и XV в.

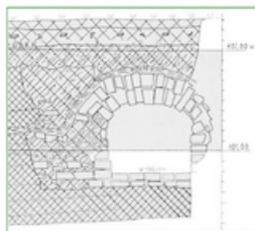
1

2

3

4

Оказалось, что последнее здание храма на месте предшествующих возводилось при Иване Грозном в 1563 г. и, видимо, разобрано при строительстве кремля спустя сто с небольшим лет.

К «докремлевской» эпохе, к XVI в., относятся два кирпичных коллектора, проложенные от митрополичьего двора к югу, в сторону озера, и к востоку, в сторону озера, и к востоку, в сторону существовавшей тогда речки Пижермы. От первого сохранился участок протяженностью около 10 м с внешней стороны кремлевской стены, второй выявлен у подножия кремлевской Водяной башни. Это были заглубленные в землю серьезные сооружения шириной 0,8 м и высотой 0,7 м со сводом, уложенным в два кирпича. И до, и после в Ростове, как и в других русских городах существовали водоотводные сети, но деревянные. Появление кирпичных коллекторов возможно связано с деятельностью итальянских (?) мастеров, чье влияние чувствуется в архитектуре и технологии строительства Успенского собора. Основательно сделанные водоводы были рассчитаны на очень долгую эксплуатацию, но просуществовали менее 200 лет. Южный коллектор, от которого сохранился 10-метровый участок, разрушили при строительстве земляной крепости в 1632 г., а затем верхняя его часть попала в основание одного из кремлевских корпусов. Восточный коллектор в конце XVII в. был перебит фундаментом башни.

С церковной историей связаны исследования в пригородном Петровском монастыре, по преданию основанным в XIII в. преподобным Петром, царевичем ордынским – принявшим православие правнуком Чингисхана. Агиографические сочинения в силу специфики жанра – источники сомнительные. Тем не менее, археологические данные подтвердили объективность некоторых сведений «Жития». Значимыми находками явились погребение с характерным инвентарем XIII в. и фрагменты двух белокаменных саркофагов того же времени, свидетельствующие о высоком статусе погребенных. Антропологические определения, позволившие уловить

1. Коллекторы XVI в. 1 – участок выхода восточного коллектора под Водяной башней Ростовского кремля; 2, 3 – местоположение восточной «трубы» в культурном слое; 4 – поперечный разрез южного коллектора (обмеры и чертеж О.В. Долотцевой, Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль»).

2. Петровский монастырь. Крышки белокаменных саркофагов XIII в. 1 – №5, а – общий вид, б – поперечный разрез; 2 – №15, а – общий вид, б – поперечный разрез; 3 – №18, а – общий вид, б – граффити на внутренней стороне крышки

Водяная башня Ростовского кремля

признаки монголоидности у одного из захороненных в XVI (?) в., также могут считаться косвенным свидетельством реальной исторической основы церковной легенды.

Вед.н.с. Отдела славяно-русской археологии,
д.и.н. А.Е. Леонтьев

Литература

Иоаннисян О.М., Леонтьев А.Е., Заков П.Л., Торшин Е.Н. Памятники древнерусского зодчества XII–XIII вв. в Ростове Великом // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т.5. М., 1999.

Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Леонтьев А.Е., Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Леонтьев А.Е. Раскопки у северных ворот Ростовского кремля // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М., 2006.

Самойлович Н.Г., 2003. Мерянский «Ростов» // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Ярославль.

Самойлович Н.Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. Результаты охранных археологических исследований в 2001–2005 гг. М., 2007.

A wide landscape of a green field with a blue horizon and a clear sky. The foreground is dominated by tall, green grasses with some small blue flowers. The middle ground shows a vast, flat green field extending to a distant blue horizon. The sky is a clear, light blue with a few small, white clouds. The overall scene is bright and open, suggesting a rural or natural setting.

Древности Суздальского Ополя

История кристаллизации нового политического центра Руси в Волго-Клязьменском междуречье в XI–XIII вв. принадлежит к числу хорошо разработанных областей историографии, в которых современному исследователю, на первый взгляд, нелегко добавить что-либо новое к тому, что уже сделано его предшественниками. Общая картина ранней истории Ростово-Суздальской земли как процесса формирования новых центров княжеской власти на периферии Руси в условиях земледельческой колонизации ранее слабо освоенных территорий и продвижения нового населения на окраины, «отлива русских сил из области Среднего Днепра в область Верхней Волги» (Ключевский, 1911, с.412), нарисованная историками в конце XIX в., никогда не пересматривалась и со временем приобрела «канонический» характер. Однако сегодня мы должны признать, что эта картина, при всей своей убедительности и согласованности основных фактов, остается схематичной и далеко не в полной мере раскрывает реальное содержание событий и механизмы сложных исторических трансформаций.

Средневековые древности центральной части Суздальской земли оказались в поле зрения археологии раньше, чем археологические памятники большинства других областей Центральной России. Начатые в 1851 г. раскопки А.С. Уварова в Суздальском уезде Владимирской губернии можно считать первым научным проектом по средневековой археологии, выполнение которого предварялось разработкой подробной программы раскопок и опиралось на значительную государственную поддержку.

Ополье – территория, выделяющаяся особым характером ландшафта, представляющая собой остров безлесных пространств с темноцветными и серыми лесными почвами в зоне смешанных лесов.
Селище XII–XIII вв. – Вишенки 3. – небольшое поселение на водоразделе рек Каменки и Ирмеса

Кремлевский вал г. Суздаля. XII век. Вид с юго-востока.

В XII веке укрепленная территория города составляла около 35 га (по М.В. Седовой). Сопоставимые размеры имеют основные центры сельского расселения на территории Суздальского Ополья

Раскопки «владимирских курганов» в 1851–1852 гг., при всех издержках, заложили основу для формирования научных знаний о древнерусских могильниках и бытовой культуре средневековой Руси (Уваров, 1871; Спицын, 1905). В 1934 г. Н.Н. Воронин приступил к раскопкам в Суздале, Кидекше, Владимире и Боголюбове, рассматривая эти памятники как ключевые археологические объекты для изучения древнерусского городского строя, феодализма и культурных традиций (Воронин, 1961). Главные достижения в исследовании Суздаля и его округа в конце XX в. связаны с работами Суздальской археологической экспедиции ИА РАН и Владимиро-Суздальского музея-заповедника, производившимися в 1974–1991 гг. В результате этих раскопок был собран обширный материал, характеризующий становление города, формирование его территории в X–XV вв., городские усадьбы, ремесло и особенности материальной культуры. Целостная картина развития одного из крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси XI–XV вв. восстановлена в монографии М.В. Седовой (Седова, 1997).

Новый цикл полевых исследований, начатый в 2001 г., нацелен на изучение средневекового расселения и культурного ландшафта в центре Владимиро-Юрьевского Ополья, на территории, составлявшей основное ядро Суздальской земли. Ополе – территория, выделяющаяся особым характером ландшафта, вытянутая с юго-востока на северо-запад почти на 110 км, от устья Нерли до р. Селекши, представляющая собой остров безлесных пространств с темноцветными и серыми лесными почвами в зоне смешанных лесов.

1. Центральное поселение Кибольского куста памятников – селище Кибол 5, расположенное в центре существующего в настоящее время села. Наиболее древние культурные слои, зафиксированные на селище, относятся к концу I тыс. н.э. Это крупное поселение – яркая иллюстрация стабильности сложившейся системы расселения.

2. Первое письменное упоминание о селе Кибол относится к середине XVI в., тогда как в раскопе, заложенном в непосредственной близости от церкви, на площади около 150 кв.м. исследованы остатки плотной средневековой усадебной застройки, возникающей не позднее XII века. Зафиксированы крупные, глубокие подполья жилых строений, последовательно сменявшие друг друга на протяжении средневековья-нового времени

Главная историческая проблема, объединяющая многообразные конкретные вопросы археологии Ополя, – оценка особенностей расселения, культурного ландшафта и сельскохозяйственного потенциала этой области как факторов, определивших особое место Суздальской земли на политической карте Восточной Европы в XII–XIII вв.

Основными объектами исследований в новом проекте стали многочисленные селища. За 11 лет Суздальской экспедицией было проведено сплошное обследование территории площадью около 300 кв. км, выявлено и картировано около 240 средневековых поселений. Обследования сопровождались геофизическими разведками, отбором проб для спорово-пыльцевого анализа на поселениях и в естественных разрезах, исследованием почвенных горизонтов вблизи ряда средневековых поселений. В ходе разведок впервые точно локализован ряд курганных могильников, исследованных А.С. Уваровым в 1851–1852 гг., и впервые выявлены средневековые грунтовые могильники в Суздальской округе. Раскопками на 10 селищах и могильниках вскрыта площадь около 2000 кв.м, на распаханной поверхности селищ и в раскопах собрано свыше 11 000 средневековых вещей. Получено более 130 радиоуглеродных дат, которые дают надежное обоснование хронологического положения ряда опорных памятников и археологических комплексов. Таким образом, источниковая база для изучения ключевых проблем средневековой истории центра Северо-Восточной Руси в последние годы значительно расширена и обновлена (Макаров, 2009).

Исследования показали, что Суздальское Ополье выделяется необычайно высокой концентрацией поселений. Средневековый культурный слой распространяется почти на 2% всей территории этой области. Пространственное размещение поселений в Ополье существенно отличалось от обычных для конца I – начала II тыс. линейных систем, конфигурацию которых определяли речные долины. Несмотря на существование цепочки крупных поселений вдоль Нерли, система средневекового расселения в центре Суздальской земли уже с конца I тыс. формировалась как сеть поселений, покрывавшая всю территорию Ополья к западу от Нерли. Основными элементами этой системы были крупные поселения или гнезда близкорасположенных поселений, удаленные друг от друга на 1,5–2 км. Средние размеры сельских поселений в Ополье в X–XV вв. были значительно большими, чем в других районах Северо-Восточной Руси. Площадь наиболее крупных достигает 15–19 га, то есть вполне соизмерима с площадью малых городов средневековой Руси.

Археологические материалы документируют становление на территории Ополья в IX–X вв. новой сети поселений, сопровождавшееся существенными изменениями в хозяйстве и культуре. В этот период регион вовлекается в пушную торговлю, свидетельством которой является не только значительный удельный вес бобра и куницы в остеологических коллекциях (селище Весь 5), но и находки многочисленных фрагментов дирхемов, весовых гирек и стеклянных бус (селища Весь 5, Шекшово 2). В окрестностях поселений прослеживается сокращение площадей, занятых лесом.

1. Селище Весь 5. Ранние культурные слои этого памятника датируются IX–X веком.

2. В вещевой коллекции из раскопок селища Весь 5 содержится большое количество стеклянных бус – одного из маркеров пушной торговли – важного инструмента в системе средневековой колонизации и общеевропейских связей.

3-4. Торговля как важный элемент хозяйственного уклада населения Суздальской земли в IX–XI вв. надежно документируется монетными находками – в первую очередь восточным серебром, а также находками весовых гирек. Дирхемы и гирька, собранные на селищах Ополья

1. Для уточнения представлений о плотности освоения площадок селищ применялась геомагнитная съемка, позволившая в короткие сроки, без вскрытия больших площадей раскопками, получить информацию о наиболее обжитых участках памятников. 2. Проведенные в рамках совместного российско-германского научного проекта измерения, в сочетании с археологической проверкой полученной информации продемонстрировали, что большая часть средних и малых по своим размерам геомагнитных аномалий соответствует концентрации антропогенного материала: углубленных в материк ям, очагов, печей, металлургических шлаков, керамики, металлических находок. Геомагнитный план селища Б. Давыдовское 2

Пик заселенности приходится на XII – первую половину XIII в., датирующие материалы этого времени представлены на большинстве поселений. В этот период леса были полностью сведены, и в данном районе сформировались открытые пространства. Система крупных сел была дополнена сетью сравнительно небольших поселений на водораздельных участках. Обитатели Суздальского Ополя стали одними из пионеров освоения водоразделов и устройства постоянных поселений на оврагах в Волго-Окском междуречье. Этот процесс начался не позднее начала XII в. и приобрел широкий размах во второй половине XII в., когда на большей части территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси всецело господствовал приречный тип расселения. Многие поселения, возникшие в этот период, продолжают существование в настоящее время.

Уникальная плотность поселенческой сети Ополя – яркое археологическое свидетельство особого статуса и особого потенциала Суздальской земли как центра Северо-Восточной Руси, свидетельство, не менее значимое, чем мощные городские фортификации и городские усадьбы с находками дорогих предметов христианского культа и аристократического обихода. Существенно, что в монгольское и послемонгольское время крупные сельские поселения оказались, по-видимому, более устойчивы и жизнеспособны, чем города, во многих из которых (во Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском) культурный слой второй половины XIII–XV вв. слабо выражен и прослеживается лишь на отдельных участках.

1. Шекшовский археологический комплекс. Уникальная плотность поселенческой сети Ополя – яркое археологическое свидетельство особого статуса и особого потенциала Суздальской земли как центра Северо-Восточной Руси, свидетельство, не менее значимое, чем мощные городские фортификации и городские усадьбы с находками дорогих предметов христианского культа и аристократического обихода.
- 2-3. Предметы личного благочестия со сложной религиозной символикой (энколпионы, амулет-змеевик, натальная иконка). Относительная массовость такого рода предметов на сельских памятниках суздальской округи – яркая иллюстрация процесса активной христианизации региона.
4. Наконечники стрел.
5. Железный псалий, инкрустированный медью – часть парадной конской сбруи.
6. Часть парадного пластинчатого доспеха, найденного на одном из небольших водораздельных селищ.
7. Детали кольчуг, броневой стрела и навершие булавы

Помимо обычных бытовых вещей, орудий труда и украшений в коллекциях суздальских селищ представлены некоторые категории находок, отражающие занятия и уровень благосостояния, не свойственный основной массе сельского населения, предположительно связанные с обиходом феодальной знати разного ранга. В качестве таких вещей можно рассматривать вислые и прикладные печати, пломбы, книжные застёжки, стили для письма, предметы из драгоценных металлов, фрагменты амфорной керамики, использовавшейся для перевозки вина и масла, предметы вооружения и парадного конского снаряжения (шпоры, стремяна, псалии), предметы личного благочестия со сложной религиозной символикой (энколпионы, амулеты-змеевики). На 25 селищах представлено несколько категорий подобных вещей.

Основываясь на археологических материалах можно полагать, что часть суздальской знати и дружинников проживала за пределами городов, на сельских поселениях Ополя. При относительной скромности набора вещей, связанных с функциями управления, военным делом и престижным потреблением на суздальских селищах, появление их невозможно объяснить без присутствия на сельских поселениях представителей феодальной элиты. Очевидно, число таких поселений в центре Суздальской земли было достаточно велико. Селища с находками нескольких категорий «статусных вещей» составляют чуть более 10% от всех обследованных нашей экспедицией средневековых поселений. Однако отсутствие в коллекциях предметов, характеризующих занятия и повседневную жизнь знати, во многих случаях может быть следствием недостаточной изученности памятников.

1-2. Стили – инструменты для письма на воощеных дощечках.

3. На 25 селищах представлено несколько категорий статусных вещей.

Основываясь на археологических материалах можно полагать, что часть суздальской знати и дружинников проживала за пределами городов, на сельских поселениях Ополья. При относительной скромности набора вещей, связанных с функциями управления, военным делом и престижным потреблением на суздальских селищах, появление их невозможно объяснить без присутствия на сельских поселениях представителей феодальной элиты

Весьма вероятно, что различие в наборах «статусных вещей», которые связаны с особыми занятиями и особым стилем жизни знати, отражает существование в ее среде отдельных групп, различавшихся по своему имущественному и социальному положению. В этой связи весьма любопытно присутствие «скромных наборов» статусных вещей на небольших селищах, располагавшихся на оврагах и малых реках вблизи водоразделов и представлявших собой вторичные очаги расселения, формировавшиеся в XII – начале XIII вв. после сложения в более ранний период крупных поселений. Есть основание видеть в этих находках свидетельство испомещения на небольших поселениях на водоразделах младшей дружины, в период, когда наиболее удобные для поселений места вблизи рек уже были заняты крупными селами.

*Директор Института археологии РАН, акад. РАН,
д.и.н. Н.А. Макаров*

Литература

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т.I. XII столетие. М., 1961.

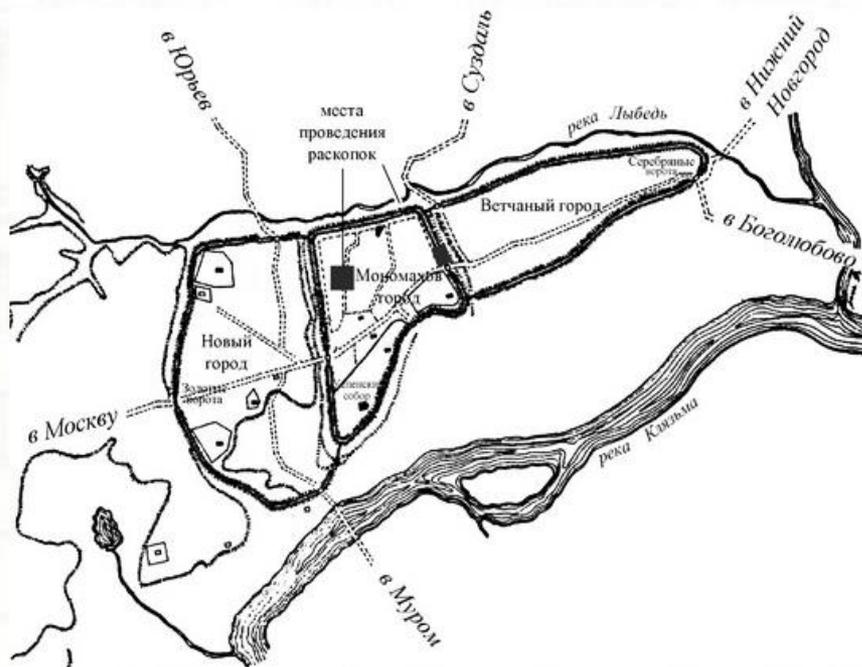
Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.I. М., 1911.

Макаров Н.А. Археологическое изучение Северо-Восточной Руси: колонизация и культурные традиции // Вестник РАН, 2009. Вып. 12. С.1068-1079.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Карпухин А.А.

Археологические исследования на территории Мономахова города во Владимире-на-Клязьме

План территории города Владимира-на-Клязьме
в XIII–XV веках
(современная реконструкция по А.И. Бунину)

В 2006–2008 гг. Институт археологии РАН провел наиболее значительные по площади спасательные археологические работы в древнейшей части Владимира – Мономаховом, или Печернем, городе (квартал 13 по современному административному делению). Площадь раскопок, расположенных вблизи Троицкого вала, возведенного в начале XII в., составила 2500 кв.м. В 2010–2011 гг. исследовался Ивановский вал – участок оборонительных укреплений, ограничивавший Мономахов город с восточной стороны. Раскоп, площадью около 325 кв. м был разбит на Большой Московской улице, д. 61.

Культурный слой на территории 13-го квартала представлен в основном отложениями XVI–XIX вв.; древнерусский горизонт сохранился на небольших участках и в виде заглубленных в материк ям. Слой XIV–XV вв. выявить не удалось, этим временем датируются только отдельные ямы. Сохранность слоев иллюстрирует историческую судьбу древнего города: его первоначальный расцвет, упадок в связи с татаро-монгольским нашествием и новый подъем, но в уже ином статусе, в эпоху Московской Руси, когда интенсивная строительная деятельность положила начало активному разрушению древнерусского культурного слоя.

К домонгольскому времени на исследованной территории относятся остатки шести усадеб и следы частоколов, маркирующие межусадебное пространство и улицу, пересекавшую северо-западную часть Мономахова города с северо-востока на юго-запад. Эта улица выходила к современной Соборной площади, где локализуются Торговые ворота и, предположительно, торговая площадь.

Вероятно, в домонгольском Владимире существовала линейно-поперечная система планировки улиц, привязанная к воротам в крепостной стене и к центральной магистрали, идущей через весь город от Золотых к Серебряным воротам. Размеры выявленных раскопками усадеб составляли около 800 кв. м каждая, что в основном соответствует размеру усадеб того же времени, исследованных раскопками в Великом Новгороде и других древнерусских городах.

Изменение планировочной системы, сложившейся в домонгольское время произошло во второй половине XV – начале XVI в. в связи с началом нового демографического подъема. Все постройки с этого времени имеют уже другую ориентировку, отличную от предыдущей эпохи. Они ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Новая планировка просуществовала до XIX в. – времени следующей перестройки центра города. К находкам XVI–XIX вв. относятся остатки нескольких жилых и хозяйственных построек из дерева и частоколов. За время раскопок собрана коллекция печных изразцов четырех различных наборов: привозных и местного производства, фрагменты керамической и стеклянной посуды, изделия из металлов, глиняные курительные трубки – «турецкие» и «голландские», глиняные игрушки. Эти находки характеризуют ежедневный быт зажиточного владимирского жителя – купца или мещанина.

Северо-западная часть Мономахова города, расположенная вблизи от детинца, в домонгольское время являлась богатейшим районом Владимира-на-Клязьме.

Фрагмент печного изразца
и фрагменты глиняных игрушек XVII–XVIII вв.

1. Остатки подполья древнерусской постройки с «кладом» янтаря.
2. Фрагменты деревянного короба с янтарем в процессе расчистки

Его невостребованность сразу после разрушения постройки свидетельствует о масштабах произошедшей катастрофы, приведшей к одновременной гибели всего этого района города.

Скопление янтаря площадью 6 кв. м и мощностью до 24 см было обнаружено на дне сгоревшего подполья размером 48 кв.м. Сохранились остатки трех коробов из древесины сосновых пород, стоявших, вероятно, на деревянных полках или полах вдоль одной из стен постройки.

Анализ формы кусков янтаря и особенностей их поверхности показал, что весь найденный янтарь является янтарем-сырцом, не подвергавшимся дополнительной обработке. Об этом свидетельствуют природные формы кусков и толщина окисленной корки. Среди целых кусков янтаря обнаружены все известные морфологические разновидности: капли, сталактиты, надствольные натеки, янтарь, заполняющий трещины в стволе и междукоровый янтарь. По размеру целые куски и фрагменты разделены на три группы: крупный (4–6 см и более), средний (4–2 см) и мелкий (2–1 см). Крупные куски составляют более четверти коллекции. Весь янтарь подвергся в древности воздействию температуры не ниже 130° С, при которой начинаются изменения в его структуре, отражающиеся на прозрачности и цвете, часть расплавилась полностью или спеклась, образовав местами монолит смолы.

Вопрос, откуда янтарь поступал на Русь – из Прибалтики или Приднепровья – до сих пор остается нерешенным. В археологической литературе доминируют три различные точки зрения. По одной янтарь привозили на Русь в XIV–XV вв. из Прибалтики, а с X в. по 40-е годы XIII в. – из Приднепровья.

1. Янтарь in situ.
2. Подполье древнерусской постройки с кладом янтаря после завершения работ

По другой – сколько-нибудь значительные разработки приднепровских месторождений до XIX в. не велись, поэтому можно говорить только об одном источнике – месторождениях Самбийского полуострова. По третьей версии в X–XI вв. янтарь поступал на Русь из Прибалтики в виде готовых изделий, а янтарь XII–XIII вв. считается приднепровским. находка «клада» во Владимире позволила приблизиться к решению проблемы: проведенный анализ химического состава, морфологические исследования всего найденного объема янтаря-сырца говорят о его прибалтийском происхождении.

Судя по контексту находки, янтарь, хранившийся в доме, предназначался на продажу; необработанные куски, обнаруженные в постройках соседних усадеб, свидетельствуют о его неоднократной продаже еще до уничтожившего этот участок города пожара.

Потребность в янтаре на внутреннем рынке древнерусского государства, в том числе в самом Владимире, в это время была высока: его использовали при изготовлении олифы, в медицине, для производства украшений, жгли в качестве благовоний. По письменным источникам известно, что для ювелирных изделий сорта янтаря красного и темно-красного цвета ценились выше, чем сорта светлого. Способы искусственного окрашивания янтаря были известны в ту эпоху. Так в труде ал-Бируни середины XI в. «Минералогия» приводятся следующие данные по приемам придания товарного вида янтарию и изделиям из него. *«У них (бус) либо оставляется [естественный] цвет, либо они окрашиваются в красный цвет путем кипячения в растворе квасцов в медном котле, а затем путем кипячения в растворе сандала в каменном горшке до затвердения».*

С этим известием хорошо согласуются находки рядом со скоплением янтаря фрагментов медного и каменного котлов. Последние исключительно редки при раскопках древнерусских городов – их привозили, по-видимому, из Хорезма и Волжской Болгарии.

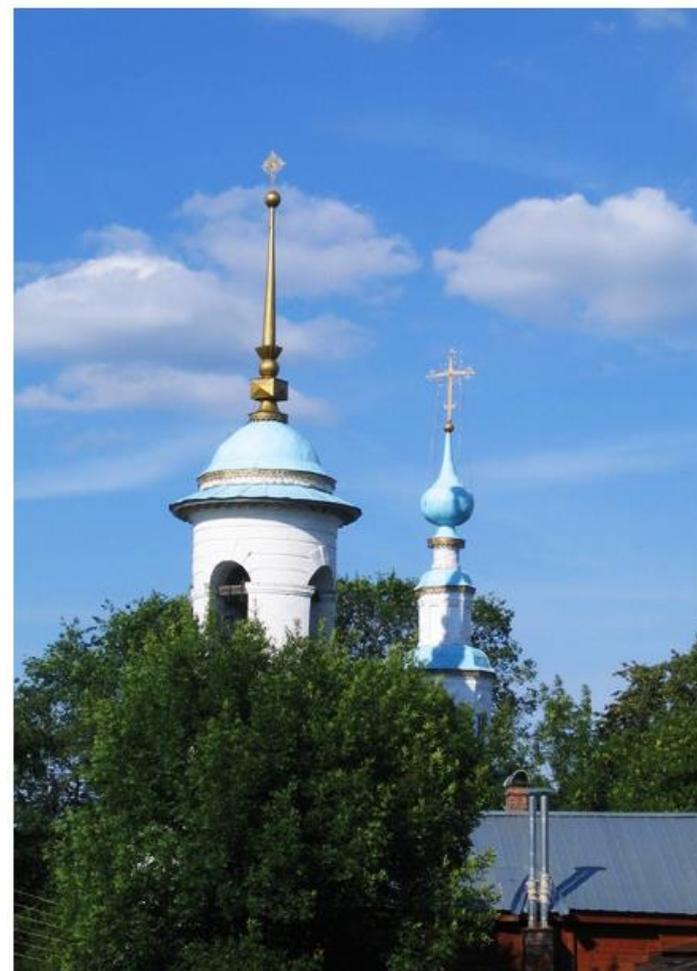
Археологические исследования на территории Мономахова города

Находки янтаря и изделий из него нередко встречаются на памятниках в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, Кавказе, в Средней Азии. Мастерские по его обработке на территории древней Руси найдены в Киеве, Новгороде, Рязани и других городах, они хорошо известны в городах Волжской Болгарии, откуда происходит самый крупный до владимирской находки клад янтаря-сырца весом 16 кг.

Судя по сделанной находке, Владимир-на-Клязьме являлся одним из основных транзитных пунктов международной торговли янтарем наряду с древними городами Польши и Волжской Болгарии. Склад янтаря из Владимира является крупнейшим не только для России, но и для всей Европы эпохи Средневековья. Эта находка не позволяет судить о динамике развития торговли янтарем в домонгольское время, но она впервые дает представление об объемах этой торговли.

Мощность исследованных в 2010–2011 гг. культурных напластований в другой части Мономахова города – на месте Ивановского вала – составила 3,6–4,6 м. В соответствии с летописными свидетельствами в исторической литературе принята точка зрения о возведении этих укреплений в 1108 г. В результате археологических исследований выделено восемь хронологических этапов в истории освоения данного участка города. Два древнейших связаны с сельскохозяйственным использованием территории и жилыми постройками неукрепленного древнерусского поселения, возможно, городского посада. Сооружение первоначальной насыпи Ивановского вала, согласно проведенным исследованиям, относится ко времени не ранее второй половины XII в. В дальнейшем насыпь вала досыпалась и укреплялась деревянными конструкциями.

*Ст.н.с. Отдела охранных раскопок, к.и.н. О.В. Зеленцова,
н.с. Отдела славяно-русской археологии И.Н. Кузина,
н.с. Отдела охранных раскопок, к.и.н. С.И. Милованов*

Колокольня церкви Св. Троицы –
вид со стороны раскопов в 13-м квартале

Раскопки в церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Вид церкви Бориса и Глеба с юга. Фото 2012 г.

Церковь Бориса и Глеба в Кидекше – один из древнейших памятников белокаменного зодчества Северо-Восточной Руси, прославленный образец средневековой архитектуры, упоминаемый во всех трудах по истории древнерусского искусства. Памятник этот несколько раз реставрировался, в нем уже проводились археологические работы, но, несмотря на эти исследования, в истории храма все еще очень много неясного и даже загадочного.

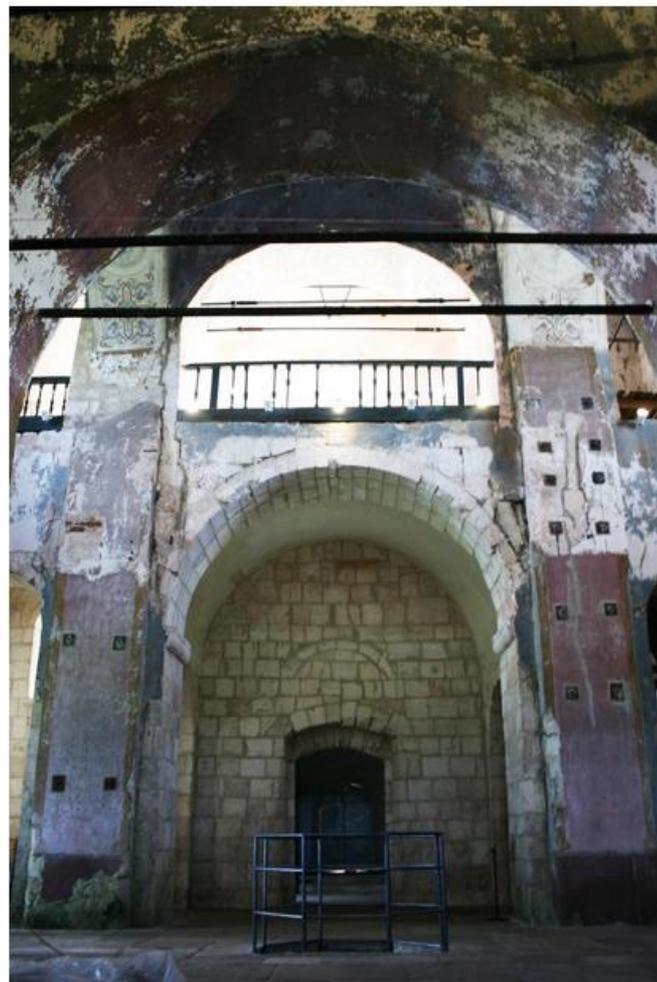
Кидекша, ныне небольшое село Суздальского района Владимирской области, расположена на высоком правом берегу реки Нерли (Клязьминской). Его географическое положение можно считать очень удачным, почти исключительным. Чуть ниже села в Нерль справа впадает река Каменка, на которой стоит Суздаль, отстоящий от Кидекши на 4 километра. Правый берег Нерли занимает Ополье, участок плодородной равнины; на левом берегу стоят леса с множеством болотистых участков. Получается, что Кидекша стоит на водном пути и на границе двух природных зон, прямо через Кидекшу проходит старая дорога, пересекающая реку и уходящая на восток.

В середине села, растянувшегося вдоль реки, на высоком берегу Нерли находится храмовый комплекс, состоящий из старинной белокаменной церкви Бориса и Глеба, сооруженной в середине XII в., при князе Юрии Долгоруком, а также небольшой теплой церкви Стефана 1780 г. постройки (этот храм образует с древней церковью «двойню», характерный для поволжских земель и волго-окского междуречья комплекс из теплого и холодного храмов, причем теплый храм воспроизводит в камне образ деревянной церкви клетского типа) и колокольни того же времени с характерным для суздальского зодчества этого времени вогнутым шатром. Комплекс окружает ограда середины XIX столетия.

До конца не ясно время постройки храма: он достоверно был построен при князе Юрии Долгоруком, который умер в 1157 г., но в 1140-е или 1150-е гг. – неизвестно. В 1159 г. в храме Бориса и Глеба был погребен его сын, князь Борис Юрьевич, о чем сообщает Лаврентьевская летопись, в которой содержится также замечание о том, что храм был построен самим Юрием Долгоруким, а также сведение о том, что на этом месте была совместная стоянка князей-мучеников, Бориса и Глеба: «В лет(о) 6667. Преставися Борисъ князь Гюргевиць м(е)с(я)ця маа въ 2 д(е)нь. И положиша и брата оу с(вя)тою м(у)ч(е)н(и)ку, юже бе создалъ О(те)ць его Гюрги на Нерли, идеже бе становище с(вя)тою м(у)ч(е)н(и)ку Бориса и Глеба».

Возведение каменного храма на месте, где по преданию встречались князья Борис и Глеб, первые русские святые, предки самого князя Юрия, было, по всей видимости, частью плана деятельного князя по обустройству и украшению Ростово-Суздальской земли, которой он во второй половине своего княжения уделял все больше внимания. Возможно, в Кидекше вместе со строительством каменной церкви был основан монастырь, который и существовал непрерывно до закрытия в 1764 г. Почитание святых князей, Бориса и Глеба, начатое на северо-востоке Руси постройкой храма в Кидекше, вписывается в общую картину повсеместного строительства храмов и монастырей, посвященных князьям-мученикам.

Церковь Бориса и Глеба в Кидекше не дошла до нашего времени в целостности, она частично разрушилась в XVII в., после этого она была отремонтирована с изменением форм и характера сводов: исчезли подпружные арки подкупольного пространства и поддерживаемый ими барабан с куполом, его заменили глухие своды с глухим тонким барабаном, восточная часть храма была понижена, а восточные столбы, превратившиеся в участки стен между проходами в алтарь, поставлены не на старом месте.

Вид внутреннего пространства храма.
Видны древние хоры. Фото 2012 г.

Раскопки в церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Эти изменения мешают воспринимать и представлять первоначальный облик древнейшего храма Северо-Восточной Руси. Но старые формы храма хорошо сохранились в западной части, где нижняя часть столбов, своды под хорами и сами хоры сохранились почти на всю первоначальную высоту.

Раскопки в Кидекше имеют давнюю историю: здесь, вокруг храма, в середине XIX в. копал знаменитый археолог граф А.С. Уваров, в дальнейшем площадку поселения исследовали В.В. Седов, П.А. Раппопорт, Т.А. Чукова и С.В. Шполянский, а древний храм изучался археологически Н.Н. Ворониным, А.Д. Варгановым, Н.П. Сычевым и В.П. Глазовым. В 2011–2012 гг. в храме Бориса и Глеба отряд Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН, руководимой академиком РАН Н.А. Макаровым, провел архитектурно-археологические исследования, которые принесли обширный новый материал по стратиграфии памятника, его первоначальной планировке, устройству и украшению его интерьера в период строительства и при позднейших доделках и переделках. Этот материал еще предстоит тщательно систематизировать и обобщить, сейчас же мы сообщаем основные полученные сведения и первичные обобщения этого обширнейшего материала.

Перед началом исследований 2011 г., носивших охранный характер (в храме предполагалось сделать воздушное отопление), на всей площади храма был снят пол XVIII–XIX вв. Раскопки в интерьере церкви Бориса и Глеба велись траншеями, предназначенными для закладки коробов воздухопроводов. В некоторых местах, где были открыты древние конструкции, были сделаны расширения, превратившиеся в довольно большие участки раскопок.

В средней абсиде храма Бориса и Глеба еще в 1940-е гг. Н.П. Сычевым был открыт белокаменный синтрон (горнего места) с основанием епископского трона в середине.

Процесс раскопок в средней части храма. Виден омпалий. Фото 2011 г.

1. Вид с хор на среднюю абсиду. Фото 2011 г.
2. План синтрона в средней абсиде
3. Основание престола в средней абсиде. Фото 2011 г.
4. Раскоп в средней абсиде. Видны уровни полов и черный слой мерянского селища под храмом. Фото 2012 г.
5. Омфалий в подкупольном пространстве. Фото 2011 г.

Синтрон был расписан по внешней поверхности; роспись изображает полилитию, то есть плиты полированного мрамора с разными прожилками. К западу от синтрона в 2011 г. были обнаружены ранее неизвестные детали внутреннего убранства храма: основания позднего иконостаса и более ранней алтарной преграды под ним, а также нижняя часть белокаменного престола с основаниями четырех белокаменных ножек и каменный омфалий. Престол, по всей вероятности, не одновременен храму, а создан вместо более раннего (возможно – с использованием плит прежнего) во время первой перестройки интерьера в начале XIII в. Омфалий же достоверно принадлежит середине XII в., он вложен в известковую подготовку первоначального пола.

На пространстве наоса храма в траншеях и в средней части были выявлены прослойки песка, перекрывающие остатки заливки первоначального пола. Этот плотный слой белого цвета, состоящий из известкового раствора с примесью песка, лежит прямо на горизонте мерянского селища – культурного слоя финно-угорского поселка, существовавшего здесь в первом тысячелетии нашей эры (VIII–X вв.).

На заливке древнего пола, середины XII в., в центре подкупольного пространства первоначального храма, то есть прямо под куполом когда-то бывшего храма, лежит крупный белый камень круглой формы, имеющий легкий розоватый оттенок. Это и есть омфалий («пуп») – особое место, которое в древнерусских источниках называется «место среди церкви».

На омфалий в определенные моменты службы становился епископ, он является продолжением ранневизантийского амвона и предшественником амвона современного. В древнерусской архитектуре каменный омфалий XII в. из Кидекши уникален, известен только более ранний мозаичный экземпляр X в. в Десятиной церкви (но из боковой части храма, не из подкупольного пространства), а также примеры из древнерусской архитектуры XIV в.

В слое завала, отложившемся под поздним полом, найдена белокаменная деталь со звездчатым узором, предположительно – основание запрестольного креста, декор которого, безусловно, не принадлежит XII в. Возможно, он был создан в XIII в., хотя не исключена и более поздняя датировка – XV или XVI веком.

В процесс раскопок в западной части северной и южной стен были изучены открытые ранее каменные саркофаги в аркосолиях – специальных арочных нишах, устроенных в толще стен. Такие саркофаги, вытесанные из цельного блока белого камня, довольно редки в Северо-Восточной Руси, похожие саркофаги есть в Рождественском соборе в Суздале, известны также два саркофага в Ростове. Крышки саркофагов в Кидекше не сохранились; погребения из них были вынуты в первой половине XX в., кем – неизвестно.

На западных столбах в процессе раскопок обнаружены остатки древних, первоначальных фресок, сделанных, судя по соотношению фресок и пола, сразу после строительства храма, то есть в середине XII в., а не во второй его половине, как считал Н.Н. Воронин. На них изображены пелены, имитированные расходящимися вертикальными полосами и волнообразными – горизонтальными.

1. Резная деталь в средней абсиде. Фото 2011 г.
2. Чертеж резной детали.
3. Саркофаг в северном аркосолии. Исследования 2011 г.
4. Фреска на юго-западном столбе и первоначальный пол. Фото 2011 г.
5. Деталь фрески с «полотенцем» на юго-западном столбе. Фото 2011 г.

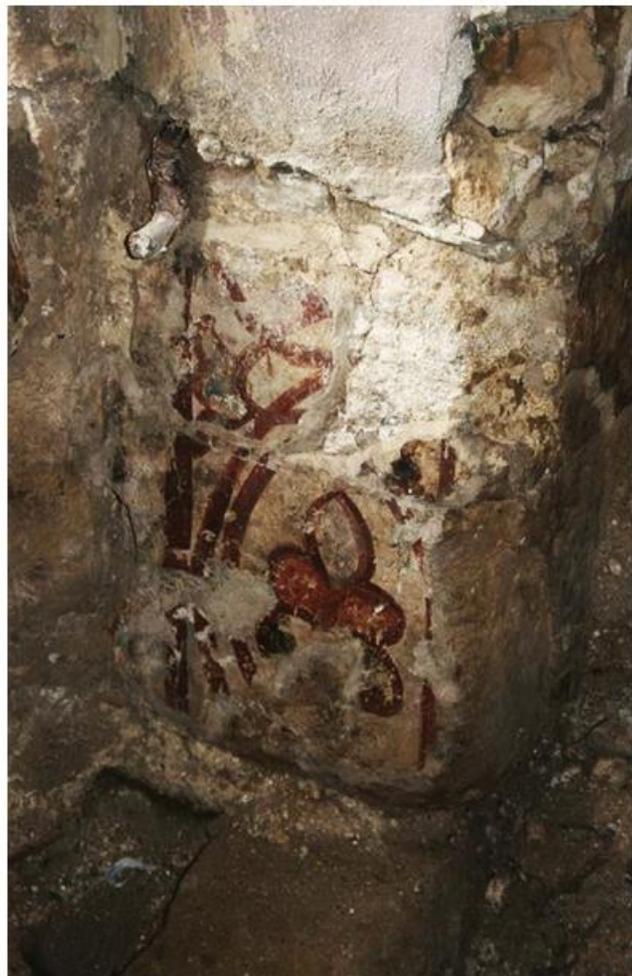
Раскопки в церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Расположение пелен не только в алтаре, но и на западных столбах очень нехарактерно для XII в.: пелены на столбах и в западной части храма стали распространены в XIV–XV вв.; до этого в этой зоне помещали мраморировки или, по-гречески, полилитии: имитацию убранства стен византийских храмов из пиленых и полированных мраморных плит с различным рисунком прожилок. На внутреннем откосе северного портала встречен также фрагмент фрески с растительным орнаментом.

Новые детали, открытые экспедицией 2011 г., существенно дополнили картину первоначального убранства храма.

В 2012 г. раскопки в интерьере церкви Бориса и Глеба в Кидекше были продолжены. Они проводились в боковых абсидах храма и вокруг престола в средней части алтаря. В северной боковой абсиде был обнаружен престол придельного храма, когда-то существовавшего в этом полукружии: невысокая белокаменная стенка с проемом для дверцы (первоначально этот полукруглый престол имел сверху дощатую или каменную крышку, ныне утраченную). Подобная форма престолов очень редка, зафиксировано несколько образцов в Ладогe (XII в.), а во Владимиро-Суздальской Руси это единственный пример. В южной боковой абсиде такого престола не было, здесь было обнаружено еще два резных фрагмента белого камня.

Был дополнительно изучен престол, причем было установлено, что он сделан одновременно с поднятием пола в алтарной части храма. Эта перестройка отнесена нами к началу XIII в. В это время пол в алтаре был поднят на 35 см, сооружен новый престол, синтрон, епископская скамья в средней абсиде, была устроена заново и расписана. Нижняя часть фресок середины XII века была срублена: они все равно скрывались под полом.

1. Орнамент на откосе северного портала. Фото 2011 г.
2. Раскопки в средней и северной боковой абсиде (жертвеннике). Фото 2012 г.;
3. Престол придела в северной боковой абсиде. Фото 2012 г.;
4. Раскопанная южная боковая абсида (дьяконник). Фото 2012 г.;
5. Древние фрески, открытые в южной боковой абсиде. Фото 2012 г.

На линии восточной пары столбов образовалась ступень, на которую нужно было подниматься, чтобы попасть в алтарь. В это же время алтарь в жертвеннике, возможно, первоначальный, был поднят выше, на уровень нового пола.

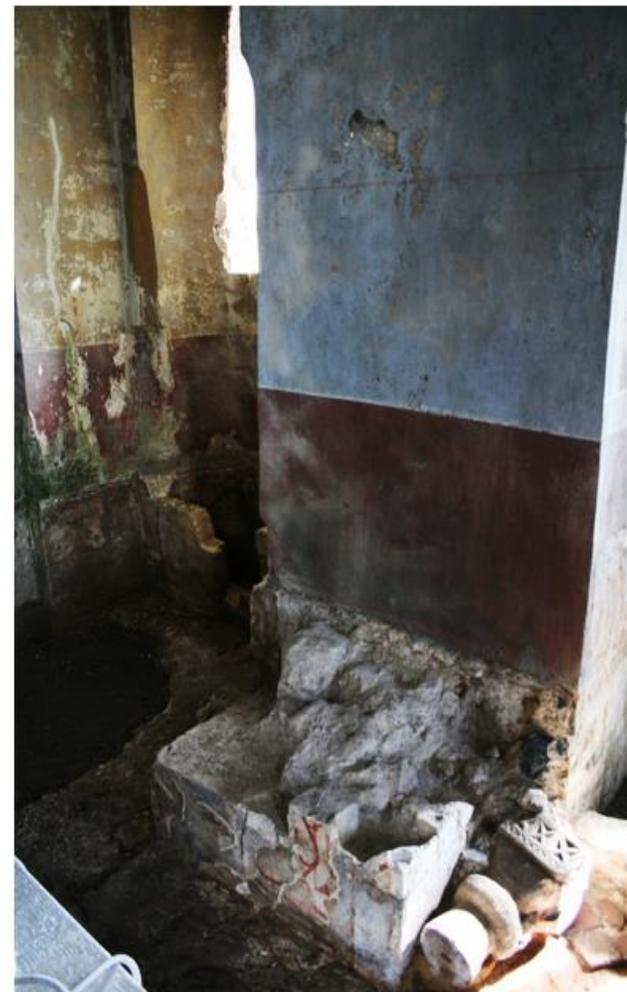
Помимо исследования перестройки храма в начале XIII в. были открыты и изучены скрытые под позднейшими полами остатки фресок в алтарных абсидах и на межалтарных стенках: здесь открыты рисованные занавеси, «полотенца», аналогичные тем, что были обнаружены на западных подкупольных столбах, но отличающиеся в деталях.

Изучение внутреннего пространства храма Бориса и Глеба в Кидекше закончено. В пространстве под вновь настеленным в уровне XVIII в. полом устроены каналы для воздухопроводов отопления. Омфалий в центре храма и фреска на юго-западном столбе экспонированы в специально оформленных и огороженных «окнах», углублениях в полу. А вот в восточной части, на всем пространстве алтаря, создано экспонированное пространство, в котором с некоторой высоты позднего пола можно наблюдать и синтрон, и основание главного престола, и престол в жертвеннике, и фрески в нижней части стен, и, наконец, резные белокаменные детали. Музеефикация – это очень удачное, но, к сожалению, редкое завершение архитектурно-археологических раскопок.

*Вед.н.с. Отдела славяно-русской археологии,
доктор искусствоведения, чл.-корр. РАН Вл.В. Седов*

Литература

1. ПСРЛ. Т.I. Л., 1926. Стлб. 349.
2. Беляев Д.Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн.I / Обзор главных частей Большого

1. Торце межалтарной стенки древнего храма с фресками. Фото 2012 г.
2. Экспонированные раскопы в храме. Фото 2012 г.
3. Экспонированный раскоп в средней абсиде. Видна резная деталь. Фото 2012 г.

Усыпальница князей Пожарских в Суздале

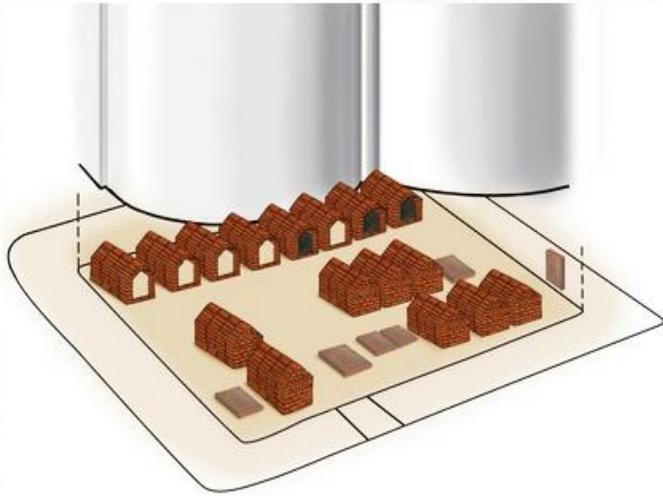

1. Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале, центральная часть. Распечатка по материалам лазерного сканирования, осуществленного по окончании археологических работ ИА РАН объединением ИНКОМ (г. Владимир).
2. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Совмещение контуров раскопов 1851 и 2008 гг. на основе плана В. Аляева (1851 г.); 3. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 год. План раскопа I; 4. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Раскоп I. Вид с юга на погребения и остатки памятника 1880-х гг.; 5. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Южная часть среднего ряда погребений после зачистки материка; вид с запада.
6. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Надпись на крышке саркофага князя Н.А. Хованского.; 7. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Детский белокаменный саркофаг, вытесанный из двух надгробий конца XVI – начала XVII вв.
8. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Саркофаг князя Ф.Д. Пожарского: фрагмент надписи на крышке; 9. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Погребения семьи Пожарских в восточном ряду усыпальницы, между фундаментами памятника 1860–1880-х гг. Вид с северо-запада. На первом плане часть склепа 14/2008, за ним, с юга на восток: саркофаг князя Ф.Д. Пожарского (в булыжном фундаменте памятника) – остатки женского погребения (мать или первая жена князя Д.М. Пожарского?) – саркофаг № 3/1851 (2/2008) (погребение князя М.Д. Пожарского?) – край склепа с женским погребением (вторая жена князя М.Д. Пожарского?); 10. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 год. Погребение князя М.Д. Пожарского (?) – саркофаг № 3/1851 (№ 2/2008), вид с юга.
11. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. Обмер фундамента памятника 1880-х гг. и погребений восточного ряда усыпальницы. Рабочий момент

Раскопки погребальной палатки князей Пожарских и Хованских в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре проведены в 2008 г. в связи с восстановлением памятника князю Д.М. Пожарскому, построенного в 1865–1885 гг. и разрушенного в 1933 г. Усыпальницу Пожарских исследовал в 1851–1852 гг. граф С.А. Уваров. В задачи новых раскопок входила идентификация погребений современными методами, изучение конструкций и погребального обряда.

Усыпальница примыкает с востока к абсиде южного придела собора Преображения. Могилы образуют в ней три строгих ряда. Западный состоит из тесно прижатых друг к другу кирпичных склепов с деревянными гробами внутри; над некоторыми из них сохранились основания под надгробницы. В среднем ряду открыт белокаменный антропоморфный гроб князя Никиты Андреевича Хованского с записью о его смерти († 1608 г.); восточный включал склепы и три белокаменных саркофага. Один, детский, сделан из двух надгробий первой половины XVII в. Крышка второго несет записку о смерти князя Федора Пожарского († 1632 г.), сына князя Дмитрия. Князь Д.М. Пожарский завещал похоронить себя в головах сына, но кирпичный склеп № 14, сохранившийся к западу от погребения князя Федора, саркофага не содержал. К северу от князя Федора погребена пожилая женщина – мать Федора, Прасковья Варфоломеевна († 2.09.1635 г. в Москве), или его бабушка, Евфросиния († 1640 г.). Склеп с погребением женщины 20-30 лет, предположительно второй жены князя Д.М. Пожарского, Ф.А. Голицыной († 1651 г.), замыкал восточный ряд.

Усыпальница князей Пожарских в Суздале

1. Погребальные сооружения в усыпальнице у Спасо-Преображенского собора: наземная часть. Реконструкция Л.А. Беляева и О.А. Вороновой (Тиховой); 2. Погребальные сооружения в усыпальнице у Спасо-Преображенского собора: подземная часть. Реконструкция Л.А. Беляева и О.А. Вороновой (Тиховой).
3. Саркофаг, склеп и надгробница погребения князя М.Д. Пожарского (?). Аксонометрический разрез. Реконструкция Л.П. Беляева, О.А. Вороновой (Тиховой) по описанию А.С. Уварова и обмерам 2008 г. Надгробная надпись врисована условно.
4. Усыпальница князей Пожарских и Хованских у Спасо-Преображенского собора. Схематическая реконструкция Л.А. Беляева и О.А. Вороновой (Тиховой).
5. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 год. Скульптурная реконструкция облика погребенного, выполненная А.В. Рассказовой на основе изучения черепа из погребения №35
7. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 год. Графическая реконструкция облика погребенного, выполненная А.В. Рассказовой на основе изучения черепа из погребения №58 в склепе 14/2008.
8. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 год. Раскоп II на уровне материка. Вид с северного борта.
9. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 год. Раскоп II. Надгробие (фрагмент) с орнаментом. Первая четверть XVI в.

Гробом князя Д.М. Пожарского († 1642 г.) граф А.С. Уваров счел третий, безымянный, саркофаг, который он вскрыл и подробно описал. Саркофаг стоял когда-то в кирпичном футляре со сводом, выходящим в уровень пола. Новые обмеры позволили реконструировать вид погребения и общий вид интерьера. Детали погребального обряда указывают на близость усыпальницы Пожарских к царскому некрополю Архангельского собора Кремля и кладбищу рода Романовых в Новоспасском монастыре, а также к практически синхронному ему некрополю князей Воротынских во Владимирской церкви Кирилло-Белозерского монастыря.

Антропологическая экспертиза останков 72 индивидов, связанных с усыпальницей, показала преобладание мужских над женскими – 61 и 32% соответственно, что ярко рисует гендерные предпочтения на кладбищах монастырей; 7% захоронений принадлежит детям. Вне усыпальницы соотношение еще разительнее: среди 94 костяков открытого кладбища детских нет – младенцев, вероятно, предпочитали хоронить в женских обителях; мужских 84%, женских 16%. Семейный характер усыпальницы смягчил соотношение мужских и женских погребений; он объясняет и присутствие детей. Средний возраст погребенных в усыпальнице высокий: мужчины – 41 год, женщины – 35 лет. Выделяются останки воинов-всадников; монашеские могилы в усыпальнице (в отличие от кладбища) не фиксируются, хотя известно, что некоторые из погребенных приняли обеты.

Исследования усыпальницы стоят в ряду работ, на основе которых строится археология Смуты: раскопки Казанского собора в Москве, коллекции Тушинского лагеря и др. Они имеют особое общественное звучание в связи с установлением главного государственного праздника Российской Федерации, Дня народного единства, отмечаемого 4 ноября. Праздник берет начало от событий освободительной войны 1612 г. и неразрывно связан с именем ее героя – князя Дмитрия Пожарского. Научные исследования способствуют прославлению исторических событий, обеспечивших национальную независимость России.

По завершении раскопок памятник Д.М. Пожарскому восстановлен и торжественно открыт 4 ноября 2009 г. в присутствии Президента РФ.

Заведующий сектором археологии г. Москвы, гл. редактор журнала "Российская археология", д.и.н. Л.А. Беляев

Основная литература и предварительные публикации:

Уваров А.С. Работы по разысканию могилы Кн. Дм. Мих. Пожарского // А.С. Уваров. Сборник мелких трудов. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910;

Беляев Л.А. О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского: эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С.162-165;

Он же, Усыпальница князей Хованских и Пожарских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре: новый этап

Преосвященный Евлогий, архиепископ Владимирский и Суздальский, служит панихиду над остатками усыпальницы князя Д.М. Пожарского. 14.07.2008 г.

Городище Старая Рязань

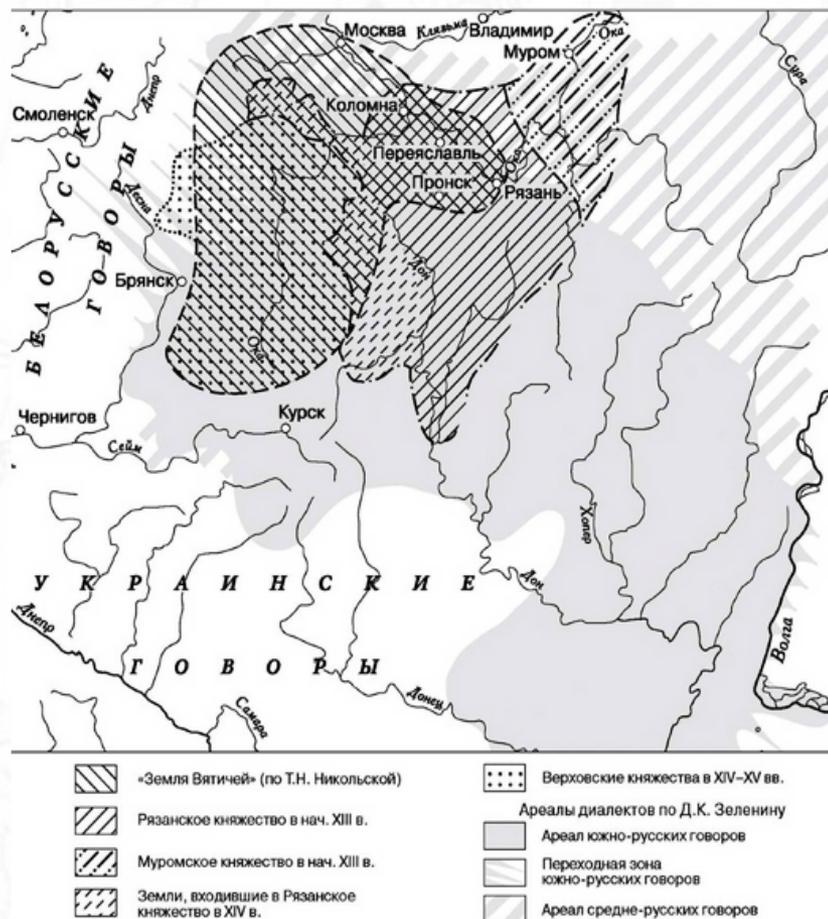
Городище Старая Рязань расположено в 50 км к юго-востоку от современной Рязани (средне-векового Переяславля Рязанского). Первоначально именно оно носило старинное название Рязань, официально присвоенное новому губернскому городу лишь при Екатерине II.

Сейчас этот памятник представляет собой большое поле площадью более 67 га, практически свободное от современной застройки и окруженное двумя линиями грандиозных валов, сохранившихся более чем на 2 км и окружающих древнейшее ядро города, Северное городище, и город эпохи расцвета, Южное городище. Старая Рязань предстает перед нами как классический «мертвый город», и это обстоятельство исключительно благоприятно для его археологического изучения.

Имя города первым приходит на память, когда речь заходит о монгольском нашествии в первой половине XIII столетия, ставшем национальной трагедией средневековой Руси. Легендарный Китеж на дне озера Светлояр – не более чем фантом исторической памяти, тогда как народная память о Старой Рязани – память подлинная, дошедшая до нас в разных свидетельствах.

В сохранившихся сказаниях о взятии Старой Рязани повествуется, как мученически погиб в ставке Батыя рязанский князь Федор Юрьевич, а его жена Евпраксия, узнав об этом, бросилась с малолетним сыном с высокого терема («заразися»), после чего место события получило название «Заразск» (совр. Зарайск).

1. Вид городища с севера. Снимок сделан с парашюта. На переднем плане – Преображенская церковь современного села и археологический лагерь около нее. Далее – Северный мыс, Северное и Южное городища Старой Рязани.
2. План Старорязанского городища с указанием мест раскопок. К настоящему времени исследовано не более 6% площади городища.
3. Молебен на городище в память павших защитников города. Декабрь 1995 г.

Старая Рязань и Рязанская земля играли главную роль в формировании южнорусской ветви великорусской народности. Это отражено в почти полном совпадении ядра формирования этого населения с территорией «земли вятичей» и Рязанского княжества

Пятидневная осада столицы княжества, окончившаяся ее полным разорением, описана в «Повести о нашествии Батыя на Рязань». Есть в ней и рассказ об остатке рязанского воинства, который атаковал неприятеля под предводительством Евпатия Коловрата уже во владимирских пределах.

Еще одна поэтическая легенда рассказывает о простой женщине, Авдотье Рязаночке, вернувшейся в опустевший город и отправившейся в дальний путь просить захватчиков отпустить пленников. Находчивый ответ Авдотьи оказался спасительным – по преданию, все пленники были освобождены.

В результате нашествия Батыя в 1237 г. Старая Рязань, бывшая первым стольным городом, взятым монголами и назиданием для всех, кто осмелится сопротивляться завоевателям, перестала существовать как крупный город.

Но проблема исторической роли Старой Рязани в общерусском контексте не ограничивается ее трагической ролью в эпоху монгольских завоеваний. Старая Рязань сыграла исключительную роль в становлении государственности на юго-восточной окраине Руси, была важнейшим элементом оборонительных макроструктур, сыграла ведущую роль в формировании и распространении южновеликорусского населения.

1-2. Клад ювелирных украшений, найденный в 2005 г. От грабителей его убергло то, что он залегал слишком глубоко, где металлоискатель малоэффективен. Клад лежал компактным скоплением. По-видимому, он был спрятан в кожаной сумке, фрагменты которой сохранились. Перед нами полный комплект вещей, который был положен сюда в 1237 г.

Старая Рязань – это и эталонный пример древнерусского столичного города. Памятник просуществовал как процветающий крупный город менее столетия – с середины XII в. по 1237 г. «Чистая» картина столичного города домонгольской Руси ни в каком другом месте не читается с такой ясностью.

Старая Рязань оказалась первым средневековым русским городом, где еще в 1822 г. были проведены археологические раскопки. Именно в этом году на городище был найден первый (и самый богатый) из старорязанских кладов, который хранится теперь в Оружейной палате Московского Кремля.

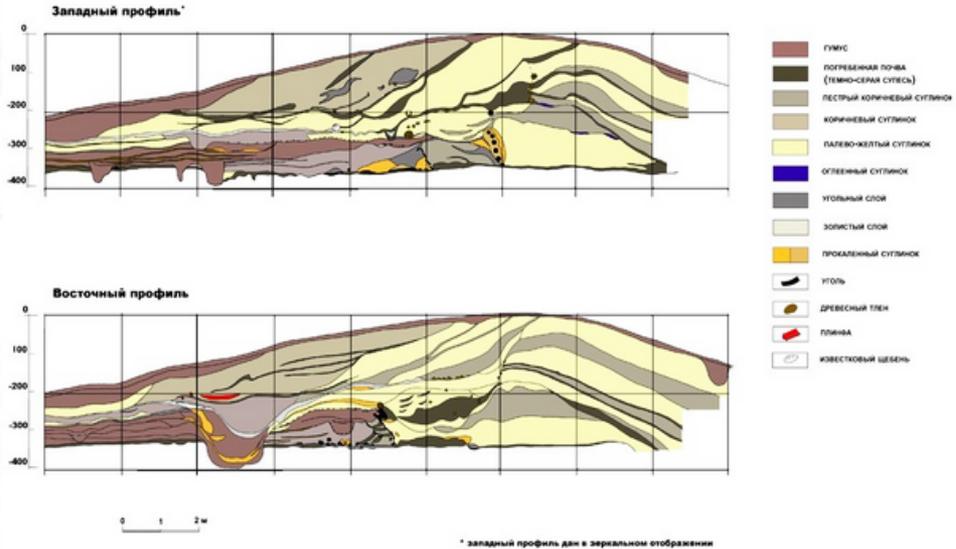
Подобные клады, отразившие масштаб нашествия 1237 г., открыты во многих древнерусских городах – Киеве, Чернигове, Владимире, даже в сравнительно небольших городах того времени – в Твери и Москве. Старая Рязань занимает по количеству найденных кладов второе место после Киева – здесь их известно не менее шестнадцати. Последний из них, и единственный сохранившийся полностью, в том виде, в котором был спрятан, найден в 2005 г. в подбье стенки погребца жилища начала XIII в.

После первых раскопок исследователи не раз возвращались в Старую Рязань. В 1926 г. на городище проводил работы один из основателей российской научной археологии В.А. Городцов.

В состав клада 2005 г. входят украшения, связанные с головным убором и ожерелье из девяти крупных серебряных бусин с зернью, три круглых медальона, украшенные гравировкой и чернью, и две подвески с растительными мотивами. На медальонах изображены процветшие кресты. Самый крупный из медальонов, несомненно, был сделан главным мастером. Его превосходство над другими отразилось в том, что только он украшен еще и позолотой. Мастер выразительно изображает птиц по сторонам креста и растительные побеги. Мелкие детали (например, лапы птиц) отмечены артистической небрежностью. В кладах, найденных в Старой Рязани в разные годы (в 1966 и 1970 гг.), имеются ювелирные изделия, отмеченные признаками индивидуального почерка того же мастера. В 2010 г. на Северном городище был найден серебряный перстень с гравировкой, мотивом птицы, отмеченной теми же признаками. Речь идет и о трактовке изобразительных мотивов, и о мелких технических приемах

Разрез вала Северного городища Старой Рязани (раскоп 24)

1. Разрез вала Северного городища. Стратиграфия разреза содержит как несколько горизонтов строительства оборонительных конструкций, так и культурные напластования между ними, что позволило довольно надежно датировать строительные периоды.
2. Разрез вала Южного городища. В настоящее время это один из самых больших и лучших по сохранности конструкций образцов древнерусского фортификационного искусства.

Здесь важный прорыв был осуществлен в 1994–2005 гг. благодаря масштабным работам по изучению разреза вала и прилегающих участков Северного городища протяженностью 44 м.

Впоследствии (в 2005–2010 гг.) экспедиция обратилась также к изучению валов позднейшего, Южного городища, которые исследовались и ранее. В 2010–2011 гг. новые исследования валов Северного городища были проведены вдоль фронта крупного оползня, разрушающего памятник.

На этом основании была разработана шкала хронологии массового керамического материала XI–XIV вв., позволившая уточнить динамику развития города и его укреплений.

Древнейшие «догородские» слои XI в. зафиксированы под первыми укреплениями и (в более представительном объеме) на северной оконечности городского посада, которая и была, вероятно, древнейшим ядром раннего города.

Анализ керамики приводит и к другому выводу: после Батыева погрома город продолжал существовать до второй половины XIV столетия, хотя жилая застройка и материалы этого времени распространены на ограниченной территории, преимущественно на Южном городище.

Специальный анализ оборонительных сооружений Старой Рязани позволил определить особенности фортификационных конструкций и динамику их развития.

Стены Северного городища перестраивались, по крайней мере, трижды в течение конца XI–XII вв. При этом получены свидетельства, что на рубеже XI–XII вв. город не имел укреплений: жилая застройка этого времени распространялась на участки древнейших стен. В начале XIII в., после разгрома Старой Рязани Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо, оборонительный комплекс Северного городища не был восстановлен в должном объеме и, возможно, ограничивался лишь легкими конструкциями. Четыре этапа (на протяжении второй половины XII – начала XIII вв.) выделено и в развитии оборонительных сооружений Южного городища. Последний этап несет следы мощного пожара – свидетельства событий зимы 1237 г.

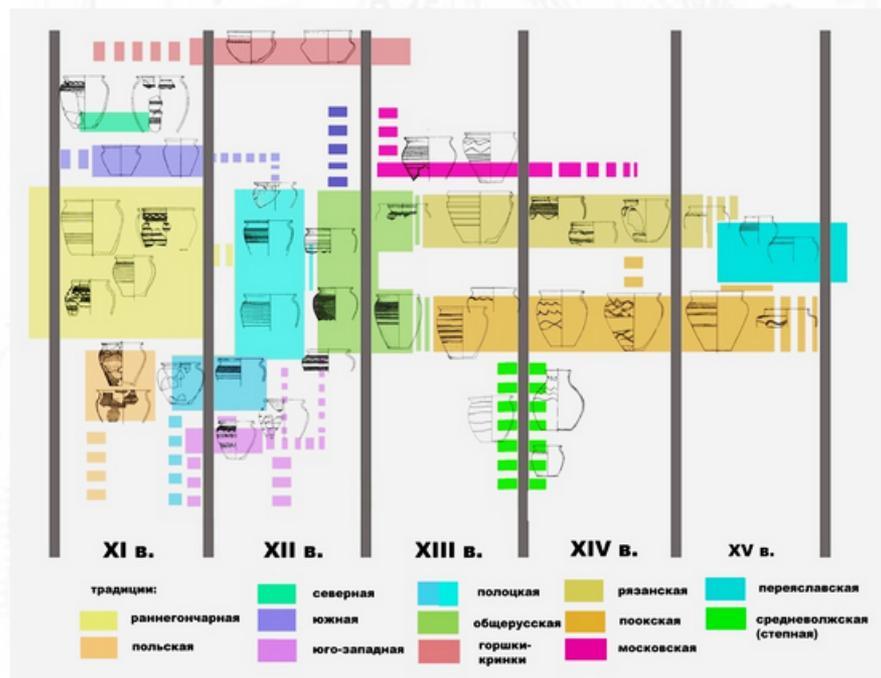
В основе конструкции городских стен всех этапов лежала система деревянных городень, засыпанных землей и снабженных линиями внутренних незабутованных срубов. Лишь на последнем этапе отмечены изменения: на смену линии отдельных срубов-городень пришли связанные воедино тарасы, сгоревшие в 1237 г., появление которых в русской фортификации ранее связывалось с более поздним временем.

Специальный анализ гончарной продукции позволил приблизиться к решению вопроса о процессе и механизме формирования населения города. Высказанная ранее (на основе анализа погребального инвентаря могильника XI – начала XII вв.) гипотеза о сложном составе населения раннего города, в котором присутствовали выходцы из разных областей Древней Руси, нашла подтверждение в анализе гончарных традиций.

1-3. Остатки деревянных тарас, забутованных земель, последнего строительного горизонта оборонительных стен Южного городища. Они сгорели при штурме города в декабре 1237 г. От внешней стены срубов сохранились лишь следы прокаленного грунта (1), внутренняя – рухнула при пожаре и была погребена осыпью забутовки (2,3).

4. Городни нижнего горизонта стен Южного городища истлели и сохранились лишь в виде отпечатков бревен в плотном грунте забутовки.

5-6. Следы сгоревших городень, забутованных земель, первого строительного горизонта стен Северного городища

В них отразились несколько импульсов переселений, преимущественно из южных и западных областей Древней Руси.

Исследование топографии древнего города опиралось на стратегию продолжения раскопок большими площадями. Соединение ранее исследованных раскопок в единые участки, что при минимальных затратах давало максимальный эффект, привело в том числе и к неожиданным результатам: даже в наиболее плотно заселенной прибрежной части городища были открыты участки без следов жилой застройки, которые, вероятно, представляли собой периферии городских усадеб.

Обращение к изучению участков городища, оставшихся «белым пятном» на его плане, также дало интересные результаты. В частности, в юго-восточной части Южного городища, ранее считавшейся слабоосвоенной вплоть до начала XIII в., была открыта плотная уличная застройка с жилыми усадьбами и городским кладбищем, где найдены в том числе и неординарные находки. На территории неукрепленного посада также были выявлены богатые усадьбы и, кроме того, открыты весьма перспективные для исследований участки с «влажным» культурным слоем, обеспечивающим хорошую сохранность органики, в том числе деревянных конструкций построек изделий из органических материалов.

1. Схема развития гончарных традиций Старой Рязани показывает сложный состав населения города, особенно в начальный период его существования.
- 2-3. Следы ювелирного производства на Северном городище: фрагменты каменных литейных форм (2) и матрицы для штамповки украшений (3). Каменные формочки несут следы вторичного использования: из них были изготовлены каменные иконки.
4. Находки ювелирных предметов на Южном городище (чаша, колт, фрагменты рясен)

Деревянные сооружения
верхнего горизонта
усадьбы
(конец XII - начало XIII вв.)

сруб хозяйственной
постройки

часткоп

часткоп

янтарь

1. Находки из раскопа 27 с «влажным культурным слоем»: фрагмент берестяной грамоты (прорисовка), каменная пластинка с именем хана, игрушка-коник из коры дуба (вверху). В раскопе сохранились и остатки деревянных построек хозяйственного назначения.

2-3. Остатки кирпичеобжигательной печи XVIII века на посаде Старой Рязани, близ Преображенской церкви. Вид с севера (2) и запада (3).

4. Борисоглебский собор Старой Рязани: план исследованных в 1999-2004 гг. участков (слева вверху), склепы и погребения в стенах северного придела (справа внизу). Среди находок – фрагменты витражного стекла с русской надписью, фрагменты оклада иконы (справа вверху), ювелирные украшения (слева внизу)

Здесь была найдена первая в Старой Рязани берестяная грамота, каменная пластинка с именем ордынского хана, следы ремесленного производства, в том числе многочисленные фрагменты янтаря.

Раскопки на Старой Рязани нередко приводят к неожиданным находкам. Так, в 2011 г. на территории посада были обнаружены неплохо сохранившиеся остатки кирпичеобжигательного завода 40-х гг. XVIII в., на котором изготавливали кирпичи для строительства расположенной рядом сельской Преображенской церкви того же времени.

В 1999–2004 гг. проводились значительные исследования руин Борисоглебского собора XII–XIII вв. (раскопками руководил Л.А. Беляев). Этот собор изучался в прошлом, но северный придел храма оставался не раскопанным; здание реконструировалось как симметричное в плане. Новые работы показали, что северный придел, в отличие от южного, имел абсиду (собор был, таким образом, асимметричным). Северный придел был заполнен каменными склепами (вероятно, это была княжеская усыпальница). Все они ограблены, но в их заполнении обнаружены исключительно интересные находки: (фрагмент серебряного тисненого оклада иконы, осколки витражного стекла с русской надписью).

Исследования топографии города включило в себя и разработку новых методов археологического поиска.

Деревянные сооружения
верхнего горизонта
усадьбы
(конец XII - начало XIII вв.)

сруб хозяйственной
постройки

настил

частокол

янтарь

Находки из раскопа 27
с «влажным культурным слоем»:

- фрагмент берестяной грамоты (прорисовка),
- каменная пластинка с именем хана,
- игрушка-коник из коры дуба (вверху).

В раскопе сохранились и остатки
деревянных построек
хозяйственного назначения.

ФОТО. 1

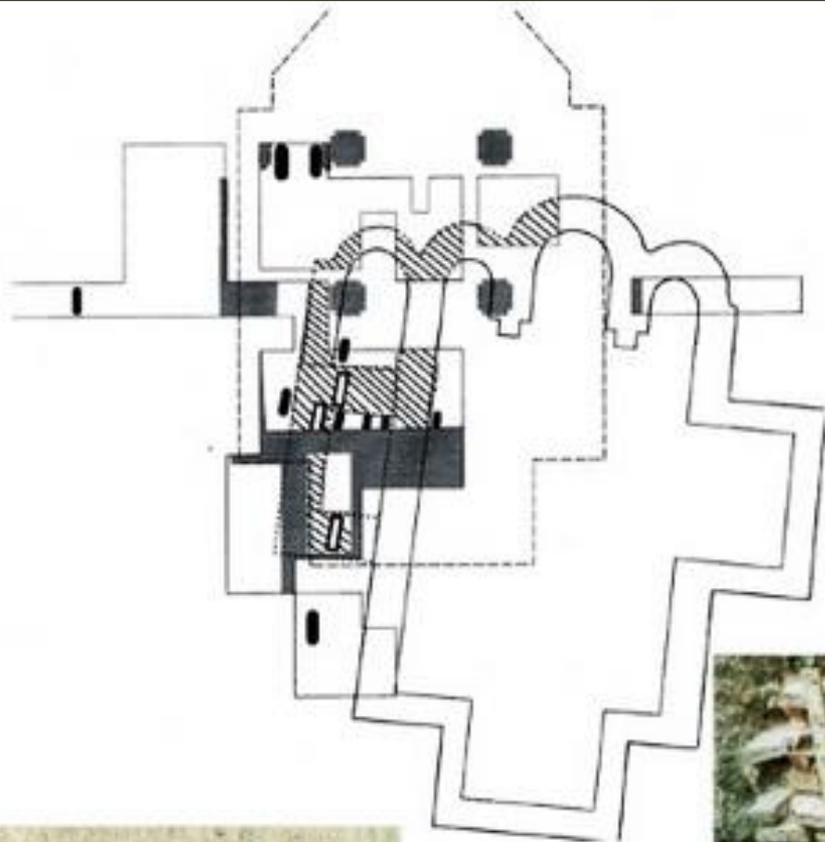

ФОТО. 2

Остатки
кирпичеобжигательной печи
XVIII века на посаде
Старой Рязани, близ
Преображенской церкви.

Вид с севера (1) и запада (2).

Борисоглебский собор Старой Рязани:
план исследованных в 1999-2004 гг. участков (слева
вверху), склепы и погребения в стенах северного придела
(справа внизу). Среди находок – фрагменты витражного
стекла с русской надписью, фрагменты оклада иконы
(справа сверху), ювелирные украшения (слева внизу)

1-2. Новые методы археологического поиска с применением георадара.

3-4. Применение георадара позволило оконтурить фундаментные рвы Успенского собора Рязани (3), фрагмент которых был исследован традиционными методами (4).

5-6. Геофизические методы дают наилучший результат при обнаружении следов отопительных устройств. На фото – остатки постройки с рухнувшей в подпол печью, открытой при использовании георадара и исследованной археологически

В сотрудничестве со специалистами геологического факультета МГУ А.А. Ключко и Д.Л. Шишковым в течение нескольких сезонов проводились комплексные геофизические исследования культурного слоя городища с целью апробации оригинальной методики малоглубинных геофизических исследований археологических и историко-культурных объектов с использованием георадара. Конкретным результатом этих работ стало определение точного местоположения фундаментов Успенского собора, а также ряда перспективных участков раскопок.

Помимо изучения собственно городища проводились систематические исследования поселенческих структур ближайшей округи города, выявившие широкую сеть небольших сельских поселений, служивших продовольственной базой для Старой Рязани.

При всей значимости описанных выше больших и малых открытий, необходимо иметь в виду, что даже на укрепленной части Старой Рязани раскопано всего 6% площади. Следовательно, наши представления об этом памятнике недостаточно достоверны даже в чисто статистическом плане. Полное исследование памятника при сохранении его теперешних темпов, потребует нескольких столетий.

К сожалению, недостаточное внимание к уникальному памятнику неизбежно влечет за собой негативные последствия. Некоторые из них связаны с неблагоприятными природными факторами, иные – с антропогенными воздействиями.

1-3. Оползни северо-восточного края площадки Северного городища, сошедшие в 2005-2007 гг.

4-5. Клад 2002 г., найденный в ходе незаконных раскопок. Клад был изъят сотрудниками ФСБ и передан в Рязанский музей. Значительная часть информации о кладе, в частности, о точном месте его находки, была утрачена

Среди них – разрушение памятника оврагами и оползнями (в последние годы эти процессы приобрели значительные масштабы). Как показали исследования специалистов естественно-географического факультета Рязанского Государственного университета под руководством В.А. Ускова и А.В. Водорезова, проводившиеся в рамках специального проекта, ежегодно разрушаются площади, большие чем те, которые успевают исследовать археологи. Мониторинг деструктивных природных процессов позволил определить зоны, наиболее подверженные разрушению, и составить на этой основе стратегию охранных работ на территории памятника.

Пока не удается остановить любителей незаконных раскопок, хотя памятник находится под государственной охраной. В качестве примера можно упомянуть историю клада 2002 г., найденного в ходе незаконных кладоискательских работ, но изъятого органами правопорядка.

Мало используется Старорязанское городище и в плане туристско-экскурсионной деятельности. Существующий проект музеефикации памятника остается на бумаге и, к тому же сильно устарел.

Старая Рязань – исключительно важный и перспективный памятник отечественной старины. Его изучение и обеспечение сохранности настоятельно требуют усилий новых поколений ученых и всех, для кого дорога историческая память.

*Заведующий отделом славяно-русской археологии,
д.и.н. А.В. Чернецов*

н.с. Отдела славяно-русской археологии, к.и.н. И.Ю. Стрикалов

Основная литература

Научная:

Монгайт А.Л. Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М., 2005.

Диссертации:

Стрикалов И.Ю. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Автореф. канд. дисс. М., 2006.

Милованов С.И. Торговля Рязанской земли в XI – 2-й половине XV вв. (по археологическим и нумизматическим данным). Автореф. канд. дисс. М., 2011.

Научно-популярная:

Монгайт А.Л. Раскопки Старой Рязани // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С.289-320.

Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Записки археолога. М., 1993.

Чернецов А.В. Шестнадцатый клад из Старой Рязани // Природа, 2006, №6. С.58-66.

Старая Рязань – стольный город Древней Руси. Текст Е.В. Буланкина. Рязань, 2007. (3-е изд.)

Чернецов А.В. Раны Старой Рязани // Природа, 2009. №12. С.71-76.

Chernetsov A.V. Staraya Ryazan – Major Capital City of Medieval Russia: standard or exclusive model? // 3rd International Conference of Medieval and Later Archaeology. Centre. Region. Periphery. Medieval Europe. Basel 2002. Hertingen, 2002. V.3.

Dähne B. Staraja Rjazan'. Die Geschichte des Zentrums des Fürstentums Rjazan' bis zum Mongoleneinfall 1237 anhand archäologischer Quellen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 2007. Bd.55. H.3. S.321-330.

An aerial photograph of a rural landscape. In the foreground, there are green agricultural fields with visible furrows. A dense forest with trees in various shades of green and yellow occupies the middle ground. A wide, calm river flows horizontally across the upper half of the image, reflecting the sky. In the background, there are rolling green hills under a clear sky.

Ростиславль- Рязанский

1. Вид на городище с востока.
2. Рабочий момент на раскопе.
3. Кремневый наконечник стрелы.
4. Каменный топор эпохи бронзы

Ростиславль-Рязанский – один из немногих древнерусских городов, дата основания которого сохранена летописями. Под 6661 г. от сотворения мира (1153 г. РХ) в Никоновской летописи записано: «*Князь Ростислав Ярославич Рязанский созда во имя свое град Ростиславль у Оки реки*». Этот князь оставил по себе память, как не слишком удачливый, но упорный противник могущественного Владимиро-Суздальского князя Юрия Долгорукого, основателя Москвы. В настоящее время Ростиславль – это заросшее лесом городище с прекрасно сохранившимися валами, размещающееся в живописной местности на правом берегу р. Оки, рядом с подмосковным райцентром городом Озеры (в 150 км к югу от Москвы). С археологической точки зрения это типичный «малый город» средневековой Руси, площадь которого, вместе с посадами, даже в периоды расцвета вряд ли превышала 10 гектар.

Археологическое изучение памятника проводится с 1991 г., с 1994 г. здесь ведутся планомерные раскопки широкой площадью (к настоящему времени изучено более 3000 кв. м) с применением всех современных естественно-научных методов. В результате этих работ удалось установить, что на площадке будущего города еще в эпоху финального палеолита (10–13 тыс. лет назад) существовала одна или несколько стоянок с характерным инвентарем типа Лингби – Аренсбург, изученные А.В. Трусовым. В эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) площадка городища также иногда обживалась, о чем свидетельствуют находки каменных сверленных боевых топоров и керамики примокшанской культуры (судя по ним, здесь располагалось самое крайнее северо-западное поселение в ареале этой культуры).

1. Оружие с зооморфным навершием раннего железного века.
2. Дьяковская привеска.
3. Дьяковское украшение.
4. Обломок куфического дирхема из слоя славянского поселения X–XI вв.

Однако в эпоху бронзы поселение было небольшим и недолговременным, оно не оставило культурного слоя. Стационарное поселение (городище) появилось здесь только в эпоху раннего железа. Городище было защищено на начальном этапе своего существования частоколом, а затем – валом, в насыпи которого прочитывается не менее 10 последовательных этапов его насыпки, продолжавшихся с IV–III по I вв. до н.э. При каждой новой досыпке ров расширялся в напольную сторону, а вал рос вверх и вширь, но он постоянно осыпался в ров. В результате за 200-300 лет постоянной работы было воздвигнуто грандиозное сооружение высотой 6 м. Полная прорезка столь крупного сооружения проведена впервые в России. На самой площадке дьяковского городища (размерами всего 50 x 30 м) изучены несколько сменявших друг друга жилых построек, так называемых «длинных домов», с очагами внутри и культурным слоем мощностью более полуметра. Жизнь на этом городище продолжалась и позднее – до V в. н.э., когда оно погребло в огне пожара. Позже место было заброшено и не заселялось по меньшей мере 400 лет.

Первое славянское, еще неукрепленное, поселение появилось здесь в X в., однако просуществовало оно не более полувека. Потом люди ушли отсюда и вернулись только 100 лет спустя – в середине XII в. (в полном соответствии с данными летописи) на этом месте был построен город, защищенный древо-земляной стеной, руины которой имеют сегодня вид вала высотой до 4 м.

Крест-тельник

Эта стена перестраивалась 3 раза, еще больше перестроек происходило на городских усадьбах (за время раскопок изучены более 500 заглубленных в материк объектов, в том числе остатки более 100 жилых и хозяйственных построек, усадьбы священнослужителя, аристократии и рядовых горожан). В центре города размещалась деревянная церковь, окруженная кладбищем XII–XVII вв., которое на значительной площади уже изучено (около 300 погребений). Наряду с типичными христианскими безынвентарными погребениями здесь были найдены захоронения второй половины XII в., содержавшие различные украшения – воротники, украшенные серебряными дробницами (тисненными пластинками с рельефным узором) и золототкаными шелковыми тесьмами византийского производства, ожерелье из стеклянных бус (бисера) с крестом-тельником. Интересно захоронение мужчины с каменным крестом-тельником, относящееся, вероятно, к более позднему времени. Начато антропологическое изучение останков жителей древнего Ростиславля, которое, возможно, прольет свет на историю его заселения. Пока, до завершения этого исследования, эта история представляется так: к середине XII в. В Среднее Поочье переселилось значительное по численности население из районов Днепровского Левобережья (с территорий Черниговского и Переяславльского княжеств), принесших сюда свои традиции домостроительства (с небольшими подпольями и жилым этажом на уровне поверхности земли, с глинобитными печами для отопления домов) и гончарства (производство керамики из светложгущихся глин, без грубых примесей в тесте).

Раскопки Ростиславля дали обширную и крайне важную коллекцию вещевых находок и более 100 древних горшков (это одна из самых крупных коллекций русских средневековых сосудов на территории Восточной Европы), относящихся к периоду от середины XII в. до конца XVI в. Главным отличием Ростиславля от крупнейших городских центров Руси (например, от столицы Рязанского княжества Старой Рязани) является отсутствие на нем находок дорогих (статусных) украшений княжеско-боярского убора – серебряных колтов, медальонов (так называемых «барм»), рясен и т.п. На полностью вскрытой центральной части города не найдено ни одного подобного предмета. Никогда не существовало здесь каменных или кирпичных построек, что также показывает в целом невысокий уровень богатства этого города. В то же время, на Ростиславле обнаружены уникальные изделия, которые не известны пока в столичных центрах Юго-Восточной Руси. Прежде всего, речь идет об эпиграфических памятниках, довольно редких на Руси.

Первым из таких памятников стал обломок белокаменного креста с надписью, которая по палеографическим особенностям относится к домонгольской эпохе. Надпись на кресте гласила, что он был поставлен человеком по имени Комлята в память по своей матери. Имя Комлята не известно по иным источникам, так что Ростиславльский крест стал первым, на котором это имя упомянуто.

Вторым уникальным памятником древнерусской народной эпиграфики стала надпись, прочерченная книжным кириллическим шрифтом по сырой поверхности горшка древнерусским гончаром.

1. Древнерусский горшок.
2. Обломок каменного креста с надписью.
3. Прорисовка надписи на обломке каменного креста

1. Древнерусский горшок с надписью.
2. Иранская люстровая чаша

Сохранилась только часть горшка, поэтому надпись нельзя прочесть целиком, однако сохранился значительный ее фрагмент со следующим текстом: «[д]ал гороноц Юрию, а кто возме а да и...». Надпись отмечала следующее событие – некто дал (т.е. подарил) гороноц (горшок) человеку по имени Юрий и угрожал вору (а кто возьмет) каким-то проклятием. По данными палеографии (согласно определению д.и.н. А.А. Мединцевой) надпись датируется XIII в., сами черепки были найдены в культурном слое первой половины XIII в., горшок, на котором была сделана надпись может быть датирован концом XII – первой половиной XIII в. Следовательно, все признаки указывают на возможную дату создания надписи не позже первой половины XIII в.

Не менее редкой находкой является развал иранской кашинной чаши с росписью люстром и полихромной (синей и бирюзовой) росписью. Такая керамика изготавливалась в Иране после монгольского завоевания, причем она относилась к наиболее дорогой разновидности парадной столовой посуды. На ростиславльской чаше видны надписи (стилизованное персидские стихи, написанные арабским шрифтом) и изображения ланей. Чаша из Ростиславля – единственный образец иранской керамики описанного типа, сохранившийся почти целиком, известный на территории Восточной Европы. Даже в золотоордынских городах Поволжья пока не найдено подобной по степени сохранности иранской чаши, что говорит о редкости такой керамики, ее высокой стоимости и статусном характере.

Таким образом, на Ростиславле в эпоху средневековья проживало различное по богатству и знатности население, в том числе самый верхний эшелон аристократии. Существование известного по летописным данным Ростиславльского удельного княжения свидетельствует о том, что, по меньшей мере, в XIII–XIV вв. в городе проживал князь из рязанской ветви Рюриковичей, его бояре и часть дружины. Вероятно, значительную часть населения города составляли свободные люди (купцы, ремесленники, члены их семей). Таким образом, по составу населения Ростиславль не отличался от более крупных (в том числе столичных) городов Руси.

Исследования на Ростиславле позволили составить представление о материальной культуре, планировке и застройке типичного «малого города» средневековой Руси, центра мелкого удельного княжества, просуществовавшего до начала XVII в., когда этот город был стерт с лица земли бурными событиями «смутного времени». Правда, полученное представление пока еще весьма приблизительно: хотя исследована уже значительная часть городской территории (более 10%), ее все же недостаточно для адекватного понимания даже такого важного вопроса, как структура расселения в городе. До сих пор не выявлено размещение княжеского двора, не определено, имелись ли в городе отдельные районы, заселенные ремесленниками, или дворы аристократии (бояр и воинов-дружинников) перемежались с усадьбами свободных жителей города, занимавшихся торговлей и ремеслами и не связанных с военной службой. Еще больше вопросов остается к более ранним периодам заселения Ростиславля, особенно к эпохе раннего железа, когда здесь располагалось городище дьяковской культуры.

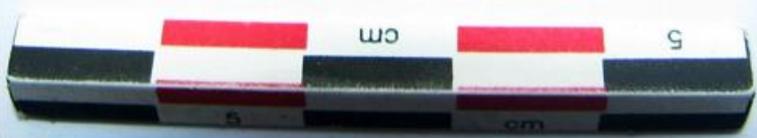

1. Украшения древнерусского времени
2. Наконечник стрелы; 3. Писало; 4. Фибула
5. Раскопки древней улицы
6. Костяной гребень

При всем этом раскопки Ростиславля дали уже очень много российской исторической науке: на материалах этих раскопок разработана классификация керамики Рязанской земли и новая система статистики керамического материала, получены уникальные данные о грамотности древнерусского населения, установлено не известное ранее славянское имя (Комлята). И это только самые яркие результаты археологических работ.

К сожалению, городище находится под прицелом пристального интереса кладоискателей, которые используют металлодетекторы и тяжелую строительную технику для поиска древностей, чем наносят непоправимый ущерб сохранности уникального памятника русской истории. Недавно к этим грабителям присоединились и хозяйствующие субъекты: в 2011 г. местная агрофирма «Сосновка» при прокладке труб для поливной системы прокопала траншею, прорезавшую культурный слой на посаде Ростиславля. Были разрушены две крупные заглубленные постройки и уничтожено еще несколько не столь значительных объектов, историческое значение которых бесценно. Несмотря на обращения руководства экспедиции в органы охраны памятников, виновные в этом акте вандализма так и не понесли никакого наказания.

Н.с. Отдела славяно-русской археологии, к.и.н. В.Ю. Коваль

1. Крест-курсунчик.
2. Привеска.
3. Варган.
4. Канавы, разрушившая склон

Раскопки курганного могильника «Новоселки-2»

К концу XX в. масштабы раскопок древнерусских курганных могильников резко сократились, что было связано как с переносом основного внимания археологов на изучение поселений, так и с тем, что значительная часть курганов была уже исследована, а оставшаяся в значительной части оказалась разрушена кладоискателями. Курганная группа Новоселки-2 в Химкинском районе Московской области (на берегу р. Клязьма) составляла редчайшее исключение из этого печального правила, поскольку в ней из 20 курганов непо потревоженными сохранились 18. Причиной тому стало размещение этого могильника в непосредственной близости к взлетно-посадочной полосе аэропорта Шереметьево, т.е. в особо охраняемой зоне, куда кладоискатели проникать практически не пытались. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что курганная группа, известная еще с XIX в. и обследованная в 1930-х гг. экспедицией О.Н. Бадера, впоследствии считалась уничтоженной дачным строительством.

В 2008 г., в связи с разработкой проекта новой автотрассы «Москва-Санкт-Петербург» могильник был вновь «найден» и здесь были проведены охранные раскопки, в результате которых он был исследован полностью. В ходе работ рядом с ним было также обнаружено не известное ранее поселение древнерусской эпохи, жителям которого, очевидно, и принадлежали захоронения в курганном могильнике.

Курган до начала работ

1. Общий вид раскопа на могильнике Новоселки 2. Современное представление о методике раскопок курганного могильника опирается на необходимость исследования всей площади могильника, а не только отдельных курганных насыпей.
2. Разрез курганной насыпи.
3. Погребение в берестяном гробу.
4. Берестяной гроб в кургане 2

Раскопки проводились сплошным вскрытием всей площади могильника, включая межкурганное пространство. Участие в раскопках специалиста-почвовед, д.г.н. А.А. Гольевой (Институт географии РАН) позволило установить, что под многими курганными насыпями сохранились остатки древней пашни. В результате вскрытия 20 курганных насыпей было исследовано 27 погребений, включавших 29 индивидов: 12 взрослых мужчин, 11 женщин и 6 детей. Из 29 погребений лишь одно было совершено на горизонте, остальные размещались в могильных ямах глубиной от 0,3 до 1,3 м. Двенадцать погребений было совершено в деревянных гробах, 9 из которых были обернуты берестой. Все гробы были изготовлены из дуба, дубовые угли были встречены также в заполнении 4 могильных ям. А вот в ровиках курганов встречены угли совершенно иных пород деревьев – ели, березы, ивы, сосны, осины. Явных кострищ в этих ровиках не обнаружено, поэтому эти угли могли попасть в ровики по разным причинам. Наиболее вероятной представляется связь этих углей с ритуальным возжиганием огня поблизости от курганов, но нельзя исключать и того, что это следы поросли, которую периодически приходилось срубать и сжигать, чтобы очистить от нее курганные насыпи. Судя по почвоведческим данным, курганы были окружены пашней, не исключено также, что какое-то время вплотную к ним находились огороды.

Между тем, курганы располагались на расстоянии около 500 м от сельского поселения, жителям которого они принадлежали.

Погребальный инвентарь в женских захоронениях был характерен для погребений подмосковных вятичей и включал семилопастные и перстнеобразные височные кольца, сердоликовые, хрустальные и стеклянные бусы, витые шейные гривны, разнообразные браслеты и перстни. Крест-тельник встречен только в одном кургане (в заполнении могильной ямы). В двух курганах обнаружены остатки ткани – шерстяной с клетчатым орнаментом (в мужском погребении) и тесьмы с золотым шитьем (в захоронении женщины). Уникальна находка в 2 курганах кожаной обуви (туфель). Большой интерес представляют также 4 круглые плоские золотостеклянные подвески, впервые встреченные на территории Руси и происходящие, возможно из киевских мастерских. Все вещи из погребений датируются второй половиной XII – первой третью XIII в.

Чрезвычайно интересные результаты дало сплошное почвоведческое обследование погребенных почв под курганными насыпями (ранее такая работа проводилась лишь под отдельными курганами могильников, что не позволяло получить общей картины). В данном же случае изучение степени сохранности погребенных почв под курганами позволило выявить наиболее ранние из них (с совершенно непо потревоженным почвенным покровом) и более поздние, насыпавшиеся на поверхности, где почва уже была подрезана для возведения курганных насыпей. В результате удалось установить, что первые курганы в могильнике размещались на некотором отдалении друг от друга, а последующие сооружались в пространстве между ними. Таким образом, могильник не рос по площади, а уплотнялся, что может быть связано с тем, что его окружали пахотные поля.

1-3. Вятические семилопастные височные кольца из женских погребений.

4. Бронзовый витой браслет. 5. Стеклянные бусы.

6. Сердоликовые и хрустальные бусы.

7. Шейная гривна. 8. Крест-тельник.

9. Фрагмент шерстяной ткани из мужского погребения.

10. Золотостеклянная подвеска

Фиксация погребения

Интересно, что даже под самыми первыми курганами почва уже несла следы распашки – значит, курганный могильник возник на пахотном поле. Удалось также установить, что курганы в могильнике насыпались в рамках 2 подгрупп – северной и южной, которые начали разрастаться от двух самых ранних курганов, а впоследствии слились в единое курганное поле. Вероятно, можно говорить о 2 семьях, хоронивших своих членов в разных частях могильника.

Большой интерес представляют также погребения, совершенные в могильнике после того, как на нем перестали совершать погребения в курганах. Одно из таких погребений было впускным и принадлежало мужчине в возрасте не менее 50 лет, у кистей рук которого был обнаружен комплект костяных бусин (62 шт., в т.ч. 54 шарообразных и 8 из рыбьих позвонков), которые могли входить в состав четок. Второе необычное погребение было женским и совершено оно было в одном из ровиков, что совершенно не характерно для древнерусского курганного обряда. Необычным был и состав сопроводительного инвентаря из этого погребения, который сохранился очень плохо из-за того, что погребение было почти полностью уничтожено лисьей норой. У черепа погребенной сохранилась только серьга из медного сплава с 4 привесками, которую можно датировать не ранее XVI–XVIII вв. по многочисленным аналогиям.

1. Вятичское погребение взрослой женщины.

2. Вятичское женское погребение

Кроме того, рядом с костями погребенной в перемешанном грунте были найдены 2 замкнутых пластинчатых перстня, 3 железных воротниковых сферических пуговицы, железный крюк и обломок железного гвоздя. Возможно, эта женщина была захоронена тайно, но более вероятным кажется целенаправленное погребение ее на старом языческом (курганном) кладбище, вдали от христианского кладбища при церкви. Так могли захоронить самоубийцу либо женщину иного (неправославного) вероисповедания.

Если исключить из подсчета 2 явно позднесредневековых погребения, описанных выше, то окажется, что к древнерусскому времени относились 27 захоронений с примерно равным количеством мужчин и женщин. Детские погребения составляли 1/5 часть погребений. Установленная пропорция очень важна, поскольку она фиксирует реально существовавшее соотношение погребений детей и взрослых в курганах. Большинство курганных групп в средней полосе России сейчас сильно повреждено кладоискателями, поэтому на них уже невозможно установить, захоранивали ли на них детей только под насыпями, или такие погребения могли существовать и в межкурганном пространстве. На неповрежденных кладоискателями курганах группы Новоселки-2 стало очевидно, что никаких детских погребений в межкурганном пространстве или верхних частях насыпей не существовало.

Следовательно, зафиксированное соотношение детских и взрослых захоронений отражает реальную ситуацию, а не связано с позднейшими разрушениями курганов.

Раскопки курганного могильника Новоселки-2 дали принципиально новую информацию о способах возведения насыпей, впервые позволили выявить внутреннюю хронологию вятичских курганных могильников и показали, что при раскопках курганов на современном методическом уровне они могут изменить существующие представления по многим аспектам их интерпретации.

*Н.с. Отдела охранных раскопок Е.П. Захарова,
н.с. Отдела славяно-русской археологии,
к.и.н. В.Ю. Коваль,
заместитель директора ИА РАН, заведующая Отделом
охранных раскопок, к.и.н. А.В. Энговатова,
вед.н.с. Отдела теории и методики (Группа физической
антропологии), д.и.н. М.В. Добровольская*

Горшок из состава погребального инвентаря –
типичный образец древнерусской глиняной посуды XII–XIII вв.

Раскопки Мякининского комплекса памятников археологии

1. Раскоп на фоне новостроек.
2. Курган 1 Мякининской группы

Мякининский комплекс объектов археологического наследия, размещающийся у дер. Мякинино Красногорского района Московской области (между историческими селами Строгино и Спас-Тушино), на излучине правого берега Москвы-реки, включает целый ряд разновременных памятников древности. Центральное место занимало в нем селище Мякинино-1, лежавшее на правом берегу р. Москвы и существовавшее с середины XII по XV век включительно. Рядом с ним (в 200 м) располагался Мякининский курганный могильник, представлявший собой кладбище этого поселения в раннюю эпоху его существования (в XII – первой половине XIII в.). В 1 км к северу от первого Мякининского селища находилось селище Мякинино-2, практически одновременное ему (существовало со второй половины XII в. до начала XVII в.). На территории обоих селищ в эпоху раннего железного века (во второй половине I тыс до н.э. – начале I тыс. н.э. размещались неукрепленные поселения дьяковской культуры, составлявшие ближнюю округу Спас-Тушинского городища, стоявшего на противоположном (левом) берегу Москвы-реки. Остатки еще двух селищ той же эпохи обнаружены рядом с Мякинино-2 (селище Мякинино-3, которое почти полностью размыто руслом р. Москвы) и на окраине дер. Мякинино (селище Мякинино-6). Наконец, в комплекс входили еще небольшое селище домонгольской эпохи (Мякинино-4) и остатки полевого стана XV–XVI вв. (Мякинино-5). Большинство из этих памятников попали в зону масштабного строительства (здание Администрации Московской области, торгово-выставочный комплекс «Крокус-сити», линия метрополитена) в 1990–2000 гг., что потребовало полного археологического исследования всей площади памятников, которые невозможно было сохранить в ходе строительства.

Раскопки селища Мякинино 1.

Эти исследования были начаты Центром археологических исследований г. Москвы под руководством А.Г. Векслера (работы 1994–1998 гг. на селище Мякинино-2) и продолжены в 2002–2006 гг. Подмосковной экспедицией Отдела охранных раскопок (нач. экспедиции А.В. Энговатова), которой были изучены все сохранившиеся участки селищ Мякинино-1, Мякинино-2, Мякинино-3, Мякинино-5 и Мякининских курганов. При этом на селищах Мякинино-1 и Мякинино-2 были изучены рекордно большие площади (около 10 000 кв.м на каждом из памятников), а на Мякининском курганном могильнике – 25 насыпей с 30 погребениями (или их остатками в тех курганах, которые были разрушены кладоискателями и мародерами).

Центральным и самым важным памятником среди исследованных Подмосковной экспедицией в Мякининском археологическом комплексе стало селище Мякинино-1, которое удалось изучить практически полностью – на площади 10153 кв.м. (часть площадки селища была уничтожена оползнями берега Москвы-реки и строительными работами прошлых лет). В результате на сегодняшний день этот памятник является наиболее полно исследованным в европейской части России сельским поселением русского средневековья, датирующимся в интервале от середины XII в. до второй половины XV в. Уникальность этого поселения состоит также в том, что оно раскапывалось одновременно с принадлежавшим ему курганном могильником середины XII – первой половины XIII в.

Реконструкция селища Мякинино-1 в XII в.

Подобное единовременное исследование сельского поселения вместе с его кладбищем стало практиковаться в российской археологии лишь в последние десятилетия, так что примененный на Мякининском комплексе научный подход можно назвать одним из первых в России. При этом здесь впервые подобные исследования проводились на широких площадях, со вскрытием максимально возможной площади памятников.

Сами раскопки поселения и курганов проводились с привлечением различных специалистов в смежных областях науки – геоморфологов, почвоведов, палинологов, остеологов, карпологов, антропологов и др., причем результаты исследований этих специалистов применялись для корректировки методики и порядка археологических раскопок уже в ходе полевых работ, отражаясь в отчетах о раскопках и экспресс-публикациях. Обработка полученных материалов также проводилась комплексно – т.е. с привлечением лабораторных методов (радиоуглеродного датирования, фитолитного анализа, рентгеноспектрального анализа стекла и металлов, металлографического анализа металлических изделий и др.). К изучению коллекций, кроме работников Института археологии РАН, были привлечены сотрудники иных научных организаций Москвы и Санкт-Петербурга (Государственного исторического музея, Московского государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета, НИИ культурного и природного наследия, Института истории материальной культуры, Геологического института РАН, Института географии РАН и др.).

1. Разрез постройки XV в.
2. Крест-энколпион. Киев, XII в.
3. Амулет-змеевик. Киев, XII в.
4. Обломок византийской амфоры. XII–XIII вв.
5. Обломок золотоордынской чаши. XIV в.
6. Бронзовая накладка с остатками желтой эмали. Киев, XII в.

В результате совместной работы столь крупного коллектива специалистов впервые получена комплексная картина жизни средневекового русского поселения: изучены не только сами археологические объекты, но и древняя среда обитания в данном месте и динамика ее изменений во времени (климатические особенности, растительный покров, система землепользования).

За время раскопок селища Мякинино-1 исследовано около 700 заглубленных в материк объектов (из них более 200 принадлежали различным постройкам), собрано более 1900 вещевых находок и более 30000 фрагментов керамики, из которых удалось собрать несколько десятков археологически целых форм сосудов. Селище представляет собой остатки крупного поселения, которое выделяется из массы подобных как по своим размерам, так и по составу находок, которые указывают на достаточно высокий социальный статус проживавшего здесь населения. Среди таких находок можно назвать бронзовые крест-энколпион и амулет-змеевик, 2 каменные иконки, обломки византийской амфоры, золотоордынских поливных полихромных чаш, русского поливного сосуда с рельефным изображением музыкантов (гуслеяра и гудца), бронзовые и серебряная накладки (последняя – от наборного пояса, найденного в одном из Мякининских курганов при раскопках В.А. Городцова в 1924 г.). Многочисленны здесь также находки стеклянных браслетов, бус, шиферных пряслиц, замков и ключей от них, височных колец, перстней, других украшений костюма.

На высокий статус данного поселения указывает также находка железных оков – предмета, прямо связанного с деятельностью администрации (только она имела право содержать узника в оковах). Само присутствие представителей такой администрации на территории селища и выполнения ими карательных функций свидетельствует о том, что исследованное селище не было рядовым. На начальном этапе своего существования (XII–XIV вв.) статус данного поселения можно определить как крупное село. Отсутствие следов церкви и кладбища при нем исключают возможность такой же интерпретации этого памятника на финальном этапе его существования (XV в.).

Каменная иконка, бронзовый и янтарный кресты-тельники. XII в.

Благодаря большой вскрытой площади поселения удалось составить представление о его планировке. К сожалению, полученные данные далеко не полны, поскольку селище было сильно повреждено. Прежде всего, эрозионному разрушению подвергся западный край площадки, обращенный к Москве-реке. Из-за подмыва берегового склона значительная часть селища бесследно исчезла. Не исключено, что разрушено оказалось до половины площади памятника, причем это была самая престижная и самая древняя его часть – вдоль древнего берегового склона. Южная часть селища оказалась повреждена при строительных работах, а по центру площадки проходили линии современных коммуникаций, траншеи которых также нанесли значительный урон сохранности и целостности древних объектов. Наконец, вся площадка селища не менее 200 лет подвергалась распашке под сельскохозяйственные посевы. Несмотря на все это, археологическим раскопом удалось вскрыть всю оставшуюся неповрежденной часть площадки памятника.

Сгоревшая постройка XIV в.

Выяснилось, что усадьбы жителей древнего поселения располагались без четкой системы, но они выстраивались вдоль берега реки. При этом все усадьбы были разделены иногда заметными расстояниями друг от друга (до 20 и даже 50 м), а некоторые из них были отодвинуты довольно далеко от берега. В домонгольскую эпоху площадка селища имела частокольную ограду, которая постепенно передвигалась в напольную сторону.

Из-за многолетней распашки культурный слой селища оказался почти полностью переотложен, не сохранились и надземные части деревянных домов, которыми было застроено поселение. Однако все подземные части жилых домов и хозяйственных построек сохранились в неприкосновенности – это подвалы (подпольные ямы) в жилищах, отдельно стоявшие погреба, следы от врытых столбов. Лишь в нескольких подобных углублениях обнаружены прослойки угля, которые могут свидетельствовать о погубивших постройки пожарах. Особенно интересен в этом смысле крупный погреб XIV века с остатками сгоревшего сруба, служившего для изоляции от земляных стенок котлована, на полу этого погреба была найдена раздавленная перегоревшая до пемзообразного состояния красноглиняная корчага – крупный сосуд для хранения жидких и сыпучих веществ (воды, пива, солода, зерна и т.п.).

Материалы Мякининского комплекса составили новый важный источник для изучения быта сельского населения средневекового Подмосковья.

1. Горшок. XII в.

2. Обломок византийской стеатитовой иконки. XII в.

В остатках исследованных построек обнаружен разнообразный хозяйственный инвентарь, наборы которого представляют существенный научный интерес, характеризую уровень развития ремесла и торговли в ближнем Подмосковье. Торговля упомянута здесь не случайно: многие из предметов быта, найденных на селище, относятся к продукции городских мастеров, следовательно, они были привезены сюда из Москвы, которая была ближайшим к этому месту городом. Московские изделия узнаются, прежде всего, среди кузнечной продукции (ножей) и керамики (горшков, кувшинов, корчаг) XIV–XV вв. Предметами более дальнего импорта домонгольской эпохи были упоминавшиеся выше византийская амфора (изготовленная в Трапезунте), стеклянные браслеты и бронзовые украшения с декором из желтой эмали, привезенные из Киева, а для более позднего времени – золотоордынская поливная посуда и поливной водолей из Твери. Это означает, что жители Мякининского комплекса были включены в систему внутренней (а отчасти и внешней) торговли Владимиро-Суздальского, а затем – Московского княжества.

Раскопки Мякининского комплекса позволили российской археологии получить уникальный материал, ярко характеризующий все особенности жизни крупного средневекового поселения в ближайших окрестностях Москвы – от системы жизнеобеспечения (земледелие, скотоводство, охота, рыбная ловля, промыслы), домостроительства, мелкого ремесла, торговли до бытовых подробностей частной жизни и погребальных ритуалов.

Бронзовая иконка со св.Георгием. XIV–XV вв.

Все эти данные особенно интересны потому, что Мякининский комплекс располагается в том месте, которое историки (в частности, знаменитый москвовед И.Е. Забелин) рассматривают как один из важнейших транспортных узлов средневековья, сопоставимый по своему значению и потенциальным возможностям градообразования с самой Москвой.

В настоящее время начата публикация Мякининского комплекса памятников: первыми будут опубликованы результаты раскопок курганного могильника, готовится к публикации обширный материал селища Мякинино-1.

*Заместитель директора ИА РАН, заведующая Отделом охранных раскопок, к.и.н. А.В. Энговатова,
н.с. Отдела славяно-русской археологии,
к.и.н. В.Ю. Коваль,*

Романов двор в Москве

1-2. Раскоп 2002 года в павильоне

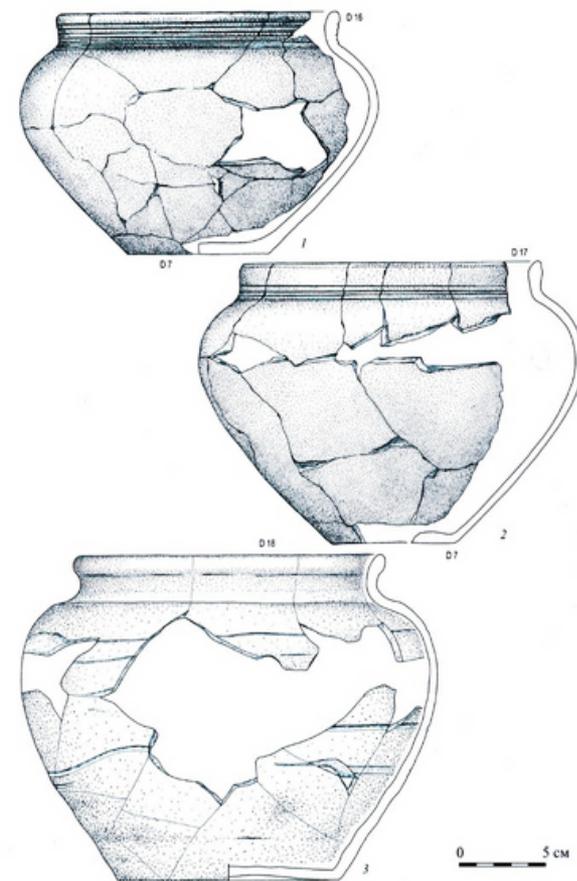
«Романов двор» – один из крупнейших археологических проектов, осуществленных Институтом археологии на новостройках Москвы в 1996–2002 гг. Исследования проводились на территории двора «старого здания» Московского Университета на Моховой улице (д. 9), где в первой половине XVII в. находилась усадьба бояр Романовых. Именно сюда вернулся в 1603 г. после ссылки Иван Никитич Романов и здесь жил его бездетный сын Никита Иванович, умерший в 1654 г. Затем территория двора отошла в казну, а несколько десятилетий спустя была разделена на частные дворовладения. С двором Университета связано одно из самых мрачных московских преданий – здесь находился Опричный двор Ивана Грозного. Остатки этого двора регулярно «находили» в подвалах университета, но на самом деле это были лишь фантазии.

Как всегда это бывает в городе, за право вести раскопки пришлось бороться, но на этот раз повезло, так как застройщики оказались знакомы с археологией, так как выросли на Афросиабе в Самарканде.

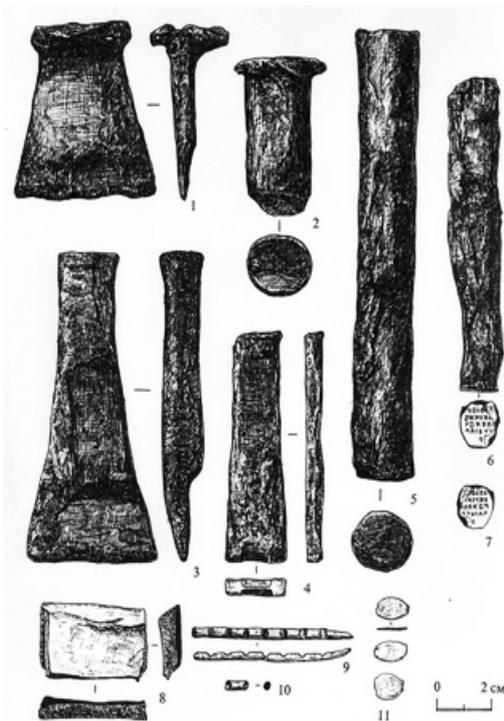
В ходе исследований был применен ряд новых для московской археологии методических приемов. Раскопки вынужденно проводились не только в летний период, но и зимой. Для проведения зимних раскопок с соблюдением всех тонкостей методики были сооружены специальные отапливаемые и освещенные павильоны. Одной из основных категорий находок были мелкие отходы монетного производства – поэтому весь культурный слой пропускаться через рамку металлоискателя. Исследования имели комплексный характер. Изучались геохимические особенности культурного слоя с целью реконструкции экологической обстановки в средневековом городе; анализировались палеоботанические остатки, на основе чего была разработана опорная шкала изменения растительного «фона» города начиная с XII в.

Первым сенсационным археологическим открытием было обнаружение остатков Нового дворцового денежного двора, функционировавшего в течение всего нескольких лет в ходе денежной реформы 1655–1663 гг. Об этом дворе почти ничего не было известно из письменных источников. Не было известно даже, где он находился. Ясно было лишь, что он располагался за пределами стен Кремля на дворцовой территории. Романов двор в 1654 г. и стал такой дворцовой территорией, и когда обнаружались очевидные признаки денежного двора, то логично было предположить, что это именно Новый дворцовый двор. Зачем было иметь в Москве несколько денежных дворов? Точного ответа на этот вопрос нет, но наиболее вероятный (и несколько парадоксальный) ответ – для борьбы с воровством. Сохранившиеся записи судебных дел 1662 г. показывают, что крупнейший Новый английский денежный двор в Москве просто погряз в злоупотреблениях. Видимо, царская администрация пыталась создать новое предприятие из особенно проверенных дворцовых мастеровых. Археологические находки показали, что попытка не удалась. В раскопе были найдены многочисленные клады – утаенной продукции и заготовок. Но еще больший вред нанесли слухи, так как именно создание засекреченного Нового дворцового денежного двора, видимо, спровоцировало разговоры москвичей, что глава приказа Большого дворца (фактически премьер-министр по сегодняшним меркам) боярин И.Д. Милославский печатает деньги «на себя». Обо всех этих перипетиях было известно из записок австрийского посла Августа Мейерберга. Раскопки на Романовом дворе стали иллюстрацией к его описанию.

В слое пожара сохранились остатки сгоревших построек двора и многочисленный производственный инвентарь (зубила, чеканы верхние и нижние), заготовки и сама продукция – медные копейки. Это единственный случай археологического изучения средневекового денежного двора на территории России.

Керамика XVI в.
из горизонта «Опричного двора».
1, 2 – белоглиняные гладкие горшки, 3 –
белоглиняный грубый горшок

ИНСТРУМЕНТЫ ИЗ РАСКОПОК ДЕНЕЖНОГО ДВОРА
Известный авторский план
чеканки медные копеек

1. Инструменты из раскопок Денежного двора

2-3. Штемпели для чеканки монет

4. Клад заготовок монет

5. Заготовки монет

6. Горизонт почвы XV в со следами лопат

7. Надворная печь XVI в. (печь № 1)

8. Надворная печь XVI в. (печь № 4)

9. Реконструкция печи, выполненная Л.Б. Ланцманом по материалам раскопок на Романовом дворе и ее аналогии в книжной миниатюре XVI в.

Уникальные данные позволили дополнить имевшиеся ранее представления о том, как производилась ручная чеканка монет, а также получить свидетельства повседневного быта сотрудников этого важнейшего для государства производства. Находки многочисленных кладов демонстрируют яркую картину «медной лихорадки», когда продукция денежного двора расхищалась и утаивалась, несмотря на все предосторожности и запреты.

Под слоем денежного двора залегал мощный строительный прослой – мусор, отложившийся при сооружении палат Никиты Ивановича Романова. Еще ниже фиксировался горизонт почвы со следами лопат. То есть на участке был в это время период, когда культурный слой почти не накапливался. В огородном горизонте были найдены монеты Михаила Федоровича Романова. Под огородом характер отложений был совершенно иной – многочисленные прослойки, составляли свиту толщиной почти 1 м, но находки в них были очень близкого возраста – все укладывались во вторую половину XVI в. Очевиден всплеск какой-то строительной активности. Доказательством того, что в раскоп вошла часть именно опричного двора является находка многочисленных надворных печей из кирпича. Всего их было найдено 14. Надворные печи типичны для московских усадеб XVI в., но не в таком количестве. На богатой боярской усадьбе Романовых на Варварке их было три. Печь функционировала как полевая кухня. Сами конструкции надворных печей из кирпича, видимо, пришли в Москву с запада. Аналогичные были найдены в Литве. Обилие печей свидетельствует о том, что на территории раскопа в XVI в. стоял значительный контингент слуг, которых надо было кормить. Находки рядом с печами указывают на относительно высокий социальный статус обитавших здесь людей.

Романов двор в Москве

Это осколки стеклянных кубков немецкой работы аналогичных царскому набору, пороховница европейской работы из рога оленя с гравированным изображением воина-аристократа с кубком в руке. Не будет натяжкой сделать предположение, что в раскоп вошла хозяйственная часть опричного двора, описанная Г. Штаденем. Одной из исторических загадок является вопрос, что стало с персоналом опричнины после 1572 г. Раскоп на Романовом дворе проливает некоторый свет на этот сюжет. В раскопе хорошо выделялись две хронологические группы печей. Первая группа погибла в большом пожаре (видимо, 1571 г.). Но на смену были выстроены новые печи и в еще большем количестве. В них отложились внушительные слои золы. «Кормушка» опричного двора продолжала функционировать и после 1572 г., видимо, до 1584 г., когда две параллельные администрации были, наконец, слиты воедино.

В погребенной почве, подстилавшей культурный слой, прослежены следы распашки XII–XIII вв. В материке найдены подпечные ямы от сгоревших построек небольшого сельского поселения этого времени, содержавшие типичные для московского региона находки – обломки семилопастных колец, шиферные пряслица, стеклянные браслеты.

Изучение Романова двора позволило прояснить историческую топографию Занеглименья в хронологическом интервале XII–XVII вв. и, таким образом, «закрывать» одно из обширных белых пятен на исторической карте Москвы. Полученный разрез культурного слоя Москвы, свидетельствует о его сложном строении и большой информативности. Результаты раскопок опубликованы в виде книги. В офисном здании на месте раскопок (Романов пер., 4) развернута музейная экспозиция.

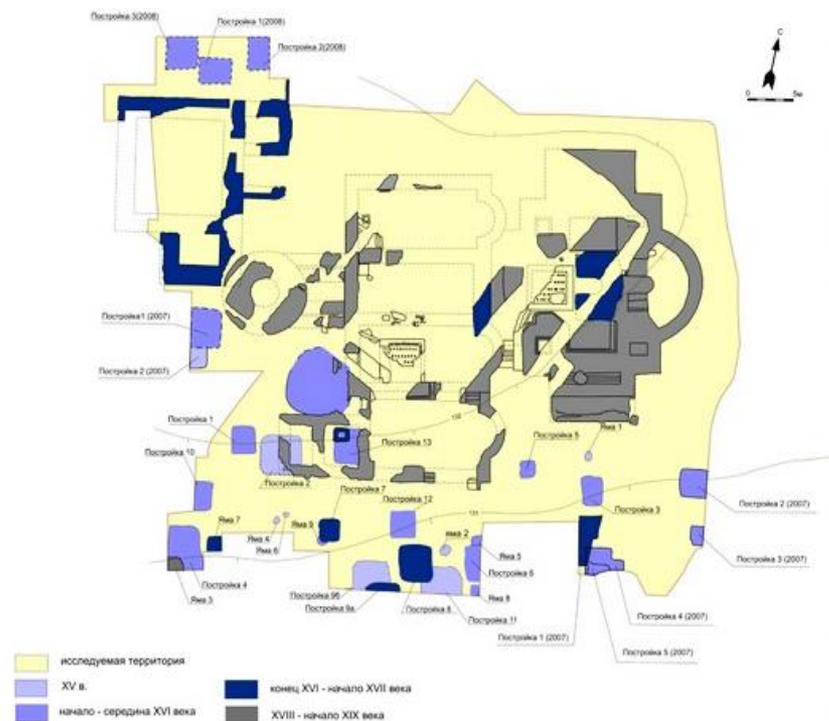
Ст.н.с. Сектора археологии г. Москвы, к.и.н. Н.А. Кренке

1. Осколки стеклянных кубков немецкой работы;
2. Стеклянный кубок из царского набора; 3-4. Пороховница европейской работы из рога оленя с гравированным изображением воина-аристократа с кубком в руке (фото и прорисовка); 5. Следы распашки XII–XIII вв. в предматерике;
6. Следы сохи XII в. в предматерике; 7. Следы сгоревшей постройки XII в.;
8. Профиль разреза культурного слоя Москвы, полученный по материалам раскопок на Романовом дворе;
- 9-11. Музейная экспозиция в здании на месте раскопок

Зачатьевский Алексеевский монастырь: археология и проблемы ранней истории Москвы

1. Схематический план раскрытых сооружений (2003–2010 гг.).

2. Общий вид сверху на расчищенные руины соборного комплекса с северо-востока. Открыты кладки XVI–XX веков.

Фото: Н. Кренке, С. Орлов

В самом сердце Москвы, на Остоженке, сохранилась часть старого, еще допетровского города. Это монастырь, известный с конца XVI в. как Зачатьевский. Его отождествила с Алексеевским монастырем XIV–XV вв. историко-церковная традиция, связав с деятельностью сподвижника Дмитрия Донского, митрополита Алексея, что обеспечило обители место среди древнейших женских монастырей. Но достоверно судить о событиях, происходивших 400–500 лет назад, мешала скудость письменных источников.

Ситуация изменилась благодаря целенаправленной работе сектора археологии Москвы ИА РАН. Начатая в 2003 г. в связи с необходимостью восстановления собора, она идет почти 10 лет, став самым долговременным и систематичным археологическим проектом в Москве. Впервые в истории русской археологии полностью вскрыт монастырский двор с храмами, жилыми и хозяйственными постройками, погребальными комплексами. Оказалось возможным создать хротоп истории монастыря, достаточно независимый от письменных свидетельств, собрать новые аргументы и поставить перед источниковедением свои задачи на поиск свидетельств. Что, с точки зрения процедуры, необычно: «следователя» обычно играет историк – археологу достается роль экзаменуемого, отвечающего на готовые вопросы.

Зачатьевский монастырь стоит юго-западнее, выше Кремля по течению р. Москвы и отделен от него устьем болотистой р. Неглинки и оврагом р. Черторый. В XIV–XV вв. это начало сельской округи, где над рекой проходила большая дорога с востока на запад.

1. Белокаменное надгробие второй половины XIV – начала XV вв.

2. Погребальные глазурованные сосуды для елея помазания.
Вторая половина XIV–XV вв.

3. Нагрудная иконка с изображением св. Никиты-бесогона. Резная кость, металлическая оправа. XV в. Лицевая и оборотная сторона

4. Крест-реликварий с Распятием, св. Никитой-бесогоном и избранными святыми. Бронза, литье. XV в. Лицевая и оборотная створки.

5. Керамические плитки пола деревянной церкви. Конец XIV–XV вв.
6. Пуло можайское. Аверс и реверс

Выше, у Крымского брода, стояло одно из больших сел, окружавших Москву с эпохи Ивана Калиты – Семчинское (вблизи сел, дорог и переправ через реки основаны многие монастыри). В 1584 г. здесь, «за чертольскими вороты», царь Федор Иоаннович создал «Зачатьской.. новой девич монастырь..». Однако раньше, со второй половины XIV в., на том же месте стоял процветающий Алексеевский монастырь, что доказывает археология.

Непрерывность развития участка со второй половины XIV по 1580-е гг. обозначили погребения (в центральной зоне их изучено более 800). Среди находок – сосуды для елея и редкое надгробие второй половины XIV в.; медная иконка с оглавием, двустворчатый крест-реликварий, резной по кости образок защитника от нечистой сила, св. Никиты – XV в. Отмечены следы деревянной церкви в юго-западной части изученного участка (погибла до начала XVI в.) – квадратные керамические плитки для полов с углублением на обороте. Хронологию поддерживает археология быта. Древнейшая керамика в слоях принадлежит второй половине XIV–XV вв., а обширная (ок. 150 экз.) нумизматическая коллекция включает монеты эпохи Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича, удельных княжеств (в т. ч. уникальные) и Москвы конца XV – первой половины XVI в. (в т.ч. монета с известной надписью «Ornistoteles»). Монет ручной чеканки здесь даже больше, чем обычно встречается в центре Москвы.

Но монастырь ли это? Масштабы кладбища явно велики для усадьбы, только одна треть мужских погребений – две трети женщины, а такие диспропорции типичны для монастырских кладбищ.

Зачатьевский Алексеевский монастырь

То же показывают надписи плит (32 женщины, 9 мужчин). Более 100 надгробий (надписаны не все) представляют эволюцию старомосковских памятников от камней-валунов и «досок» XIV до пышных «саркофагов» и «таблиц» конца XVII в. Плит XVI в. две трети, а XVII в. – одна (обычно наоборот); в XVII в. среди них достаточно знатные и/или состоятельные: из семей бояр и дворян, как схимница Анисья, жена Головкина, (20.12.1596 г.), Т.П. Макшеев (21.02. 634 г.), Феодосия Воронцова; из приказных, как Феодосия Григорьевна, жена дьяка Авраама Кощеева; из богатых торговцев или ремесленников, как «брон(н)икова жена» Василия Усольцова, схимница, (1596 г.). Появление Зачатьевского монастыря засвидетельствовано открытым здесь погребением его игумении Маремьяны (Елизаровой), (1597 г.), ранее неизвестной.

Более древние, чем время образования Зачатьевского монастыря, плиты особенно интересны. Монахини до конца XVII в. названы в 24 случаях, из них 21 схимонахиня (две плиты – жен иереев, из них одна 1654 г.). К концу XV – первой четверти XVI вв. относится до 10 плит без надписей; от первой половины XVI в. дошли две плиты с точной датой (младенца, 1524 г.; Михаила Беклемишева, 1538/37 г.), от эпохи правления царя Ивана Грозного – уже 6 (1550-х гг., 1551, 1560, 1567, две плиты 1568 г.), в том числе уважаемых горожан (Василий Данилович Ушеков, 1551 г.) и девиц (Соломонида Матвеевна Собакина, 1567). Это надежно объединяет первое кладбище с некрополем Зачатьевского монастыря на том же месте после 1584 г.

Фрагмент надгробия с частью надписи («...преставился поп Ива(нъ) Олексеевской а во иноцех Игна(те)й»). Известняк, резьба. 1520-е – 1560-е гг.

Плиты монахинь (схимница Ливия, 1560; схимница Мария Семенова и безымянная схимница, 1568) образуют неразрывное целое с полутора десятком записей о смерти схимниц в первые годы Зачатьевского монастыря (1588/89–1600-м гг.) и делают атрибуцию всего кладбища как монастырского несомненной (других признаков тоже много, но большей частью это XVII в.: кирпичи-подголовники; четки из кости, стекла, дерева и кости по 5, 7, 10 и более бусин, вплоть до 110, с обязательной бусиной-«поклоном»; железные массивные цепи вериг).

Каково же имя раннего монастыря? Его доносит плита с надписью, называющей имя храма: «...преставился поп Ива(нь) Алексеевской а во иноцех Игна(те)й» (дата 1520–1560-е гг. – эпитафическая и по орнаменту рамки). Погребение настоятеля церкви с престолом св. Алексея в девичьем монастыре – неоспоримый аргумент в пользу его определения как Алексеевского монастыря XVI в. (а значит, и в более ранний период). Другой аргумент для соединения монастырей – почитание двух родственниц мирополита Алексея, Иулиании и Евпраксии, как основательниц Зачатьевской обители (фундаменты особой палатки с их «гробницами» изучены и датированы 1590-ми гг.).

До начала XVI в. Алексеевский Зачатьевский монастырь оставался деревянным, в 1510-х – 1540-х гг. получил каменное здание – трапезную с хозяйственными подвалами и, возможно, церковь во втором уровне. В северо-западном углу соборной площади открыты его подземные кирпично-белокаменные палаты: зал 11 x 11 м (с центральным столбом?), кладки сохранились в высоту на 3.40 м), а к югу от него перекрытое коробовым сводом помещение 4.5 x 4.5 м. С востока изучена наземная пристройка (3.5 x 4 м), а с запада – мощные столбы галереи.

1. Южная и часть северной палаты монастырской трапезной первой половины XVI в. Вид с севера. Фото 2009 года.

2. Подошва кладки южной южной палаты монастырской трапезной первой половины XVI в.

Чернолощеный рукомойник.
Конец XV–XVI вв.

Когда же древний монастырь был перенесен в Белый город, а его старое место в Остожье заброшено? Он существовал по крайней мере до 1571 г. – на его кладбище появлялись погребения схимниц. В то же время, в Алексеевском монастыре в Белом городе известны надгробия не ранее 1582 г. Возможно, с середины XVI в. здесь находилось городское подворье монастыря, его «осадный двор», куда после большого пожара 1571 г. стянулся весь монастырь.

Археология отвечает и на другие вопросы. Был ли монастырь в XIV в. киногией или сохранял келиотское устройство? Свидетельства быта подтверждают общее хозяйство. Зачатьевский – единственный из русских монастырей, где системно изучена деревянная застройка XIV – первой половины XVI в.: с юга и запада вдоль соборной площади открыты две параллельные линии деревянных строений (келий ?) с глубокими подпольями. Они шли с запада на восток вдоль оси собора, поворачивая и затем огибая площадь. Линии существовали долго: один ряд успели оставить и перейти в новые, сдвинув всю систему к центру участка. Смена рядов произошла около середины XV в. в спокойной обстановке: подземные части засыпали чистым песком. Но «кельи» нового ряда сгорели в пожаре XVI в. (1548 г. ?). Их не восстановили: обгоревшие перекрытия и полы закрыли погреба, где стоят оставленные сосуды: огромные (вместимость до 25 л) тонкостенные кувшины из белой глины; малые кувшины из красной глины, украшенные полосами лощения; «кубышки» (керамические бутылки).

1. Сосуды из подполий келий XV–XVI вв.;
2. Кувшины красноглиняные конца XV–XVI вв. из подполий келий.
3. Кубышки керамические конца XV–XVI вв. из подполий келий;
4. Кувшины-кружки XV – начала XVI вв. с ангобом пятнами;
5. Фрагменты фарфорового (селадон) блюда. Китай, XIII–XIV вв.
6. Фрагменты золотоордынского расписного глазурованного сосуда. XIV в.
7. Сфероконус плоскодонный (со следами воздействия высоких температур). Северный Кавказ, XIV в.

Собраны десятки целых сосудов, причем их набор в постройках одинаков: 4-6 больших кувшинов, 3-4 малых, 1-2 кубышки, 1-2 горшка и маленькие кувшинчики, расписанные белым ангобом. Высокая степень «эгалитарности» в потреблении и «регулярный» план, по которому стояли кельи, вероятно, признаки общежительного устройства. Находки в кельях датируются XV – серединой XVI в. (монеты в засыпке – до середины XVI в., что определяет момент гибели – до 1571 г.).

При возобновлении монастыря в 1584 г. внутренняя топография изменилась: застройку вдоль монастырской площади не возобновили – на ее месте возник новый участок кладбища с центром вокруг каменной палатки, почитавшейся как место упокоения основательниц монастыря (северо-западный угол площади).

Отдельные находки указывают на высокий статус Алексеевского монастыря в XIV–XV вв., подтверждаемый и письменными источниками. Исключительно редкие и дорогие вещи восточного происхождения XIV в. – сосуд из одноцветного китайского фарфора (селадон); полуфаянсовые чаши Золотой Орды; «сфероконус» с Северного Кавказа (толстостенный биконический сосуд с тонким отверстием, использовался на Востоке как тара для химических препаратов) – позволяют сопоставлять древности монастыря с Кремлем, даже вспомнить о связях с Ордой митрополита Алексия, там бывавшего.

Огромный материал здесь описан не весь, но его довольно для того, чтобы показать возможность археологии строить собственные хроно-топографические версии развития, выявлять зоны, слабо изученные в источниковедческом отношении, готовить темы для архивной проработки.

Зачатьевский Алексеевский монастырь

Не в последнюю очередь это и вопрос об отношении к устной традиции (преданию). Ответы будут важны не только для общей истории города и монастырского строительства – они улучшат понимание между археологами, источниковедами и историками Церкви, помогут выработке новых комплексных подходов к истории русской культуры.

Работы в Зачатьевском монастыре – удачный опыт сотрудничества с Церковью. И община, и высшие иерархи живо интересовались ходом исследований и сделанными открытиями. Древности стали предметом охраны и ядром архитектурно-археологического музея (вокруг них возведен подклет нового собора, где размещен лапидарий и экспозиция по археологии монастыря).

*Заведующий сектором археологии г. Москвы,
гл. редактор журнала "Российская археология",
д.и.н. Л.А. Беляев*

Последние публикации:

Беляев Л.А. В Зачатьевском монастыре: опыт инвентаризации древностей в церковную среду // Московское наследие. М., 2009, № 11. С.28–30;

Беляев Л.А. Из глубины веков // Наука в России. М., 2010. № 6 (ноябрь; декабрь). С.58–67;

Глазунова О. Н. Комплексы керамики из жилых построек 2;й пол. XV–XVI в. Зачатьевского монастыря (г. Москва) // Российская археология. 2008. № 2. С.128–141;

1. Угол закладной плиты оброчной работы с сохранившейся покраской. Читается слово «Москва» (или «московский»). Конец XVII в.
2. Патриарх Алексей II осматривает археологические находки в монастыре. 2006 г.

**Новый Иерусалим как объект археологии:
первый этап исследований Института археологии РАН (2009–2011 гг.)**

Работы в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре организованы, впервые в истории археологии в России, как неотъемлемая часть проекта восстановления и развития нового духовного центра страны. Это пилотный проект, общий для Государства и Церкви. Он включает архитектурную реставрацию, инженерное, ландшафтное, музейное и иное проектирование. Институт археологии РАН сопровождает работы от начала исследований до завершения строительства (2016 г.). Цель – получить данные для проектирования, не допустить утраты древних слоев и сооружений, а, главное, создать обоснованную концепцию генезиса и развития Нового Иерусалима. Специально созданная экспедиция (рук. Л.А. Беляев) ведет работы по непрерывному циклу (единственный пример в практике археологии).

В основе объемного решения, плана, иконографии, литургической организации монастыря лежит замысел Патриарха Никона, предполагавший создание Русской Палестины путем «переноса» евангельской топографии и святынь. Под его руководством во второй половине 1650 – середине 1660-х гг. возник уникальный объект – единственная в мире полномасштабная копия храма Гроба Господня (IV–XVI вв. н.э.). Она сохранила его облик, утраченный за прошедшие столетия в иерусалимском «оригинале», что определяет ценность Нового Иерусалима для всей мировой культуры.

Общий вид раскопок с крыши собора

Здесь возникла уникальная амальгама традиций Византии, Древней Руси и Запада, отраженная в огромной изразцовой декорации XVII века; композициях из просветительных текстов (ранняя версия «монументальной пропаганды»); бронзо-литейном кирпичном подземном комплексе для отливки колоколов, будто сошедшем с чертежей эпохи Ренессанса. Даже бытовая керамика рисует неожиданную смесь южнорусских и центрально-европейских вкусов.

Достройки, ремонты, разрушения существенно изменили облик собора, монастыря и окрестностей. Для восстановления необходима твердая почва фактов. Раскопки открыли подлинные «Подмосковные Помпеи»: на месте пустырей возникла системная застройка 1650-х – 1760-х гг.: сотни квадратных метров «улиц» и дворов, покрытых булыжными вымостками; остатки валунных фундаментов деревянных и каменных зданий (дворцовых, хозяйственных, производственных). В зоне палат Патриарха изучен древний пруд и остатки палат, остатки полов, печных изразцов, найден золотой «марианский» дублон Матиаша Корвина, служивший образцом для «угорских золотых» Москвы XVI–XVII вв.

Полностью изучен рельеф монастырского холма; прослежена технологическая цепочка «нулевого цикла» строительства самого сложного инженерного сооружения России середины XVII в. Воссоздается первоначальная литургическая организация.

1. Расчистка каменных кладок.
2. Двор патриарха Никона. Реконструкция раппорта орнамента из плиток для настилки полов. Первый строительный период (1656–1666 гг.).
- 3-4. Двор патриарха Никона. «Марианский» золотой Матиаша Корвина

1. Склон обваловки ограды эпохи патриарха Никона у западной стены монастыря. Фото с севера. 2011 год.
- 2-4. Двор патриарха Никона. Парадная керамическая посуда центральноевропейских типов: рукомойник, жаровня-сковородка, горшки-кастрюли. XVII в.;
5. Двор патриарха Никона. Шлифовальный инструмент ювелира (?). XVII в.
6. Формовочно-литейный производственный комплекс для литья колоколов. XVII в. Первый строительный период (1656–1666 гг.). 2011 год.
- 7-8. Изразцы печные с сюжетами из сборника «Символы и эмблемата». Начало XVIII в.

Откровением стали неизвестные архитектурные изразцы 1650-х гг. для фасадов, интерьера и центральной святыни собора – полноразмерной модели Гроба Господня. При южном входе в собор раскрыты основания неизвестной ранее пристройки (Капелла Франков?) – особого парадного входа на Голгофу по небольшой наружной лестнице, которая так и не была воздвигнута.

Вдоль современных стен открыт образцовый крепостной гласис эпохи Никона: вал из песка, обложенный по склонам булыжным панцирем и, поверх камня, дерном, который венчали деревянные стены с башнями; утраченные части нынешних стен и башен 1690-х гг. (караулен, оранжерей, сложных подземных сводчатых палат, обкладка склона холма из белокаменных квадров). В источниках эти сооружения в лучшем случае упоминались.

Работы внутри монастыря сосредоточены в южной зоне, где располагался двор патриарха Никона и первые деревянные храмы монастыря, Воскресенский собор и Трехсвятительская церковь; стояли палаты и дворцы для приема царственных особ и корпус келий. Эти здания находились в сложном хроно-топографическом соотношении.

В зоне двора патриарха Никона открыты постройки складского типа, где отложились серии не использованных архитектурных и печных изразцов, поливных плиток пола и посуды. Здесь сделаны неординарные находки: ювелирный инструмент для шлифовки, уже упомянутый золотой «марианский дукат» короля Венгрии Матиаша Корвина.

В эпоху Никона монастырь предстает опытной стройплощадкой, в которую вписано и собственное жилище патриарха, и сам собор. ,

К этому этапу относится уникальный комплекс для литья колоколов: формовочно-литейная яма и часть плавильной печи, в 1720-е гг. заполненная рельефными полихромными изразцами. Аналоги известны в Европе (Литва Германия, Италия) с XI в., но для России это инженерное сооружение пока уникально.

Следы бесчисленных паломничеств рисуют евлогии (благословения): части трехстворчатого литого складня и резного перламутрового креста (из Палестины ?), медальон с иконой Воскресения. Наборы печных изразцов XVII – раннего XVIII вв. исключительно разнообразны и включают все известные науке типы, от простейших терракотовых «красных» до расписных плоских, а также ряд неизвестных в остальной России.

Специальные исследования почвы, радиоуглеродный анализ, дендрохронология определяют палеоландшафт и гидросистему Русской Палестины, природную среду, в которой создавался монастырь. На монастырском холме открыты и следы гораздо более древних памятников: поселения финала бронзового века (керамика, следы производства каменных боевых топоров, цельнобронзовый кинжал – уникальный в лесной полосе Европейской России) и финно-угорского могильника (подвеска-конек; серьга-сюльгама, витой браслет).

Исследования в Новом Иерусалиме рисуют церковную культуру зарождающейся современной России так глубоко, живо и подробно, как никогда ранее. Она видится теперь одной из ранних попыток модернизации страны, которые в ближайшем будущем обеспечат цивилизационный прорыв Петра Великого.

1. Богородица. Фрагмент перламутрового резного Распятия. Паломническая реликвия. XVIII–XIX вв.; 2. Однотипные кронштейны от шатра ротонды, сбитые после пожара начала XVIII в. 1-й строительный период. 3-5. Варианты архитектурных изразцов с классическими орнаментами; 6-9. Варианты архитектурных изразцов с изобразительными мотивами; 10. Бронзовый кинжал с антеннообразным навершием. I тыс. до н.э. 11. Бронзовый витой браслет. Древнерусский период

Новоиерусалимская экспедиция накопила опыт системных исследований больших архитектурных ансамблей в сотрудничестве с реставраторами, инженерами, учеными-естественниками; установлен контакт с коллегами из Литвы и Германии; возрос интерес молодых ученых к археологии конца средневековья, ранним промышленным технологиям, к монастырской археологии и музеефикации объектов. Складывается новая группа специалистов по археологии Московского государства – ей предстоит довести начатые исследования до конца. Впереди много открытий: в начале 2012 г. найдено первое кладбище братии с надгробиями первых архимандритов у деревянной церкви Воскресения Христова юго-западнее собора (на её освящении в 1657 г. царь Алексей Михайлович впервые назвал обитель «Новый Иерусалим»).

Заведующий сектором археологии г. Москвы, гл. редактор журнала "Российская археология", д.и.н. Л.А. Беляев

Литература:

Biddle M. The Tomb of Christ. Thrupp; Stroud (Gloucestershire), 1999.

Krüger J. Die Grabeskirche zu Jerusalem: Geschichte-Gestalt-Bedeutung. Regensburg, 2000.

Беляев Л.А. Гроб Господень и реликвии Святой Земли // Христианские реликвии в Московском Кремле

1. Поверхность первого кладбища 1650–167-х гг. с остатками надгробных памятников. На первом плане – погребение архимандрита Акакия (+ 1670).
2. Надгробная резная доска архимандрита Акакия (+ 1670) в момент раскрытия. 2012 г.